

Выходит с 1994 года

ЭКОНОМИКА
и У **правление:**
научно-практический журнал

*Актуальные проблемы
общества и экономики*

Политический аспект

*Государственное
и муниципальное управление*

Региональная экономика

Инвестиции и инновации

5 / 2013

Экономика
и управление:
научно-практический журнал

№ 5/2013

Выходит с 1994 г. 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы общества и экономики

- А.МАХМУТОВ. Региональные сообщества: ШОС как инструмент
сотрудничества в условиях глобализации 4
Б.МИРКИН, Л.НАУМОВА, Р.ХАЗИАХМЕТОВ. Возможен ли
«зеленый цикл» Николая Кондратьева? 11

Политический аспект

- С.ЛАВРЕНТЬЕВ. Неклассические модели модернизации
в программах политических партий России 18

Экономическая политика: стратегия и тактика

- А.БАРЛЫБАЕВ, И.ЗУЛЬКАРНАЙ. Глубокая переработка лесных ресурсов:
нужны ли арендные отношения в этой области? 24
И.ДИМИТРОВ. Роль планирования и прогнозирования
в реализации социально-экономической политики государства 29

Государственное и муниципальное управление

- Н.СОЛОДИЛОВА, Р.МАЛИКОВ, К.ГРИШИН, Ф.ИСАЕВ. Разработка системы
мониторинга влияния административного регулирования на эффективность
предпринимательской деятельности в муниципальном образовании 33
Е.ФОМИНА, Ю.КОВАЛЬСКАЯ. Модель прогнозирования доходов
и кредитоспособности муниципальных образований 40

Вопросы теории

- Р.АГЗАМОВ. Методологические проблемы оценки
результативности маркетинговой деятельности 45
С.НАФИКОВА. Экономический анализ локальных рынков жилья:
эволюция подходов 48

Региональная экономика

И.БЕЛОЛИПЦЕВ. Решение проблемы финансирования экономического роста северо-востока Башкортостана	55
А.ЗОЛОТУХИНА. Типология регионов по уровню научно-технического потенциала: европейский опыт в контексте проблемы устойчивого развития	60
С.ПЬЯНКОВА. Совершенствование институционального потенциала монопрофильной территории (на примере Свердловской области)	65

Инвестиции и инновации

Л.ВАЛИНУРОВА. Эффективное управление инвестиционными процессами инновационной экономики: тенденции, предпосылки, концепция	71
А.ШАТОВ, Е.САФАРГАЛЕЕВА. О роли инноваций в создании новых рабочих мест	75
М.ТРОЯНСКАЯ. Оценка форм налогового стимулирования инновационной деятельности в регионах Приволжского федерального округа	80

Реальный сектор экономики

Т.ЛЕЙБЕРТ, Э.ХАЛИКОВА. Современные аспекты управленческого учета затрат в нефтедобывающих компаниях	85
И.САХИБГАРЕЕВ. Современный взгляд на воспроизводство основного капитала	89
Р.МУХАМЕТЛАТЫПОВ. Экономика строительства доступного жилья	93

Менеджмент

Р.ЮНУСОВА. Эквивалентное планирование развития предпринимательства как социально-экономической подсистемы региона	98
Е.ЛЫСОВА. Охранные услуги: нестратегические барьеры входа на рынок	103

Страницы истории

А.НИЗАМОВА, И.АСФАНДИЯРОВА. Профессиональное обучение на Среднем и Южном Урале на примере горнозаводских школ и училищ в XVIII–XIX вв.	108
--	-----

Хроника. Юбилей

Экономическому факультету Башкирского государственного университета – 25 лет	112
С.ЛАРЦЕВА, Д.ПЕСКОВА. Роль средств массовой информации в развитии агропромышленного комплекса стран-участниц ШОС	114
Аннотации и ключевые слова	117

Редакционная коллегия:

Л.С.ВАЛИНУРОВА, Д.А.ГАЙНАНОВ, Р.А.ГАЛИН, Е.Р.ГИЛЬМХАНОВА (заместитель главного редактора), Ю.Н.ДОРОЖКИН, Е.В.ЕВТУШЕНКО, В.В.ЕНИКЕЕВ (ответственный секретарь), Л.А.ИСМАГИЛОВА, С.Ю.КАБАШОВ, Ю.М.МАЛЫШЕВ, М.Ш.МИНАСОВ, Д.Б.МИННИГУЛОВА, Б.М.МИРКИН, Г.М.РОССИНСКАЯ (главный редактор), И.Ш.РЫСАЕВ, Р.Р.САЛАХУТДИНОВА, Н.З.СОЛОДИЛОВА, И.В.ФРОЛОВА

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Уфа, БАГСУ, 2013

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2013

CONTENTS

Actual Problems of Society and Economy

- A.MAKHMUTOV. Regional Communities: SCO as Instrument for Cooperation in Terms of Globalization 4
B.MIRKIN, L.NAUMOVA, R.KHAZIAKHMETOV. Is a «Green Cycle» by Nikolay Kondratjev possible? 11

Political Aspect

- S.LAVRENTYEV. Non-classical Modernization Models in Russia's Political Parties Programs 18

Economic Policy: Strategy and Tactics

- A.BARLYBAEV, I.ZULKARNAY. Added-value Wood Processing: Are Lease Relations Necessary? 24
I.DIMITROV. Role of Planning and Predicting in State Social-economic Policy 29

State and Municipal Administration

- N.SOLODILOVA, R.MALIKOV, K.GRISHIN, F.ISAEV. Monitoring System Development of Administrative Regulation Impact on Entrepreneurship Performance Efficiency in Municipal Institution 33
E.FOMINA, Ju.KOVALSKAYA. Model of Revenue and Creditability Forecasting of Municipal Institutions 40

Theory Issues

- R.AGZAMOV. Methodological Problems of Evaluating Efficiency of Marketing Activity 45
S.NAFIKOVA. Economic Analysis of Local Housing Market: Approaches Evolution 48

Regional Economy

- I.BELOLIPTSEV. Solving Problem of Financing Economic Development of North-East of Bashkortostan 55
A.ZOLOTUKHINA. Regions Typology on Level of Scientific-and-Technological Potential: European Experience in Context of Stable Development Problem 60
S.PJYANKOVA. Improving Institutional Potential of Non-diversified Territory (on the Example of the Sverdlovsk Region) 65

Investments and Innovations

- L.VALINUROVA. Effective Investment Processes Management of Innovation Economy: Tendencies, Assumptions, Conception 71
A.SHATOV, E.SAFARGALEEVA. Innovation Role in Creating New Working Places 75
M.TROYANSKAYA. Forms Evaluation of Innovation Activity Tax Promotion in Privolzhsky Federal District Regions 80

Real Sector of Economy

- T.LEIBERT, E.KHALIKOVA. Modern Aspects of Cost Accounting in Oil Producing Companies 85
I.SAKHIBGAREEV. Up-to-date Look at Fixed Capital Reproduction 89
R.MUKHAMETLATYPOV. Affordable Housing Construction Economy 93

Management

- R.YUNUSOVA. Equifinal Planning of Entrepreneurship Development as Social-Economic Regional Subsystem 98
E.LYSOVA. Security Services: Non-strategic Barriers of Entering a Market 103

History Chapters

- A.NIZAMOVA, I.ASFANDIYAROVA. Professional Education in Central and Southern Urals on the Example of Mining Schools and Colleges in XVIII–XIX centuries 108

Chronicle. Jubilee

- Economic Department of Bashkir State University Celebrates 25th Anniversary 112
S.LARTSEVA, D.PESKOVA. Mass-media Role in Agricultural Complex Development of the SCO Countries 114

- Abstracts and key words** 117

В 2015 году в Республике Башкортостан намечено проведение ответственных и важных для республики мероприятий – саммитов лидеров стран, входящих в международные организации: Шанхайскую организацию сотрудничества и группу стран БРИКС. В этой связи редакция планирует опубликовать цикл статей, посвященных современным проблемам и перспективам развития этих организаций, роли России в них, значению запланированных саммитов для Республики Башкортостан. Первый материал посвящен проблемам развития Шанхайской организации сотрудничества.

Региональные сообщества: ШОС как инструмент сотрудничества в условиях глобализации

А. МАХМУТОВ

Современный мир, глобальный рынок не воспринимают теорию и практику однополярного мира – политики, диктуемой Соединенными Штатами Америки. Протестные настроения возрастают, усиливаются на всех континентах. Особенно масштабный характер они приобрели в период и после всемирного финансового кризиса 2008–2009 гг. в результате активных агрессивных действий США в арабских странах на Ближнем Востоке и в ряде других стран. Мировое сообщество не устраивает тот мировой порядок, который установили США после развала СССР и прекращения «холодной войны». Многие выступают против господства доллара, а следовательно – той политики, которую проводят США посредством Всемирного банка и Международного валютного фонда. В реализации своей внешней политики США часто обходят даже Совет безопасности ООН. В целях рассмотрения сложнейших вопросов международных отношений современной экономической и социальной политики мировым сообществом организованы группы «девятка», «двадцатка», в которые входит и Россия. Проводимая ими экономическая политика, где господствуют страны «золотого миллиарда», также не устраивает большинство стран. Многие политики, государственные деятели, бизнесмены, ученые утверждают, что наступил кризис современного капитализма. Имеют место высказывания о крахе «Вашингтонского консенсуса» и даже о кризисе современной западной цивилизации.

Высказываются суждения о необходимости разработки нового механизма взаимодействия в мировой экономике, создания новых институтов, новой мировой валюты или даже нескольких региональных валют. Дискуссии по этим вопросам активизируются.

Характерными чертами современной мировой экономики являются, с одной стороны, интеграционные процессы, с другой – изоляционные (стремление отдельных стран, экономик к суверенизации). Эти процессы институционально неустойчивы, происходят противоречиво, зачастую с большими издержками, даже столкновениями. В настоящее время их можно наблюдать как в развитых странах (в частности, в Европе), так и в развивающихся государствах и в странах с переходной экономикой.

Представляют интерес две новейшие, неоднозначные по целевым функциям и масштабам, территориально и географически неоднородные международные организации – ШОС и БРИКС. Очередные саммиты лидеров стран, входящих в эти международные организации, планируется провести в 2015 г. в России – в Башкортостане. В республиканских СМИ крайне мало и пока еще весьма

Махмутов Анас Хусанович, д-р экон. наук, действительный член Академии наук Республики Башкортостан. E-mail: ekonuprav@ufanet.ru

поверхностно (в самой общей постановке) освещаются цели, задачи и функции ШОС и БРИКС. Поэтому, с нашей точки зрения, целесообразно вкратце осветить некоторые вопросы, связанные с деятельностью ШОС и БРИКС, отметить тот опыт, который накоплен указанными объединениями.

Поскольку в рамках одной статьи невозможно охватить всю разноплановую и сложную проблематику, связанную с образованием, функционированием указанных объединений и ролью России (в частности, Башкортостана) в этих процессах, в данном материале мы ограничимся рассмотрением проблем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Другие вопросы функционирования ШОС и БРИКС будут рассмотрены в последующих номерах журнала. Проблемы, связанные с саммитами ШОС и БРИКС в 2015 г. в Уфе, планируется осветить в специальном издании.

Общая характеристика ШОС. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – региональная международная организация сотрудничества, основанная в 2001 г. КНР, Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Первый организационный саммит лидеров этих стран прошел в Шанхае 14–15 июня 2001 г., где была принята Конвенция, определившая направления деятельности ШОС. В 2002 г. на Санкт-Петербургском саммите глав государств ШОС была подписана соответствующая хартия. Эти документы определили основные цели и задачи ШОС, а также правовые основы ее деятельности.

Первоначально ключевые задачи ШОС, как было сформулировано инициаторами, состояли во взаимодействии стран-участниц и противодействии возникающим террористическим актам, сепаратизму и экстремизму на их территориях, рассмотрении вопросов развития взаимовыгодного экономического сотрудничества, особенно в сфере энергетики.

ШОС – это не военная организация, созданная в противовес НАТО или другим военным организациям. Вместе с тем ее важнейшей функцией с самого начала был контроль за периодически происходящими террористическими действиями на территориях стран-участниц (со стороны как внутренних, так и внешних сил). Эти вопросы регулярно обсуждались на саммитах лидеров ШОС, проводились совместные тренировки вооруженных сил стран, входящих в данное содружество, совместные военные учения и другие действия. Каждый раз возникали вопросы взаимодействия, согласования действий ШОС и в рамках действующей в регионе Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Но не всегда действия стран-участниц ШОС носили согласованный характер, что мешало их эффективному взаимодействию. Как отмечают эксперты из разных стран, организационное строительство, создание эффективно действующих институтов ШОС затянулось. Каждая страна зачастую выдвигала те вопросы, которые были в сфере только ее интересов или же касались лишь двусторонних отношений. В таких условиях трудно было прийти к консенсусу. Но постепенно в результате ежегодных дискуссий, совместных действий наметились позитивные сдвиги, особенно в сфере обеспечения безопасности. Однако при этом проблемы экономического сотрудничества решались с еще большим трудом.

Авторитет ШОС постепенно растет. Этому способствуют объективные факторы и заинтересованный подход сторон. На долю стран ШОС приходится 60 % территории Евразии, здесь проживает четверть населения Земли, неуклонно растет и экономический потенциал стран-участниц. Если в начальный период статус наблюдателей получили Иран, Пакистан, Индия, Монголия и Афганистан, то сейчас число стран, желающих войти в ШОС, становится больше. Но существующие противоречия и разногласия не позволяют легко и быстро решать вопросы включения новых стран в число основных членов ШОС на условиях, приемлемых для всех. В ситуации обострения международных конфликтов в разных регионах мира представителями ШОС подчеркивается необходимость усиления сотрудничества в военной сфере. Вопрос о расширении границ ШОС является предметом постоянных

дискуссий. Когда в разных странах региона имеются конфликтные ситуации, решить этот вопрос непросто, требуется взвешенный подход (видимо, скорее в ШОС придут территориально близкие страны, исторически имеющие тесные связи и взаимные интересы). Эксперты отмечают, что с расширением организации вообще торопиться нельзя. Об этом свидетельствует и опыт других международных сообществ.

В настоящее время сформирован ряд институтов (органов) управления ШОС, в работе которых участвуют представители всех стран-учредителей этой организации. Важнейшим органом управления ШОС является Деловой совет (ДС), учрежденный 14 июня 2006 г. в Шанхае. Это неправительственная организация, в состав которой входят представители всех шести стран-учредителей. Высшим органом ДС является ежегодная сессия, которая обычно проводится в той стране, где проходит очередной саммит глав государств или правительств. В настоящее время административным органом управления ДС ШОС являются Правление и постоянно действующий Секретариат. Деловой совет ШОС является органом, который способствует реализации различных инициатив, решений, принимаемых Советом глав государств, Советом глав правительств и в целом Группой высокого уровня (ГВУ).

Чрезвычайно важным является, например, решение ГВУ о создании в рамках ШОС «Энергетического клуба». В обсуждении этого вопроса приняли активное участие и представители государств-наблюдателей. Повышенный интерес к «Энергетическому клубу» со стороны многих стран региона объясняется актуальностью, остротой топливно-энергетической проблемы.

В настоящее время Деловой совет ШОС имеет развернутый план мероприятий, включающий различные экономические форумы, бизнес-форумы, конференции, «круглые столы», выставки, конгрессы. Информация о них размещается на сайте ДС. В составе Секретариата ДС функционирует большое число рабочих групп, которые занимаются проектами по важнейшим направлениям научно-технического прогресса, новейших технологий в области транспорта, сельского хозяйства, финансовых механизмов бизнеса, туризма, социальной политики. Соответствующая информация размещается на сайте Секретариата ДС и доступна для всех желающих.

Внутренние и внешние противоречия ШОС, которые сдерживают устойчивое развитие организации. С момента получения независимости и в более поздний период противоречия между отдельными республиками среднеазиатского региона стали проявлять себя все чаще. Это вопросы, которые связаны с пограничными проблемами, с использованием водных и энергетических ресурсов, строительством и использованием инфраструктурных объектов, межнациональными отношениями (об этом свидетельствуют известные события между Узбекистаном и Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, Узбекистаном и Казахстаном и др.).

К примеру, Ташкент не соглашается с решением Кыргызстана и Таджикистана по вопросу строительства на их территориях крупных ГЭС с помощью России. На совместное строительство с соседями Узбекистан тоже не идет.

Есть разногласия и в вопросах обеспечения безопасности этих стран. Узбекистан несколько раз менял свое отношение к ОДКБ (то уходил, то возвращался). Узбекистан в основном выступает за двусторонние соглашения, в том числе в вопросах обеспечения безопасности. Возможно, руководство этой республики зачастую и право, так как решения, принятые коллективно, не всегда эффективны, поскольку в этом случае возникает много волокиты, формализма.

Страны Средней Азии серьезно обеспокоены возможностью проникновения боевиков и наркотрафика из Афганистана, особенно когда США выведут свои войска с этой территории. Уходя из Афганистана, США хотят закрепить в странах Средней Азии, особенно в Узбекистане. Они обещают Ташкенту безвозмездно передать вывозимое из Афганистана вооружение, а Исламу Каримову – личную безопасность.

США желают укрепить свои позиции и влияние и в других странах Средней Азии – Киргизии, Таджикистане и даже в Казахстане, создавая там свои военные базы и различные экономические структуры.

Бывшие среднеазиатские советские республики, провозгласившие суверенитет, еще не сумели создать крепкие национальные государства, эффективную, мощную экономику. В рамках ШОС они боятся диктата КНР и России, а потому задумываются, с кем лучше сблизиться – с Россией, Китаем или США. Надо прямо сказать, что между этими тремя гигантами действительно идет борьба за усиление своего влияния в этом регионе.

У ШОС есть и другие сложные проблемы: в частности, ряд стран Каспийского региона стремятся войти в это содружество. Кроме того, США также хотят войти в клуб ШОС, вначале – хотя бы в качестве наблюдателя, а потом и полноправного члена содружества. США смотрят на этот регион шире, чем Россия, которая видит в нем только бывшие среднеазиатские республики СССР. США же хотят видеть в ШОС всю Центральную Азию и через эти страны усилить свои позиции во всем регионе. Но с этим не согласны КНР, Россия и некоторые другие основатели ШОС.

Важно отметить: США предпринимают значительные усилия, чтобы ослабить влияние России в регионе. Стремление России закрепиться в Средней Азии, усилить там свои позиции, особенно в Киргизии и Таджикистане, требует значительных вложений, в том числе путем создания там военных баз. Политики и эксперты считают, что все это с позиции геополитических интересов России оправданно, и поэтому наша страна идет на такой шаг.

К настоящему времени на территории бывшего СССР образовалось несколько сообществ – СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, ОДКБ и т. д. Они во многом повторяют друг друга, имеются и противоречия между ними. Все это требует определения соответствующих функций указанных объединений, механизмов их реализации и взаимодействия.

Анализируя действия членов ШОС из числа бывших республик СССР (особенно среднеазиатских республик), можно заметить их стремление уйти от политической зависимости от России, точнее – от сотрудничества в решении политических вопросов, но в то же время остаться в поле экономического сотрудничества, часто на преимущественно выгодных для них условиях. России нередко приходится идти на такой компромисс ради сохранения самой ассоциации.

Ситуация, которая складывается в ШОС и о которой в последнее время пишут и говорят эксперты в различных СМИ, получила отражение в Бишкекской декларации и в других документах прошедшего 13 сентября 2013 г. в Бишкеке очередного саммита лидеров этой организации. Повестка дня саммита достаточно обширна:

1. Программа действий на 2013–2017 гг. по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-участниц ШОС. Эта программа весьма насыщена, в отличие от прежних саммитов она охватывает политическую сферу, область безопасности, экономики и содержит конкретные практические мероприятия в сфере гуманитарного обмена.

2. Ситуация в Афганистане, а также перспективы ее развития в свете предстоящего вывода из этой страны международных сил НАТО в 2014 г.

3. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между странами ШОС и проект многостороннего соглашения об осуществлении автомобильных перевозок между странами ШОС.

4. Расширение ШОС, регламент присоединения к организации Ирана, Пакистана и Индии.

5. Обсуждение совместной позиции стран ШОС в отношении проблем Ближнего Востока, Египта и Северной Африки, а также ядерной программы Ирана.

6. Ситуация в Сирии и обсуждение современной стратегии, выработка коллективной концепции обеспечения мирного урегулирования данного конфликта.

Сама повестка дня саммита лидеров ШОС в 2013 г., ее обсуждение, принятые здесь решения свидетельствуют о том, что эта региональная организация существенно расширяет свои функции, свою роль.

При этом еще в декабре 2012 г. на заседании Совета глав правительств стран ШОС, которое также состоялось в Бишкеке, обсуждались и были приняты решения по фундаментальным вопросам развития сообщества. Было решено создать Фонд развития и Банк развития ШОС с главным инвестором в лице КНР. Китай стал активно проникать в Центральную Азию и вытеснять оттуда Россию. Также отмечалась необходимость ускорения развития транспортной инфраструктуры всех стран, входящих в ШОС. Премьер-министр России Д.Медведев предложил интенсифицировать создание транспортно-логистических коридоров, принять программы скоординированного развития автомобильных дорог государств – членов ШОС. Представляется целесообразным в создаваемом Фонде развития ШОС открыть специальный счет по финансированию дорожного строительства. На саммите в Уфе было бы уместно рассмотреть вопрос об участии этого фонда в развитии транспортной артерии в Евразийском направлении. В этом, как нам представляется, заинтересованы почти все страны, входящие в ШОС.

Анализируя взаимоотношения между бывшими республиками СССР, эксперты приходят к выводу: на постсоветском пространстве нет устойчивости. Это характерно для всех регионов бывшего СССР. Так, например, лидеры среднеазиатских государств, входящих в СНГ, ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ, часто меняют свои позиции и обещания. Причем речь идет не только о частных вопросах, отдельных проблемах, но нередко и о комплексных стратегических планах. Отдельные лидеры в одностороннем порядке делают заявления о смене стратегических партнеров, не задумываясь при этом, к каким последствиям для народов их стран и соседних государств это может привести или уже приводит. Партнерские отношения, как видно из истории, имеют положительные результаты только тогда, когда они устойчивы и когда взятые обязательства выполняются всеми партнерами. Хорошо известны заявления Президента Таджикистана Э.Рахмона о смене стратегического партнера. С 2013 г. таковым он объявил КНР.

С Таджикистаном наша страна заключила весьма выгодные для него соглашения в военной, экономической сферах, установила льготные пошлины на экспорт нефтепродуктов. Москва готова ввести льготный режим для таджикских мигрантов. Эти и другие договоренности, соглашения ратифицированы российской стороной. Однако же выполнение целого ряда обязательств со стороны Таджикистана затягивается. Один из ключевых вопросов соглашения – продление сроков пребывания 201-й военной базы на территории Таджикистана до 2042 г. – долго не ратифицировался. Срок предыдущего договора истекает в 2014 г. Такая же ситуация наблюдается и по целому ряду других договоренностей. У российских экспертов, аналитиков вызывает, мягко говоря, удивление такой странной подход руководства этой страны. Каждый раз перед выездом Э.Рахмона в Москву в Душанбе прибывают высокопоставленные чиновники из США. Подобный метод работы стратегических партнеров по ШОС контрпродуктивен.

Нет счета изменениям позиции Бишкека в отношении судьбы военной базы «Манас»: то она перестает обслуживать военные операции США и возвращается Киргизии, то остается в ведении США для выполнения военных функций. В таких вопросах нужна определенность.

Затяжной характер интеграционных процессов на постсоветском пространстве проявляется и в развитии таких межстрановых объединений, как СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз, ШОС, ОДКБ, ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия). Между ними есть что-то общее, сближающее их и обуславливающее целесо-

образность интеграции, но имеют место и противоречия, противостояние, что мешает объективным процессам сближения и взаимодействия.

Мысль, высказанная в свое время в Москве В.Путиным, о необходимости создания координационного центра для согласования действий интеграционных структур на постсоветском пространстве не получила поддержки. Госсекретарь Союзного государства Беларуси и России Г.Рапота отметил, что все вопросы функционирования этих структур можно рассматривать на платформе СНГ. По существу эта идея осталась нереализованной. И сегодня мы имеем то, что имеем. Одни тянутся к Евросоюзу, другие – к США, третьи – к Китаю, оглядываясь по сторонам. Большинство наших бывших собратьев не хотят полностью рвать связи с СНГ и Россией. Однако великие державы скорее превратят их в свои колонии, они ничего не получают от Евросоюза, он разваливается и без них. Главная цель великих держав – не допустить интеграции этих регионов с Россией.

Имеющиеся противоречия между среднеазиатскими странами не позволяют им оставаться спокойными перед лицом возникающих рисков. Это обуславливает определенную неустойчивость тех формирований, которые создаются для нейтрализации или защиты от возможных рисков, – ШОС, ОДКБ и пока еще до конца не сформировавшийся ЕврАзЭС, Таможенный союз и т. д.

Как уже отмечалось, часто отдельные страны или прекращают свое участие в тех или иных сообществах, или считают более выгодным в одностороннем порядке устанавливать отношения с иными, экономически более сильными партнерами.

На фоне такой ситуации представляется вполне объяснимым формирование триумvirата таких евразийских союзников, как Россия, Казахстан, Узбекистан. Эта новая геополитическая ось – Москва–Астана–Ташкент – представляет более мощную экономическую, политическую и военную силу, которая дает возможность не только России, Казахстану, Узбекистану, но и всему Центрально-азиатскому региону противостоять внешним угрозам. Эксперты считают, что этот союз обладает достаточной мощностью для выработки эффективной политики противодействия экономической агрессии США, КНР и угрозам со стороны Афганистана. Но пока еще не видны активные действия нового союза.

Между тем события последнего времени свидетельствуют о том, что содружество ШОС на сегодня характеризуется как слабая межрегиональная организация, раздираемая внутренними и внешними противоречиями. Наиболее слабыми звеньями ШОС являются Таджикистан и Кыргызстан, где процветает дух иждивенчества.

ШОС, возникнув как региональная организация без больших претензий на решение мировых проблем, на современном этапе стала их предъявлять. Причем позиции основных организаторов ШОС – Китая и России – в последнее время существенно изменились в пользу Китая. Если раньше действия Китая в Центральной Азии носили точечный характер – в отдельных странах, или по отдельным проблемам (проектам), то сейчас его действия носят системный характер. Посетив столицы четырех стран Центральной Азии, председатель КНР Си Цзиньпин подписал с каждой из них соглашения, которые носят системный характер и по существу позволяют взять под свой контроль всю Центральную Азию.

В числе договоренностей следует отметить следующие проекты: строительство железной дороги через Китай, Киргизию, Узбекистан с дальнейшим выходом на Каспий и Иран. В строительстве этой дороги, конечно, заинтересованы Киргизия и Узбекистан (хотя не все местные эксперты-оппоненты согласны с этим), но эта дорога с выходом на Узбекистан, Каспий и Иран очень нужна Китаю. Он будет кредитовать это строительство, и его будут выполнять китайские подрядчики.

Китай интенсивно проникает и в экономику Казахстана, особенно в энергетическую сферу. Во время визита китайского лидера в Астану была подписана

совместная декларация о стратегическом партнерстве двух стран – Китая и Казахстана. Казахстан продал Китаю долю в известном нефтяном проекте «Кашаган» у шельфа Каспия за 5 млрд дол. (8,3 % акций месторождения). Лидеры двух стран обсудили также вопрос об использовании взаиморасчетов в национальных валютах.

Любая создаваемая ассоциация стран – региональная или более широкого масштаба – требует разработки и принятия договора или иного документа, предполагающего соблюдение всеми ее членами общих принципов, а также целого ряда других обязательств, которые обеспечили бы ее нормальное функционирование. Однако на практике разработать, принять и особенно выполнять, реализовывать такие правила, обязательства бывает очень непросто. Это наглядно видно на примере работы Евросоюза и такого молодого содружества, как ЕврАзЭС. С этими же проблемами сталкивается ШОС.

Исходя из опыта работы различных ассоциаций, собственного опыта ШОС, этот вопрос постоянно должен находиться в сфере внимания Делового Совета и рассматриваться на саммитах с участием всех членов содружества. Без соблюдения общих принципов, единых правил игры трудно рассчитывать на успешную деятельность любого содружества.

Сегодня ШОС претендует на более широкие полномочия, функции:

- экономические, политические, вопросы международной безопасности;
- из узорегиональной организации превращается в определенной мере в международную организацию, расширяет сферу своих действий;
- меняется место и роль лидеров – в области экономики единоличным лидером становится Китай, Россия же больше внимания уделяет политическим аспектам деятельности ШОС. Но без экономической поддержки любые политические действия малоэффективны, что видно на примере сегодняшней деятельности ШОС.

В создавшейся напряженной ситуации на Ближнем Востоке (вокруг Сирии, Ирана и некоторых других государств со стороны агрессивных сил западных стран) многие эксперты считают, что ШОС может и должна расширить свои функции, для чего необходимо привлечь в ее состав новые, более сильные страны.

Анализ материалов предыдущих саммитов показывает, что перед ШОС стоят задачи дальнейшего реформирования, совершенствования и укрепления. Здесь прослеживаются два направления реформ:

1. Расширение состава участников ШОС за счет включения в ассоциацию ряда государств Центральной Азии – Индии, Пакистана, Монголии, Афганистана, а также Ирана, Турции. Это – настойчивое предложение США. Данная позиция направлена на недопущение усиления роли России и Китая.

2. Реформирование ШОС через усиление институтов сообщества в рамках среднеазиатских стран бывшего СССР, Китая и Казахстана, то есть первоначального варианта ШОС.

Надо полагать, что на современном этапе вторая позиция более реальна и желательна.

Литература

1. Гребниченко Г.Ф. В фарватере интеграции // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 1. – С. 20–42.
2. Динамика развития «группы двадцати», «группы восьми», БРИКС и интересы России. – М.: Изд-во «Проспект», 2012. – 27 с.
3. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Россия и мир (среднегодовой прогноз) – 2013. – М.: ИМЭМО, 2012.
4. Казанцев С.В. Внешние угрозы единству территории России: препринт. – Новосибирск, 2011.

5. Кива А.В. БРИК как фактор большой политики // Россия и современный мир. – 2012. – № 2. – С. 101–116.
6. Клещева Т.А. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как основной орган борьбы с терроризмом в странах АТР // Право и политика. – 2012. – № 1. – С. 79–91.
7. Махмутов А.Х. От Содружества Независимых Государств – к Евразийскому союзу // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2012. – № 2. – С. 8–15.
8. Потеев А.Г. Основные направления международного сотрудничества в рамках ШОС // Социология власти. – 2012. – № 5. – С. 124–131.
9. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. – www.mh.ru/politics/20120227/312306749.html
10. Спартак А.Н. Перспектива Евразийской экономической интеграции и ее позиционирование в глобальном экономическом пространстве: доклад на собрании ОГПМО РАН. 22 нояб. 2012 г. – М., 2013.
11. Россия в БРИКС. Стратегические цели и средства их достижения: аналитический доклад / председатель ред. коллегии В.А.Никонов. – М.: Национальный комитет по исследованию БРИКС, 2013.

С каждым годом проблема повышения эффективности использования и сбережения энергии и других ресурсов становится все более актуальной. Увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду вследствие безудержного роста потребления обуславливает необходимость экологизации мировой экономики. Предлагаемый вниманию читателей материал заставляет еще раз задуматься над необходимостью более активного продвижения принципов «зеленой экономики».

Возможен ли «зеленый цикл» Николая Кондратьева?

**Б.МИРКИН, Л.НАУМОВА,
Р.ХАЗИАХМЕТОВ**

Немецкий экономист-эколог Эрнст Ульрих фон Вайцзеккер – активный член Римского клуба. Он является ведущим автором доклада «Фактор четыре...» [1] (опубликован в 1995 г., на русском языке – в 2000 г.), в котором обосновывается возможность резкого снижения влияния человека на окружающую среду за счет повышения эффективности использования энергии и ресурсов. В 2009 г. Вайцзеккер организовал подготовку нового доклада Римскому клубу (на русском языке опубликован в 2013 г.) [2], в котором развил идеи, сформулированные в первом докладе. На этот раз он привлек к написанию доклада молодых австралийских ученых – «прекрасную команду Чарли Харгроуза», объединенную «проектом естественных преимуществ».

Миркин Борис Михайлович, чл.-кор. Академии наук Республики Башкортостан, д-р биол. наук, главный научный сотрудник Института биологии УНЦ РАН. E-mail: geobotanika@rambler.ru
Наумова Лениза Гумеровна, канд. биол. наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы. E-mail: leniza.gumerovna@yandex.ru
Хазиахметов Рашит Мухаметович, д-р биол. наук, профессор Башкирского государственного университета. E-mail: eco3110@rambler.ru

Книга состоит из введения и двух частей – «Единый подход к “фактору 5”» (главы 1–5) и «Претворение в жизнь» (главы 6–11). Первая часть написана австралийскими соавторами Вайцеккера, введение и вторая часть – самим Э.Вайцеккером.

Теория долговременных циклов Н.Кондратьева. Во введении Вайцеккер отмечает, что авторы книги отталкиваются от «теории долгосрочных циклов», сформулированной в 1924 г. крупным русским экономистом Николаем Кондратьевым (1882–1938; расстрелян в период сталинских репрессий). Кондратьев открыл повторяющиеся циклы в мировой экономике с периодом 50 лет, но не связал их с достижениями технологий, что было сделано его последователями.

Так, первый цикл (1782–1845) был связан с развитием металлургии, торговли, текстильной промышленности; второй (1845–1890) – с развитием железнодорожного транспорта, производства стали, хлопка и появлением паровой машины; третий (1900–1950) – с использованием электричества, развитием химии и появлением двигателя внутреннего сгорания; четвертый (1950–1990) – с развитием нефтехимии, электроники, воздушного транспорта, освоением космоса; пятый (1990–...) – с цифровыми сетями и биотехнологиями. Прогнозируется наступление шестого («зеленого») цикла, который Вайцеккер связывает с развитием концепции устойчивости, радикальным повышением энергоэффективности, системным дизайном, возобновимой энергетикой, биомимикрией (дизайном по принципам природы).

Кривая Кузнеця. Миру необходим баланс между «экономическими претензиями» и экологическим императивом. Приводится «кривая Кузнеця» (по имени Саймона Кузнеця): «страны начинают как бедные и чистые, потом происходит индустриализация, и они становятся богатыми и грязными, и если они достаточно богаты, чтобы позволить себе дорогую защиту окружающей среды, они становятся богатыми и чистыми: чудесный хеппи-энд» [2, 16]. К сожалению, в мире эта «выигрышная парадигма» не действует, и в настоящее время, несмотря на то, что тенденции развития мировой экономики определяют богатые страны, продолжает наблюдаться повышение темпов роста выбросов CO₂ и соответственно увеличивается «углеродный след», напрямую связанный с уровнем ВВП. Максимальный «след» – у богатейших стран (Кувейт и США), минимальный – у беднейших (Танзания и Конго). Дальнейшее следование курсу на увеличение расходов ресурсов и потребления, который сформировался в 1960-е годы, когда численность населения планеты достигла 4 млрд человек, приведет к катастрофе вселенского масштаба: «...урожаи погибнут от засухи, запасы воды сократятся, но произойдут разрушительные наводнения. Вслед за этими ужасами все более вероятными станут разрушение инфраструктуры и цивилизации, крупных городов и государств, войны, эпидемии, падение культуры» [2, 12].

«Экологический след». Э.Вайцеккер подчеркивает, что при расчете величины общего «экологического следа», отражающего уровень суммарного потребления ресурсов, необходимо учитывать и потребляемые экспортные товары. «“Экологические следы” США (или европейских стран) есть на больших площадях земли в других странах, которые используются для производства товаров и услуг, потребляемых в США или в европейских странах. Бананы из Эквадора, соя из Бразилии, пальмовое масло из Малайзии, компьютеры из Китая – все необходимое для их производства землепользование нужно причислить к европейским и американским “следам” в том размере, в каком там потребляются бананы, соя, масло или компьютеры» [2, 18].

Стратегии перехода к «зеленой экономике». В первой части книги [2] рассмотрены примеры успешной реализации (или ее перспективы) «фактора 5». В главе 1 «“Фактор пять” в экономике» обсуждаются общие вопросы экологизации

мировой экономики и кратко характеризуются восемь стратегий: энергоэффективность, переход к нейтральным для климата видам горючего, регенерация тепла и электроэнергии (то есть когенерирование – их одновременное получение), возобновляемые источники энергии, утилизация отходов, улучшение продукта (за счет более высокой энергоэффективности), материалоеффективность, сокращение выбросов других парниковых газов помимо CO₂ (метан, оксид азота, фтористые углеводороды, перфторкарбон, гексафторид серы). Кроме того, в первой главе представлен обзор отраслевых исследований в сфере строительства, тяжелой промышленности, сельского хозяйства, пищевой промышленности и ресторанного дела, транспорта.

Перспективы создания «пассивных домов». В главе 2 «Здания» рассмотрены возможности повышения энергоэффективности жилых, административных и промышленных сооружений. В настоящее время в атмосферу из домов поступает 40 % всех парниковых газов, а их жители расходуют 12 % воды. В данной главе также рассматриваются возможности энерго- и ресурсосбережения за счет снижения расходов на систему отопления и охлаждения. В частности, отмечается, что немецкий стандарт энергопотребления зданий составляет 160 кВтч/м² в год. В современных домах данный показатель снизился до 80, а в пассивных домах расход энергии снижается до менее 15 кВтч/м². Возможно значительное снижение расхода энергии при использовании бытовых приборов. При этом предлагается сочетать экономию энергии с использованием недорогих домашних гелиоустановок (солнечных крыш) и аккумуляторов. Перспективным представляется двойное водоснабжение, предполагающее разделение питьевой и технической воды.

В данной главе также рассмотрены резервы энергосбережения в развивающихся странах, где пищу все еще готовят на очаге, в котором горит древесина или сухой навоз.

Энергосбережение в офисных и промышленных зданиях. Дан обзор возможностей энергосбережения в административных зданиях. В качестве примера зданий, соответствующих «фактору 5», приведены башня-небоскреб «Жемчужная река» в Гуанчжоу (Китай) и гигантская сеть супермаркетов Wal Mart (самое большое торговое предприятие в мире, функционирует в пятнадцати странах, численность сотрудников – более 200 млн чел.). Описаны передовые технологии санации старых зданий с целью повышения их энергоэффективности, применяемые в Австралии, Индии, США, Бельгии и других странах. Охарактеризован системный подход к «фактору 5» в промышленных зданиях (системы вентиляции, кондиционирования, освещения, офисная техника, экономия воды и др.).

«Сталь и цемент» (глава 3). Эти два продукта тяжелой промышленности относятся к числу основных «поставщиков» парниковых газов (соответственно 7 и 8 % глобальных выбросов). Их производство – важная экологическая проблема в первую очередь для Китая, который производит половину общемирового объема стали и цемента, причем соответствующие производства растут. Так, потребление энергии китайской сталелитейной промышленностью только за период 2000–2006 гг. увеличилось в три раза.

Перспективы экономии энергии при производстве стали достаточно очевидны. Сегодня в Германии на производство 1 т стали затрачивается 18 ГДж, в Китае этот показатель в 2 раза выше – 36,7 ГДж (в России – 25,0 ГДж). Сталь получают в конвертерных доменных печах и в электродуговых плавильных печах, причем во втором случае расход энергии и воды резко сокращается. Значительная экономия энергии происходит при точном литье, поскольку в этом случае она не расходуется на металлообработку. Замена руды металлоломом позволяет достичь двукратной

экономии энергии. Разработан, но пока не внедрен в широкую практику энергоэффективный метод получения стали путем электролиза.

Цемент – «хлеб» строительной индустрии, его производство особенно быстро растет в развивающихся странах – Китае и Индии. Однако перспективы энергосбережения при производстве традиционного портландцемента сравнительно невелики. Реализация «фактора 5» возможна только при переходе на производство нового геополимерного цемента, которое пока освоено лишь отдельными фирмами, например австралийской «Zeobond».

Энергосбережение в сельском хозяйстве. В главе 4 «Сельское хозяйство» авторы отмечают, что данная отрасль экономики потребляет 70 % воды и «несет ответственность» за 18 % выбросов парниковых газов. В сфере сельского хозяйства расходуется огромное количество энергии. На 100 га земли в США работают всего 2 человека, но на 1 тыс. га – 27 тракторов. В Китае эти показатели иные: число работников – 300, тракторов – 6. Тем не менее сельское хозяйство Китая также является энергоемким, что связано с высокими дозами вносимых удобрений (279 кг/га, что в 2,5 раза выше среднемировых доз).

Можно сделать энергетический бюджет сельского хозяйства более экологичным за счет использования возобновляемых источников энергии – биогаза, солнца, ветра. Авторы доклада крайне отрицательно оценивают использование «агротоплива» (биотоплива), получаемого из кукурузы, сои, пальмового масла и других продовольственных источников, которое сопровождается уничтожением тропических лесов Южной Азии и Бразилии. С точки зрения авторов, перспективным представляется биотопливо второго поколения, получаемое из отходов. К сожалению, использование данного вида биотоплива пока тормозит его высокая цена [4].

Водосбережение. Важнейшим ресурсом сельского хозяйства является вода. Авторы приводят интересную таблицу, содержащую данные о расходе воды при производстве разных видов сельскохозяйственной продукции (м³ воды на 1 кг продукции): кукуруза – 0,5–2,1, пшеница – 0,8–1,5, рис – 1,6–3,5, сорго – 2,8, говядина – 16,7–32,2, свинина – 3,4, птица – 2,0–4,6. Впрочем, некоторые данные авторов вызывают сомнения: так, расход воды на возделывание сорго – наиболее засухоустойчивой из зерновых культур – явно завышен.

Таким образом, одним из основных условий достижения «фактора 5» в сфере сельского хозяйства является водосбережение: внедрение водосберегающих технологий (таких как капельное орошение) и возделывание культур и сортов, менее требовательных к фактору увлажнения. В настоящее время эту проблему решают селекционеры: рис сорта Тукспень «потребляет» воды на 40 % меньше по сравнению с обычными сортами. Авторы доклада рассуждают о возможностях снижения нормы полива («недостаточное орошение»), использования «урожая дождя», городских стоков.

Для стимулирования экономии воды и горючего авторы предлагают отменить субвенции (дотации) сельскохозяйственным производителям, чтобы эти ресурсы для них обрели реальную цену. Данное предложение представляется более чем сомнительным, поскольку эффективность использования энергии и воды в сельском хозяйстве значительно ниже, чем в промышленности. Если промышленность не будет «делиться» прибылью с производителями продовольствия, то цены на него вырастут в разы. Более того, в ряде случаев рынок может «затоптать» фермеров.

В целом эта глава оставляет чувство неудовлетворенности, так как авторы не включили в число условий достижения «фактора 5» сохранение почв и естественных кормовых угодий. Истощение этих активов сельского хозяйства является одной из главных причин кризиса концепции устойчивого развития [5].

«Транспорт» (глава 5). В главе 5 в отличие от главы 4, имеющей очевидно фрагментарный характер, содержится полная характеристика проблемы и достаточно реалистичные рекомендации по достижению «фактора 5». В настоящее время в сфере транспорта расходуется почти четверть мировой энергии, причем наибольшее ее количество приходится на автомобили (44,5 %), сверхтяжелый транспорт (16,2 %), самолеты (11,6 %), суда (9,5 %). При этом количество всех видов транспорта быстро растет.

Энергетическая эффективность автомобиля. Возможности экономии энергии и ресурсов велики при использовании всех видов транспорта, особенно автомобильного. Авторы доклада цитируют Э.Ловинса (одного из авторов «Фактора четыре...» [1]), который отмечает: «В современных автомобилях на работу двигателя, холостой ход, передачу мощности и взаимодействие деталей уходит семь восьмых энергии горючего. Лишь одна восьмая достигает шин. Половина этой энергии нагревает покрышки, дорожное покрытие и воздух. Лишь оставшиеся 6 % приводят в действие автомобиль (и при этом нагревают тормоза при торможении)...» [1, 178]. Следовательно для повышения экономичности автомобиля необходимы системные преобразования всех его блоков (корпуса в целом, кузова, привода, шасси, электрики, жидкости). Приводится фотография автомобиля «Hypercar Revolution», расход топлива у которого составляет 2 л/100 км. Возможности реализации «фактора 5» для большегрузных автомобилей проиллюстрированы двумя примерами усовершенствования (санации): парка грузовых автомобилей фирмы Wal Mart и электрических транспортных средств частных фирм UPS по доставке посылок.

Рассматриваются «приятные для жизни» энергосберегающие города с незначительным автомобильным движением, в которых широко распространены общественный транспорт, велосипеды и пешая ходьба. В таких городах можно исключить 80 % автомобильных поездок без лишения их жителей комфорта.

Повышение экологической эффективности других видов транспорта. Обосновывается целесообразность осуществления грузовых перевозок железнодорожным транспортом и по морю. При этом должно произойти повышение эффективности использования энергии морских судов, которая сегодня составляет не более 33 %. Характеризуются возможные инновации, в том числе дополнительная установка на судах «воздушных змеев» – парусов, которые могут обеспечить экономию энергии на 10–30 %.

Совершенствование самолетов будет осуществляться за счет таких моделей, как «летающее крыло». Однако авторы прогнозируют вытеснение воздушного транспорта железнодорожным скоростным (350 км/ч) и широкое распространение видеоконференций, которые исключат необходимость дорогостоящих перелетов. «Следующее поколение будет смотреть на видеоконференции и на высокоскоростные поезда как на нечто само собой разумеющееся... И у защитников климата будет меньше на одну проблему, которая сегодня считается почти неразрешимой» [2, 213].

Оценка соотношения роли рынка и государства. Вторая часть книги [2] начинается кратким введением, в котором Вайцеккер с сожалением отмечает, что книга «Фактор четыре...» не оказала влияния на развитие событий в мире. Книга была воспринята скептически, и процессы роста производства, потребления и загрязнения окружающей среды продолжились. Автор говорит о том, что нужно придумать «что-нибудь новое». Именно этому новому посвящены главы второй части. Вайцеккер настаивает: «Мы подчеркиваем, что рынок сам по себе не может привести к целенаправленному переходу к ресурсоэффективным и устойчивым экономике и обществу. Это требует более активного участия государства. Мы также призываем распрощаться с пренебрежением к государству и с переоценкой рынка, царящими на протяжении почти трех десятилетий» [2, 223].

Экологические законы. В главе 6 «Дисциплинарное право» рассматривается история развития экологического законодательства, которое было открыто законами о контроле загрязнения, давшими прекрасные результаты в 1970–1980-е гг. в Японии и странах Европы. Строительные нормативы, принятые в Швеции, позволили повысить энергоэффективность зданий. Следование правилу «планирования меньших расходов» выдвинуло штат Калифорнию в число лидеров энергосбережения США. Аналогичные задачи успешно решила Япония путем использования программы «топ-бегун». Программа позволила выявить самые энергоэффективные типы продуктов, на которые должны были ориентироваться производители. Рамочные директивы ЕС поставили под контроль качество и потребление воды. Современным видом законодательства об отходах стало требование «3R»: reduce – reuse – recycle (снизить – вторично использовать – переработать). К решению этой проблемы активно подключился Китай, где в 2006 г. был принят «Закон для содействия замкнутым производствам» (вступил в силу в 2009 г.). Однако, как подчеркивает Вайцеккер, только «дисциплинарное право» не может решить всех проблем реализации «фактора 5».

«Экономические инструменты» (глава 7). В данной главе рассмотрены экологический менеджмент, квоты на эмиссии, пошлины и налоги на выбросы вредных веществ.

«Дилемма рикошета» (глава 8) – это безудержный рост потребления, компенсирующий экономии ресурсов. Повышение эффективности автомобилей и бытовой техники (включая мобильные телефоны) привело лишь к росту приобретения более дорогих моделей. Снижение цен на нефть в 1990-х гг. стало причиной кризиса 2008 г.

«Долгосрочные экологические налоги» (глава 9). На протяжении двух столетий наблюдалось устойчивое снижение цен на ресурсы. Остановить этот опасный процесс должна налоговая система, которая будет простой в управлении и контроле, предсказуемой, надежной и получит социальное и экономическое признание. В качестве примера такой системы приводятся рекомендации Китайского совета с международным участием, которые опираются на долгосрочную стратегию повышения цен на энергию. В качестве простого и ясного ценового сигнала при определении стоимости энергии предлагается использовать цену выбросов CO₂.

Опасность стихии рынка. «Баланс между государством и рынком» (глава 10) является основным условием реализации «фактора 5». В этом вопросе Вайцеккер – реалист, он пишет: «То, что мы считаем необходимым для защиты климата и долгосрочного сохранения окружающей среды и предлагаем в этой книге, остается полной утопией в мире, который презирует государство и предоставляет всю власть над событиями в экономике рынку» [2, 310].

Стихия рынка окончательно восторжествовала после организации ВТО. «Группа из трех человек на своих тайных заседаниях в спорных случаях всегда принимала решения в пользу свободной торговли и против экологических интересов» [2, 310]. К сказанному следует добавить, что именно ВТО и глобализация повинны в массированном уничтожении лесов Южной Азии и Бразилии в целях расширения площади «биотопливной пашни» [4].

Впрочем, предложения по ограничению стихии рынка воспринимаются как неконкретные. Призыв к «глобальному зеленому новому курсу» и надежды на неправительственные экологические организации (НПО) воспринимаются как риторические. В качестве примера интеграции НПО и государств рассматривается деятельность Международного союза охраны природы.

Опасность роста потребительства. В главе 11 («Достаточность») рассматривается проблема преодоления потребительства, которое является одной из главных преград на пути к устойчивому развитию [5]. В центре главы – известная формула П.Эрлиха и Дж.Холдрена, которую называют IPAT:

$$I = P * A * T,$$

где I – нагрузка на окружающую среду; P – население; A – уровень благосостояния на душу населения; T – технологический фактор.

При росте фактора A степень влияния на окружающую среду будет увеличиваться даже в том случае, если повысится уровень T и остановится рост народонаселения.

Качество жизни. Рассматривается понятие «качество жизни», которое может быть не связано напрямую с уровнем потребления. В бедных странах для повышения качества жизни потребление должно быть увеличено, а в богатых снижено (что приведет к уменьшению «экологического следа»). Автор вспоминает Т.Гоббса, который охарактеризовал человека-индивидуалиста афоризмом «Человек человеку – волк» и обсуждает позицию М.Кларк, предложившей понятие «человека социального», выживающего не за счет борьбы, а за счет отношений кооперации.

Постулаты устойчивого развития. Вайцзеккер считает, что устойчивое развитие возможно при следовании «постулатам по трем направлениям»: на севере – достаточность без роста безработицы; в отношениях севера и юга – равные права природопользования для всех; на юге – разъединение развития и разрушения природы.

Рассматривая перспективы развития юга, Вайцзеккер вспоминает М.Ганди, который отмечал, что переход к устойчивому обществу достигается не алчностью, хвастовством и копированием стиля жизни колониалистов, а умеренностью. Кроме того, он вспоминает о федеральном судье К.Г.Виранантри из Шри-Ланки, который сформулировал три идеи на пути к сохранению природы: погребение окружающей среды нельзя оправдывать «развитием»; простая жизнь должна пользоваться большим уважением; следует избегать расточительства всех видов. «С тем, что практика и убеждения людей, стоящих у власти, и руководителей экономики в абсолютном большинстве развитых стран десятилетиями скорее удаляются от таких мудрых мыслей, чем приближаются к ним, мы спорить не можем» [2, 349].

В целом содержание главы имеет романтический оттенок и заставляет вспомнить утопическую концепцию макросдвига Э.Ласло [3].

«Зеленый цикл» маловероятен. Книге Вайцзеккера можно дать следующую общую оценку: она интересна и полезна для формирования представлений о возможных путях перехода к устойчивому развитию. Тем не менее, как и предшествующая ей книга «Фактор четыре...», она вряд ли сможет повлиять на негативные тенденции развития мирового сообщества. Наступление «зеленого цикла» Николая Кондратьева, к сожалению, маловероятно.

Литература

1. Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу. – М.: Academia, 2000.
2. Вайцзеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 368 с.
3. Ласло Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен. – М.: Тайдекс Ко, 2004.
4. Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Хазиахметов Р.М. Выведет ли биотопливо мир из тупика нефтяной цивилизации? // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2008. – № 5. – С. 58–64.
5. Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Хазиахметов Р.М. Кризис концепции устойчивого развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2013. – № 2. – С. 38–44.

Неклассические модели модернизации в программах политических партий России

С.ЛАВРЕНТЬЕВ

Модернизация политической системы России традиционно является одной из наиболее актуальных проблем политологического дискурса. Вместе с тем в политологическом сообществе Российской Федерации до сих пор не сложилось консолидированной точки зрения относительно понимания сущности используемых научных понятий и категорий, связанных с модернизацией. Например, в отечественной политологии не существует общепризнанного определения понятия «модернизация», нет единства в конкретизации ее агентов, анализа ее структуры и функций.

Понятие «модернизация» было сформулировано в политической науке в 1960-е гг. для обозначения процессов развития, происходивших в развивающихся странах. В западной политологии можно выделить два подхода к проблеме экспликации понятия «модернизация», которые позволяют отделить социум модерна от традиционных обществ.

Первый и наиболее ранний из них отождествляет модернизацию и политическое развитие. В рамках данной теории важнейший вектор модернизации связан с усилением дифференциации функций политических структур. Согласно логике первого подхода, политическая система современного общества должна включать в себя современную администрацию (правительство), политические средства массовой коммуникации и, конечно же, институт политической партии. Ведь, как показывает анализ политических систем традиционных обществ, институт политической партии в них отсутствует. Инструментами борьбы за власть здесь выступают институты кланов, хунт, аристократических групп. Политические партии возникают в условиях политических систем современного общества, поэтому их наличие или отсутствие служит одним из важных маркеров модернизации.

Второй подход заключается в отождествлении процессов модернизации и вестернизации (либеральная модернизация). Представители данного направления исходили из универсального характера демократических политических систем США и ЕС, на принципы которых должны перейти страны «третьего мира» в ходе демократических преобразований. К сущностным чертам либеральной модернизации относятся: рыночная экономика, рационализм, открытость общества, плюрализм, демократия. В наиболее законченном виде этот подход сформирован в работе Ф.Фукуямы «Конец истории».

Вместе с тем в настоящее время данный подход подвергается весьма острой критике, основанной на том, что «догоняющая модернизация» ни в одном из случаев ее применения не привела к транзиту страны «третьего мира» в «золотой миллиард». Однако при этом либеральная модернизация неизменно обостряла такие внутренние проблемы, как кризис идентичности (размежевания по этническому признаку), кризис легитимности (массовое недоверие правительству реформаторов), кризис распределения (усиление социального неравенства), кризис проникновения (ослабление властной вертикали и конфликт между центральной и региональными элитами), кризис

Лаврентьев Сергей Николаевич, канд. ист. наук, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: bagsu@rb.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Особенности развития региональных отделений политических партий в полиэтнических регионах (на примере Республики Башкортостан)» № 13-13-02017.

разрешения конфликтов (обострение социальных конфликтов в переходных обществах). Именно эти подходы господствуют в современной политологии, поэтому далее мы будем называть данные модели модернизации **классическими**.

Классическая теория модернизации, содержащаяся, в частности, в работах С.Хантингтона, большое значение придает процессу создания прочных и организованных институтов, способных эффективно решать наиболее важные для общества проблемы [10]. Главным из них выступает институт многопартийности, без которого невозможны политическая демократизация, плюрализм, гражданское общество и другие атрибуты современного общества. Поэтому для формирования школы российской политической науки необходим анализ роли института политической партии в процессе модернизации.

Во всех современных обществах политические партии необходимо рассматривать в качестве не только маркера, но и важнейшего актора модернизационных процессов. Например, партия республиканцев добилась упразднения архаического института рабовладения в южных штатах США, партия большевиков (ВКП(б)) выступила в роли организатора самой масштабной в истории России индустриализации, партия консерваторов Великобритании и ее лидер М.Тэтчер сформулировали и частично реализовали программу «Нового государственного менеджмента» [2], КПСС стала движущей силой «перестройки» и либеральной модернизации в Советском Союзе.

Необходимо отметить, что процессы политической модернизации в России имели свою неповторимую специфику. Роль политических партий в модернизационных процессах России отличалась от роли партий в США и Западной Европе.

Во-первых, главным субъектом модернизации в России всегда выступало отнюдь не гражданское общество, а само государство в лице его правящего класса. Мотивом подобной реформаторской активности выступали либо необходимость обеспечения достаточного уровня обороноспособности страны (реформа Петра I, сталинская индустриализация), либо специфические ценности политической культуры российского правящего класса, основанные на идеологии «западничества» (реформы Александра II, «перестройка» М.Горбачева). Политические партии ВКП(б) или КПСС становились субъектами власти, лишь обретая статус правящих партий, интегрированных с исполнительной властью.

На сегодняшний день определенную ограниченную субъектность в модернизационном процессе имеют лишь те политические партии России, которые представлены в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Фактически российские политические партии имеют возможность лишь предлагать современной президентской вертикали собственные модели модернизации. Поэтому методологически правильным будет обозначить институт российской политической партии не в качестве *субъекта*, а в качестве *агента* процесса модернизации.

Исследование политической партии как агента модернизации позволит решить важную прикладную задачу по определению степени социальной поддержки различных моделей модернизации гражданами России. В ходе исследования нами были проанализированы предвыборные программы шестого электорального цикла наиболее массовых политических партий России: «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия», «Гражданская платформа», «ЛДПР», «Правое дело», объединенная демократическая партия «Яблоко».

Анализ показал, что **классической** модели модернизации в России придерживаются только партии либерального политического спектра: «Правое дело» и «Гражданская платформа».

Наиболее четко модель либеральной модернизации прослеживается в программе политической партии «Гражданская платформа». Согласно стратегии партии, Россия

должна модернизироваться по сценарию вестернизации: «Придерживаться четкой ориентации на главного экономического партнера России – Европейский Союз, стремиться достичь максимальной экономической интеграции с входящими в ЕС странами» [7].

В аспекте модернизации экономической системы право-либеральные партии выступают за «сокращение роли государства в экономике в качестве непосредственного хозяйствующего субъекта. Предполагается приватизировать государственные или подконтрольные государству компании с низким уровнем эффективности и высокой коррупцией, пресечь участие чиновников в бизнесе и разделе собственности» [9]. Также предлагается максимально облегчить доступ иностранных компаний на российский рынок в обмен на взаимный доступ к современным технологиям и инвестициям развитых стран [7]. Право-либеральные партии последовательно выступают за сокращение участия государства во всех сферах жизни общества, что является отличительной чертой модели либеральной модернизации.

Идеи либеральной модернизации на сегодняшний день утрачивают свои позиции не только в России, но и во всем мире. Государства Латинской Америки и Юго-Восточной Азии на основе многолетней политической практики убедились, что «догоняющее развитие» отнюдь не приводит к выравниванию модернизирующихся стран периферии с метрополией (терминология И.Валлерстайна [1]) по показателям экономического развития. Напротив, либеральная модернизация даже увеличивает разрыв в качестве жизни населения западных и незападных стран, заставляет жертвовать национальными интересами в пользу интересов транснациональных корпораций.

Вследствие этого во всем мире идет поиск альтернативных моделей модернизации. На сегодняшний день российские политические партии предлагают политической элите и обществу целый ряд моделей, отличных от классических. В качестве одной из таких моделей можно выделить *социально-либеральную модель*, проводниками которой являются лево-либеральные партии «Справедливая Россия» и «Яблоко». Европейский вектор модернизационного процесса и здесь остается неизменным. В «Демократическом манифесте» объединенной демократической партии «Яблоко» данная идея оформлена в следующий тезис: «Россия является европейской страной в силу своей исторической судьбы, культурных традиций, географического положения. Ее будущее неразрывно связано с Европой. Потенциал российской нации может раскрыться только через творческое освоение ценностей европейской цивилизации, в формирование которых внесла существенный вклад великая русская культура. Европейский путь – это рост благосостояния российских граждан, приближение его к европейским стандартам через формирование в нашей стране социально-экономической, экологической и политической модели европейского типа, это развитие российского законодательства в соответствии с принципами Совета Европы, это также мощный импульс, который получит Россия от интеграции с Европейским Союзом» [5].

Россия должна осуществлять модернизацию, взяв за основу не Запад эпохи «дикого капитализма», а Европу периода «общества всеобщего благоденствия» с высокими социальными гарантиями, правовой защищенностью и демократическими институтами. Так, предвыборная программа 2011 г. партии «Справедливая Россия» констатирует, что «действующая политическая система нуждается в серьезной модернизации. Существующие политические ограничения и барьеры препятствуют реализации механизмов народовласти и становятся тормозом в социально-экономическом развитии российского общества. Демократические институты не развиваются» [3].

В качестве политических и экономических механизмов преодоления социальных издержек либеральной модернизации партии предлагают:

- социальный рынок как систему, «при которой государство создает институты, регулирующие игру рыночных сил, не диктуя им свою волю» [5];
- улучшение социального обеспечения граждан за счет введения прогрессивной шкалы налогообложения и налога на роскошь;
- борьбу с коррупцией за счет ужесточения законодательства и развития демократических институтов.

При всей внешней привлекательности данной модели она не учитывает объективных российских политических и экономических реалий. Государства периферийного капитализма, в когорту которых вошла Россия в результате реформ, в силу родовых особенностей их политических и экономических систем просто не в состоянии построить на своей территории демократическое общество «всеобщего благоденствия». Во всех без исключения государствах периферийного капитализма уровень потребления, сопоставимый с европейским, обеспечивается максимум для трети населения страны. Сырьевая и «сборочная» экономика просто не позволяет увеличить долю социально успешных граждан до двух третьих. Поддержание такой системы социального распределения с помощью демократических институтов невозможно. Поэтому государства периферийного капитализма имеют авторитарные режимы, использующие механизмы имитационной демократии.

Принципиально иную неклассическую модель модернизации презентует обществу Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). Условно обозначим данную модель как *модель коммунистической модернизации*. Формирование данной неклассической модели обусловлено особенностями исторической судьбы России, отличной от большинства других стран периферийного капитализма. Россия имела довольно успешный опыт модернизации в виде плана ГОЭЛРО, индустриализации 1930-х гг., массовой ликвидации безграмотности и «культурной революции». Несмотря на то, что в СССР не удалось достичь уровня жизни наиболее благополучных европейских стран, в последний период существования советской власти этот разрыв существенно сократился. Этот исторический факт прочно укоренился в политическом сознании граждан России, что стало важной предпосылкой формирования указанной модели.

Подлинная модернизация, в соответствии с этой моделью, состоит в повторении данного опыта в новых исторических условиях с использованием современных технологий. По мнению идеологов коммунистической партии, «обманом и насилием страна возвращена к капитализму. Это путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации» [8]. В связи с этим стратегическая цель программы КПРФ – «построение в России обновленного социализма, социализма XXI века» [8].

В качестве механизма для достижения этой цели КПРФ предполагает возродить институты советской власти (местные Советы народных депутатов, советы трудовых коллективов, комитеты самоуправления, самоорганизации и самозащиты), поддерживать введение контроля трудящихся за исполнительной и представительной ветвями власти. На референдум предполагается вынести вопрос о восстановлении в полном объеме советской системы государственной власти. Возрожденные советские политические институты позволят защитить суверенитет России от тенденций неоимпериализма и «нового мирового порядка» и станут всемерно содействовать экономической и политической реинтеграции республик бывшего Советского Союза.

В качестве модернизационных мер тактического характера КПРФ предлагает:

- осуществить национализацию природных богатств России и стратегических отраслей экономики, использовать доходы этих отраслей в интересах всех граждан;

- осуществить срочную программу мер по борьбе с бедностью, ввести государственный контроль над ценами на товары первой необходимости;
- повысить эффективность системы государственного управления, сократить число чиновников, расширить права трудовых коллективов и профсоюзов;
- восстановить ответственность власти за жилищно-коммунальное хозяйство, установить плату за жилищно-коммунальные услуги в размере не более 10 % дохода семьи, прекратить выселение людей на улицу, расширить государственное жилищное строительство.

В качестве критической оценки данной модели можно указать на тот факт, что для ее реализации нет ни внутри-, ни внешнеполитических предпосылок. Не только политические элиты, но даже беднейшие социальные слои населения России являются носителями постиндустриальных ценностей потребительского общества и не согласятся принести жертву на алтарь «новой индустриализации» и смириться с неизбежным гражданским конфликтом в ходе восстановления «власти Советов».

Третью неклассическую модель модернизации России условно можно обозначить как *националистическую*. Из парламентских партий ее разделяет право-консервативная Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) В.В.Жириновского. Данная модель апеллирует к опыту экономической модернизации национал-социалистической Германии, фашистской Италии, а также их латиноамериканских последователей Х.Перрона в Аргентине и А.Пиночета в Чили.

В качестве ключевого условия модернизации националистическая модель рассматривает трансформацию России из федеративного и многонационального в унитарное и национальное государство. Программа партии ЛДПР утверждает: «В России на протяжении XX века были разные экономики и политические режимы. Но это не приводило к позитивным результатам. Почему? Потому что при формировании нации отсутствовал русский дух и русская культура как таковые! Поэтому сегодня существует настоятельная необходимость в создании Русского национального государства, в котором будет действовать принцип: все для русских, ничего против русских» [6].

В качестве главных принципов модернизации данная модель предлагает возрождение таких институтов, как армия, органы государственной безопасности, военно-промышленный комплекс, а также проведение агрессивной внешней политики.

Необходимо отметить, что националистическая модель для России является абсолютно не приемлемой, и отнюдь не только по морально-этическим и историческим причинам. Невозможность построения тоталитарного националистического государства в условиях глобального мира вполне очевидна и не требует развернутых доказательств. В российском варианте правая тоталитарная диктатура привела бы к установлению режима, схожего с военной хунтой А.Пиночета, с полным подавлением гражданских свобод и ускоренной деградацией экономики.

И, наконец, четвертый модернизационный проект – проект *консервативной модернизации*, сформулированный в программе партии «Единая Россия». Стратегическая цель данной модели – укрепление сложившейся постсоветской социальной системы, в том числе сохранение президентской вертикали власти, итогов приватизации, защита элитного статуса правящего истеблишмента. Таким образом, целью консервативной модернизации является поддержание политической системы России в состоянии динамического равновесия (по терминологии Т.Парсонса). Для достижения этой цели партия «Единая Россия» предлагает реализацию следующих мер:

- повысить уровень легитимности современной политической системы России в общественном мнении граждан страны путем улучшения качества жизни:

«Мы готовы к решительным и ответственным действиям по модернизации страны. Россия преобразится, станет страной, в которой комфортно жить и работать, растить детей, страной, где каждый человек сможет реализовать себя, свою мечту» [4];

– достичь консенсуса с региональными элитами, который исключил бы возможность развития как сепаратистских тенденций, так и региональной фронды, аннигилирующей управленческие решения федерального центра на местах;

– предотвратить неизбежное финансовое банкротство муниципальных образований, создав федеральные фонды муниципального развития.

Основа для массовой электоральной поддержки проекта консервативной модернизации, на наш взгляд, заключается в патернализме, который характерен для политического сознания граждан России. Начиная с эпохи империи Романовых в политической культуре российских подданных укоренилась традиция оценки действий власти не по правилам теории рационального выбора, а по правилам иррациональной преданности правящему дому.

Таким образом, анализ предвыборных платформ российских политических партий показал, что у политических элит России нет общего сценария осуществления модернизации политической системы. В политическом сознании партийных элит и избирателей господствуют неклассические представления о модернизации в виде консервативной, коммунистической и социально-либеральной моделей. Необходимо констатировать, что на сегодняшний день модернизация политической системы России осуществляется по консервативному сценарию «Единой России». Однако предложенные в рамках данной модели решения явно недостаточны даже для сохранения динамического равновесия политической системы, не говоря уже об ее инновационном развитии. Следовательно, социальный запрос на инновационную модель модернизации остается неудовлетворенным, и дать ответ на него предстоит партийным лидерам и российской политической науке будущего.

Литература

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
2. Глазунова Н.И. Государственное (административное) управление. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.
3. Предвыборная программа 2011 [Электронный ресурс]: официальный сайт партии «Справедливая Россия». – <http://89.108.121.143/datadepot/pf54/047572.pdf/>.
4. Предвыборная программа партии «Единая Россия» на выборах Президента России // Российская газета. – 2012. – 8 февр.
5. Программа «Демократический манифест» [Электронный ресурс]: официальный сайт объединенной демократической партии «Яблоко». – http://www.yabloko.ru/content/programma_demokraticeskij_manifest
6. Программа ЛДПР [Электронный ресурс]: официальный сайт партии ЛДПР. – http://www.ldpr.ru/#party/Program_LDPR
7. Программа партии «Гражданская платформа» [Электронный ресурс]: официальный сайт партии «Гражданская платформа», 2013. – <http://civilplatform.ru/103>
8. Программа партии КПРФ [Электронный ресурс]: официальный сайт партии КПРФ. – <http://kprf.ru/party/program>
9. Программа партии «Правое дело» [Электронный ресурс]: официальный сайт партии «Правое дело». – <http://pravovedelo.ru/party/program>.
10. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

Глубокая переработка лесных ресурсов: нужны ли арендные отношения в этой области?

А.БАРЛЫБАЕВ, И.ЗУЛЬКАРНАЙ

В настоящее время государство предоставляет частным компаниям лесные участки в пользование на условиях аренды в целях лесозаготовки и глубокой переработки леса. Настоящая статья посвящена обсуждению следующих вопросов:

– способствует ли арендная форма использования лесных участков эффективному лесопользованию?

– способствует ли арендная форма использования лесных участков в целях лесозаготовки развитию глубокой переработки леса?

Решение научной проблемы эффективного использования лесных ресурсов России является частью общей проблемы, связанной с сырьевой ориентацией российской экономики. Актуальность задачи создания в России индустрии глубокой переработки леса определяется тем, что лесная отрасль России сейчас практически ограничена лесозаготовкой, то есть лес вывозится так называемым «кругляком» за рубеж, а продукты глубокой переработки древесины, такие как МДФ-плиты, бумага, импортируются из стран, зачастую не имеющих собственного леса. Создание индустрии глубокой переработки леса в стране позволило бы на порядок увеличить добавленную стоимость, создаваемую в лесной отрасли, и в разы увеличить поступление налоговых платежей во все уровни бюджетной системы РФ.

В Республике Башкортостан, как и во всей России, леса используются крайне неэффективно: перерабатывающая промышленность развита слабо и в основном ограничивается производством строительных материалов и относительно простой мебели, а глубокая переработка, до уровня бумаги высокого качества, мебельно-древесной фанеры, практически отсутствует. Использование лесов в основном происходит в формах заготовки леса и вывоза сырого материала за пределы региона и страны. Существующие производства строительных материалов перерабатывают только 60–70 % используемого сырья, а остальное (ветки, опилки, стружка и др.) сжигается или гнивает.

В этой связи в России давно назрела необходимость организации глубокой переработки леса на своей территории с целью получения продукции с высокой степенью переработки¹. Республика Башкортостан относится к регионам, где эта проблема особенно актуальна, так как более 40 % ее территории занято лесом, значительная часть которого представляет собой перестойный лес.

Правительство республики в последнее десятилетие неоднократно предпринимало попытки организации глубокой переработки леса, но эти попытки, по признанию самого Правительства, до последнего времени были неудачными. В 2003 г. компания «Нарат» (из Саратовской области) заручилась поддержкой Правительства Республики

Барлыбаев Адигам Агзамович, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией Института региональных исследований Академии наук Республики Башкортостан (г. Сибай)

Зулькарнай Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, доцент, заведующий лабораторией исследований проблем социально-экономического развития регионов Башкирского государственного университета. E-mail: zulkar@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Экономические, институциональные и организационные механизмы рационального использования лесных ресурсов», проект № 12-12-02013.

¹Под продукцией с высокой степенью переработки понимается продукция, прошедшая несколько стадий технологических процессов обработки, переработки исходных материалов, сырья и полуфабрикатов. Продуктами глубокой переработки являются МДФ-плиты, применяемые в производстве мебели, а также бумага. Строительство одного комбината МДФ-плит или целлюлозно-бумажного комбината требует от инвестора затрат порядка 5–8 млрд руб.

Башкортостан под обещание построить два комбината МДФ-плит и один целлюлозно-бумажный комбинат. Инвесторам в доверительное управление была передана государственная компания «Башлеспром» под обещание инвестировать в глубокую переработку леса на территории республики 6 млрд руб. Предприниматели приватизировали госкомпанию «Башлеспром», а глубокую переработку леса не организовали и продолжают заниматься вывозом сырого материала («кругляка») за пределы республики.

В 2008 г. Правительство передало в аренду другой компании – «Селена» – более 100 тыс. га леса с расчетной лесосекой более 400 тыс. м³ в год. Эта компания также обещала инвестировать более 2 млрд руб. в глубокую переработку леса, но обещание не сдержала. Президент РБ Р.З.Хамитов в своем выступлении в г.Белорецке – центре лесных районов республики – в 2012 г. даже пригрозил выгнать обе указанные компании из республики, если они не выполнят свои обещания по организации производств глубокой переработки лесных ресурсов.

Все это говорит о том, что в Республике Башкортостан, несмотря на желание Правительства республики, использование лесов организовано таким образом, что хронически не обеспечивает переход от сырьевой направленности в лесном хозяйстве к глубокой переработке леса и получению продукции с высокой добавленной стоимостью. Действуют механизмы, не стимулирующие предпринимателей заниматься глубокой переработкой леса на территории республики. Правительство, в свою очередь, не видит эти деструктивные механизмы и пытается добиться глубокой переработки леса от предпринимателей административными методами.

Среди чиновников распространена точка зрения, в соответствии с которой причина невыполнения инвесторами своих обещаний Правительству заключается в недостаточно жестком контроле государством выполнения предпринимателями достигнутых договоренностей и в неудачном выборе партнеров. Считается, что если одни инвесторы не выполняют своих обязательств перед государством, то надо привлечь других и проблема будет решена. Сами же формы отношений между государством и предпринимателями, прежде всего, арендная форма использования лесов, не подвергаются критике, а целесообразность их использования не вызывает сомнений.

Следуя этой логике, Правительство РБ привлекло в республику нового иностранного инвестора, компанию «Кроношпан», которая, в отличие от «Нарата» и «Селены», имеет опыт строительства и эксплуатации заводов глубокой переработки леса (заводы этой австрийской компании по производству МДФ-плит (древесноволокнистых плит средней плотности) и другой продукции глубокой переработки древесины расположены в разных странах мира). Однако форма отношений государства и инвестора осталась прежней: предусматривается аренда свободных лесных участков в целях заготовки сырья. Таким образом, «Кроношпан», наряду со строительством завода МДФ-плит, собирается заниматься лесозаготовкой в Башкортостане и делает это в первый раз в своей практике. До сих пор заводы компании закупали сырье на рынке, а сами не занимались заготовкой сырья¹.

Очевидно, что привлечение в республику компании, которая действительно может построить завод глубокой переработки леса, является успехом Правительства РБ. Однако возникает вопрос: почему опять реализуется схема отношений государства и бизнеса, не оправдавшая себя в случае с «Наратом» и «Селеной», почему опять используется аренда леса?

Для ответа на этот вопрос необходим научный анализ причин неудач Правительства РБ в данной сфере, выявление экономических, институциональных и организационных механизмов, препятствующих развитию глубокой переработки леса

¹ Авторы не рассматривают экологические аспекты работы завода в Башкортостане и конкретное место его размещения под Уфой – вопросы, которые вызвали протесты жителей территорий, прилегающих к месту строительства. Эти вопросы находятся вне темы данной статьи. Также не подвергается сомнению необходимость строительства завода «Кроношпан» в Башкортостане для экономики республики, а наоборот, приветствуется это строительство. Мы обсуждаем только форму отношений государства и бизнеса в части арендной формы использования лесов.

в республике. Понимание этих механизмов позволит разработать предложения по созданию механизмов, внедрение которых в отношениях государства и предпринимателей стимулировало бы последних к созданию производств глубокой переработки без административного принуждения. Государство должно так построить свои отношения с бизнесом, чтобы не приходилось уговаривать упомянутые выше «Нарат»-«Башлеспром» и «Селену» выполнять свои обещания, а наоборот – чтобы они сами были заинтересованы в реализации заявленных инвестиционных проектов.

Для проведения такого анализа выделим все этапы процесса лесопользования и опишем действующих на каждом этапе экономических агентов. Первым этапом является выращивание леса, называемое обычно лесовосстановлением. В процессе перехода леса на корню в продукцию глубокой переработки выделяются еще три этапа. Так, второй этап лесопользования – это лесозаготовка, представляющая собой вырубку спелого леса (спелый – выросший до стадии пригодности к промышленному использованию и одновременно достигший максимума возраста, после которого дерево начинает стареть и умирать и переходит в категорию так называемого перестойного леса). В процессе лесозаготовки остаются отходы: ветки, верхки деревьев, мелкие деревья. Третий этап – переработка леса средней глубины. Это изготовление досок, оцилиндрованных бревен. При этом также остаются отходы: опилки, стружка, кора. Четвертый этап – изготовление из отходов первых этапов (опилок, веток, верхков) продукции глубокой переработки. Глубокой переработке могут подвергнуться и цельные деревья, если для ствола не находится другого применения.

Каждому этапу (стадии) соответствуют свои экономические агенты. Агент первой стадии – это лицо, осуществляющее выращивание саженцев, посадку новых деревьев, рубки ухода за лесом, охрану его от пожаров и доведение до спелого состояния. Наиболее важной здесь является посадка, так как последующие стадии выращивания леса лишь ускоряют его рост и сохраняют его. В отсутствие рубок ухода, охраны от пожаров лес так или иначе вырастет сам, просто его продуктивность будет ниже. В качестве агента первой стадии могут выступать государство, частное лицо, частная компания.

Государство выступало таким агентом во времена СССР, и сейчас во многих странах функции лесовосстановления и лесоохраны (первый этап) являются государственными. Например, в Китае именно государство осуществляет функцию выращивания леса, причем эта страна стала лидером в создании новых лесов и в последующие два десятилетия будет способна полностью обеспечивать свою деревообрабатывающую промышленность собственным сырьем.

В Финляндии лес выращивают частные лица, точнее, финские семьи, владеющие участками леса на правах частной собственности и передающие их из поколения в поколение. Лес для таких семей является источником благосостояния, а его выращивание – потомственной профессией.

В некоторых странах, в частности, в России, в настоящее время практикуется возложение функций этой стадии на частные компании. Ожидается, что частные компании будут заниматься выращиванием нового леса. Добавим, что в качестве экономического агента этой стадии выступает и природа: лес воспроизводится и распространяется естественным путем, как это было миллиарды лет до возникновения человечества.

Агентами второй стадии – лесозаготовки – выступают, соответственно, лесозаготовители. В этом качестве может выступать государство в виде государственных предприятий, как это было в советское время. Кроме того, это могут быть семьи, из поколения в поколение владеющие лесом и воспроизводящие его. Наконец, лесозаготовкой могут заниматься частные лица и компании, не владеющие лесом и не воспроизводящие его.

Агентами третьей стадии могут быть все типы агентов второй стадии, то есть государство, семьи, частные компании, а агентами четвертой стадии, в силу необходимости больших капиталовложений, могут быть лишь государство и крупные частные компании.

Обсудим экономически обоснованные сочетания выделенных нами этапов лесного хозяйствования, которые наблюдаются в мировой практике. В советское время, в силу тотальной государственной собственности на средства производства, всеми четырьмя

стадиями лесопользования занималось государство. В условиях современной рыночной экономики государство, как правило, не занимается лесозаготовкой и переработкой леса, оставляя себе функции лесовосстановления и лесоохраны. Это экономически обоснованно, поскольку государство является собственником леса, теоретически живет намного дольше возраста спелости леса и, соответственно, заинтересовано в лесовосстановлении и лесозащите.

В ряде стран, где допускается частная собственность на лес, лесовосстановлением занимаются собственники леса: частные лица или семьи. Они также экономически заинтересованы в лесовосстановлении, поскольку семьи передают собственность на лесные участки из поколения в поколение и рассчитывают пользоваться плодами своей деятельности спустя десятилетия и столетия (например, в Финляндии [3]). Кроме того, с точки зрения возможной в будущем продажи участков леса семьи заинтересованы в поддержании их высокой товарной стоимости, что стимулирует их заниматься лесовосстановлением.

Занимаясь лесовосстановлением и выращивая таким образом лес, семьи продают спелый лес на корню предпринимателям, которые занимаются лесозаготовкой. Семьи могут и сами наряду с лесовосстановлением заниматься лесозаготовкой. В этом случае они продают заготовленный лес (срубленный, распиленный на бревна и сложенный на участке) предпринимателям, которые занимаются переработкой леса.

Обычно лесозаготовкой занимаются лесозаготовительные компании, специализирующиеся на этом бизнесе и доставляющие лес переработчикам. Переработкой средней глубины (пиловочник, оцилиндрованные бревна) занят обычно малый и средний бизнес. Глубокой переработкой, требующей больших инвестиций, занимаются крупные компании, как, например, австрийская компания «Кроношпан».

Сочетание средней переработки и глубокой переработки в рамках одной компании нетипично, поскольку это два разных вида бизнеса как в технологическом отношении, так и в отношении масштаба (как мы говорили, экономически оптимальные размеры предприятий для средней переработки – это малый и средний бизнес). Специализация одних предпринимателей на средней переработке, а других – на глубокой переработке обусловлена экономическими законами и закономерностями (эффект масштаба, эффект специализации, оптимальный размер предприятия, минимизация рыночных рисков).

Выясним теперь, имеет ли экономический смысл арендная форма использования лесных участков, практикуемая в России в целом, и в Башкортостане в частности, если целью является реализация инвестиционных проектов по глубокой переработке леса. Арендные договоры, заключенные между Правительством Башкортостана, с одной стороны, и «Башлеспромом» и «Селеной», с другой стороны, предоставляют возможность последним заниматься заготовкой леса и обязывают их осуществлять лесовосстановление и охрану лесов.

Такие договоры содержат в себе конфликты экономических интересов. Первый недостаток указанных арендных договоров заключается в том, что собственником лесов остается государство, так как, согласно Лесному кодексу РФ, леса являются государственной собственностью, а предприниматели являются только арендаторами. Тем самым предприниматель не заинтересован в восстановлении лесов и их охране от пожаров, так как это затраты, плоды которых он не увидит. Даже если арендные договоры продлить до 100 лет, это не решит проблему отсутствия у предпринимателей экономической заинтересованности в том, чтобы заниматься лесовосстановлением, так как права собственности в России слабо защищены. Предприниматель не верит, что ему удастся воспользоваться через 80–90 лет лесом, посаженным сегодня, что лишает его экономической заинтересованности заниматься лесовосстановлением. В силу отсутствия экономического интереса в рамках арендного договора, «Башлеспром» и «Селена» систематически не выполняют, по данным Министерства лесного хозяйства РБ, планы лесовосстановительных мероприятий.

Экономически обоснованное участие частных лиц и компаний в восстановлении лесов возможно лишь в одной форме – при выполнении ими лесовосстановительных

работ по контракту с собственником, в случае России – с государством. Таким образом, если государство вместо использования государственных предприятий наймет частные предприятия для выполнения конкретных работ по выращиванию саженцев, посадке леса, проведению рубок ухода, то «частники» могут выполнить эту работу, так как получают за это плату как за любую сделанную по контракту работу.

Второй недостаток арендных договоров в области лесного хозяйства – это то, что за вырубленный лес арендатор платит очень маленькую арендную плату – около 80 руб. за 1 м³ леса, что в 10–20 раз меньше рыночной стоимости леса на корню [1; 2]. То есть в рамках арендных договоров государство фактически дарит предпринимателям две составляющие рыночной стоимости леса на корню. Первая составляющая – это затраты, которые государство понесло в предыдущие десятилетия на восстановление леса и его охрану. Вторая составляющая – это лесная рента, измеряемая разницей между рыночной стоимостью леса на корню и затратами, которые государство понесло на лесовосстановление и лесоохрану.

Обе эти составляющие должны, с точки зрения теории общественного сектора экономики, поступать в бюджет государства, а не в карман предпринимателя. Кроме того, даже эту смехотворную величину арендной платы (80 руб. за 1 м³) «Селена» платит в половинном размере, согласно льготе, предоставленной государством.

Третий недостаток арендных договоров на использование лесных участков в целях заготовки леса – это то, что они заключены в целях реализации инвестиционного проекта «Создание производства с полным циклом переработки древесины» лесопромышленной компании «Селена» в соответствии с Распоряжением Правительства РБ № 1361-р от 1 ноября 2008 г. [4]. Это экономический нонсенс, так как здесь смешиваются два разных вида бизнеса: лесозаготовка и глубокая переработка леса (второй и четвертый этапы лесного хозяйствования). Такое сочетание не практикуется в мире. Если «Нарат» и «Селена» в свое время заявляли о желании построить целлюлозно-бумажный комбинат и заводы по производству МДФ-плит, то не было необходимости передавать им в аренду для целей лесозаготовки лучшие участки башкирского леса. Также не было необходимости передавать частной саратовской компании «Нарат» в доверительное управление государственную компанию «Башлеспром» (находившуюся тогда в собственности Республики Башкортостан), которая затем была приватизирована саратовской компанией в середине так называемых «нулевых».

Государство должно было выделить «Нарату» и «Селене» площадки под строительство заявленных ими заводов, как оно это сделало в случае с компанией «Кроношпан», которой выделена площадка под строительство под Уфой (и компания незамедлительно приступила к строительству завода).

В силу недооценки чиновниками, принимающими решения в лесной отрасли, указанных нами экономических и институциональных механизмов «Кроношпану» также было предложено заниматься непрофильным для него бизнесом – лесозаготовкой. Между тем заводы этой компании по всему миру, в том числе завод, построенный в Егорьевске (Россия), покупают сырье у лесозаготовителей и предприятий средней глубины переработки леса, а сами заготовкой леса не занимаются.

В России государство создает, как ему представляется, благоприятные условия для развития глубокой переработки леса в форме придания определенным инвестиционным проектам в области леса статуса приоритетных. Такой статус является основанием для передачи инвестору в аренду лесных участков в целях лесозаготовки с последующей переработкой. Тем самым в рамках приоритетных инвестиционных проектов частной компании передаются все функции – от посадки до глубокой переработки спелого леса. Это то, чем занималось исключительно государство во времена командно-административной экономики СССР. Как мы знаем, тогда совмещение всех функций в одном лице не позволило добиться успеха в глубокой переработке леса: страна вывозила сырые лесные ресурсы, а потребность в продуктах переработки лесных ресурсов удовлетворялась в значительной степени за счет импорта.

Проведенное нами исследование ясно демонстрирует ущербность данной схемы. В рамках арендных договоров государство создает экономические,

организационные и институциональные механизмы, не только не способствующие развитию глубокой переработки леса, а наоборот, препятствующие им.

Для обеспечения эффективного лесопользования, с нашей точки зрения, необходимо:

1. С лесозаготовителями заключать только договоры купли-продажи леса на корню, на основе аукционных торгов, а практику заключения договоров аренды в целях лесозаготовки прекратить. В целях возврата полной суммы лесной ренты в бюджет государства необходимо создать эффективный механизм аукционных торгов, исключающий сговор по снижению цены продажи.

2. Компаниям, заявившим о желании осуществлять инвестиционные проекты по строительству заводов по глубокой переработке леса, государство должно обеспечивать содействие только в части этого вида бизнеса, не вовлекая их в непрофильную для них деятельность по лесозаготовке. Таким образом, реализация подобных инвестиционных проектов требует выделения для инвестора площадки под строительство завода, соответствующей интересам инвестора (наличие коммуникаций, близость к источникам сырья, наличие трудовых ресурсов и водных ресурсов), а также интересам общества в части экологии, особенно если речь идет о целлюлозно-бумажном комбинате.

3. Передача функций лесовосстановления и охраны лесов частным предприятиям должна быть прекращена. Эти функции должно исполнять государство как собственник лесов, поскольку именно государство является единственным заинтересованным в этой деятельности агентом экономических отношений. Источником государственных инвестиций в лесовосстановление должны быть лесная рента и возврат ранее произведенных инвестиций через продажу леса на корню по рыночным ценам.

Литература

1. Зулькарнай И. У. Причины отсутствия глубокой переработки леса в Республике Башкортостан // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2012. – № 2. – С. 64–73.

2. Зулькарнай И. У. Лесные ресурсы – достояние народа // Атмосфера. – 2011. – № 2. – С. 66–68.

3. Министерство сельского и лесного хозяйства Финляндии. – <http://www.mmm.fi/en/index/frontpage.html>

4. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан № 1361-р от 1 ноября 2008 г. (в ред. Распоряжения Правительства Республики Башкортостан № 1341-р от 2 декабря 2009 г.).

Роль планирования и прогнозирования в реализации социально-экономической политики государства

И.ДИМИТРОВ

Эффективность развития социально-экономической сферы страны неразрывно связана с качеством и достоверностью прогнозов и планов. Прогнозирование представляет собой многоуровневую систему, затрагивающую все сферы жизни общества. Комплексная система прогнозирования должна включать прогнозы развития отдельных секторов экономики, регионов, демографические прогнозы, научно-технические прогнозы, экологические и политические прогнозы, а также прогнозы в сфере внешнеэкономической деятельности. Причем прогнозирование должно осуществляться на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Димитров Ирина Леонидовна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Теория финансов» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: irinadimitrov@yandex.ru

Планирование – это целенаправленная деятельность государства, государственных органов управления по разработке перспектив социально-экономического развития страны, регионов, отраслей, предприятий.

Важным элементом системы прогнозирования и планирования, который должен обеспечивать ее эффективность, является стратегический контроль. Функцию контроля выполняют исполнительные органы власти, принимающие участие в разработке документов стратегического планирования, в том числе прогнозных документов. При этом на законодательном уровне не регулируется механизм оценки достоверности и обоснованности прогнозов, не определена ответственность за необоснованное несоответствие прогнозов реальному развитию событий, неясно, в каких случаях должна наступать данная ответственность и какими независимыми органами контролируется процесс прогнозирования и планирования.

Система прогнозирования и система планирования тесно взаимосвязаны и в комплексе представляют собой эффективный инструмент государственного регулирования социально-экономического развития как страны в целом, так и отдельного региона.

Существующая в настоящее время в России система прогнозирования и планирования явно не соответствует реалиям современной действительности, поскольку зачастую государственные прогнозы не выдерживают никакой критики. Согласно российскому законодательству, ответственность за разработку прогнозов и планов возложена на Правительство РФ, при этом каждый субъект Федерации также имеет правовые акты относительно системы прогнозирования и планирования развития.

Современная российская система прогнозирования в отличие от централизованного планирования и прогнозирования народно-хозяйственного комплекса СССР освобождена от серьезного недостатка прошлого, заключавшегося в отсутствии самостоятельных региональных прогностических исследований. В советской экономике преобладали отраслевой принцип управления и планирования, приоритет общегосударственных политических целей. Соответственно регионы имели крайне ограниченные права в хозяйственной сфере. Сегодня становится понятно, что отраслевой принцип управления должен дополняться, а в ряде случаев – и перекрываться региональным принципом, в основе которого лежит сбалансированное развитие экономики региона.

Первая в истории России Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (далее – Концепция) была разработана и утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р в начальный период кризисного обвала российского финансового сектора и промышленности.

Уже в момент принятия Концепции ее неадекватность складывающейся ситуации была совершенно очевидной. Шок 2008 г. для российской экономики оказался очень сильным. Принятие заведомо утопичной концепции преследовало чисто политические цели: государство стремилось продемонстрировать устойчивость выбранного долгосрочного курса несмотря на происходящие кризисные явления.

В посткризисный период (с конца 2010 г.) стало очевидно, что кризис не просто привел к временному спаду основных экономических показателей, а существенно скорректировал их докризисную динамику, темп роста ВВП с 6 % годовых упал до 3–4,5 %. По степени воздействия кризиса на экономический рост, государственный бюджет и финансовую систему наша страна «обошла» все экономически развитые страны мира.

Действующая Концепция фактически опирается на тенденции, сложившиеся до кризиса, вследствие чего все прогнозы развития и цели, заложенные в ней, в том числе в отношении инновационного прорыва, в силу кризисных явлений оказались утопичными по своей сути.

Важнейшим недостатком стратегических документов развития страны на долгосрочный период является сохранение принципа планирования и прогнозирования «от достигнутого», когда принятие решений осуществляется в соответствии с принципом:

сложившаяся ситуация и имеющиеся предпосылки обуславливают цели развития. В связи с этим трудно ожидать инновационного прорыва России и ее вхождения в число развитых стран мира в обозримой перспективе. Поэтому нужно менять подход к долгосрочному прогнозированию. Стратегия движения вперед должна формироваться исходя из конечной главной цели, которой требуется достичь за определенный период.

Ставшая уже привычной методологическая система прогностической практики, в которой прогноз осуществляется по линии «из прошлого – в будущее», может стать основой формирования множества различных сценариев развития на отдаленную перспективу, но все эти сценарии будут нести на себе груз проблем прошлого и настоящего и проецировать их на будущее. На долгосрочную перспективу прогнозировать будущее лучше из будущего, при таком подходе целевой образ освобождается от груза проблем прошлого, появляется возможность увидеть то, что находится за пределами эмпирического восприятия.

Для решения задачи совершенствования системы прогнозирования и планирования целесообразно изучить мировой опыт в данной сфере.

Великая депрессия в США в 1929–1933 гг. заставила искать пути выхода из кризисного состояния и послужила мощным толчком в развитии системы прогнозирования и планирования за рубежом. В послевоенные годы вопросами развития системы прогнозирования и планирования начали заниматься практически все ведущие страны мира. В настоящее время можно выделить три основные разновидности системы прогнозирования и планирования: североамериканскую, получившую распространение в США и Канаде; азиатскую, характерную для Японии и Южной Кореи; европейскую, получившую распространение во Франции и Швеции.

В США проблемам прогнозирования и планирования уделяется самое пристальное внимание. Система прогнозирования и планирования является важнейшим инструментом регулирования социально-экономического развития США. Прогнозированием и планированием занимаются не только государственные органы различного уровня, но и научные и исследовательские организации, коммерческие структуры, специализирующиеся на разработке прогнозов и планов, а также крупнейшие корпорации. Важной особенностью системы прогнозирования и планирования в США является то, что прогнозы и планы развития строятся не только для отдельного штата и страны в целом, но и для отдельных стран и групп стран мира, ведется работа по прогнозированию и планированию развития всей мировой экономики.

Прогнозирование и планирование развития в США затрагивает практически все сферы жизни: экономику, социальное развитие, экологию, энергетику, высокотехнологические отрасли и т. д. Прогнозированием развития занимаются Совет управляющих федеральной резервной системой, Административно-бюджетное управление и Совет экономических консультантов, который курирует экономическую политику и консультирует президента страны по экономическим вопросам.

Планирование и прогнозирование развития осуществляется на всех уровнях управления, и главной задачей при этом является выбор основных приоритетов развития экономики страны. Большое значение придается анализу влияния внешних рисков (политических, экономических, технологических, конкурентных) на национальную экономику. Отличительной чертой американской системы планирования и прогнозирования является привлечение правительством страны частных прогнозных компаний для разработки прогнозов и планов, причем данная работа имеет коммерческую составляющую и оплачивается из бюджета страны.

В ходе анализа азиатской модели прогнозирования и планирования хотелось бы остановиться на японской системе прогнозирования и планирования. Главной особенностью построения данной системы является применение социально-экономических прогнозов и планов, научно-технических программ в качестве ключевого инструмента государственного регулирования экономики. Основными органами, занимающимися вопросами прогнозирования и планирования развития, являются Экономический совет при Правительстве Японии, Управление экономического планирования, Министерство

внешней торговли и промышленности, Управление по науке и технологии. Основным инструментом планирования в Японии является построение пятилетних планов-программ. Они представляют собой проект, который содержит возможные пути развития экономики страны, отражает потенциальные проблемы и риски, а также предлагает пути решения этих проблем и снижения рисков. Следует отметить, что в процессе планирования и прогнозирования детально изучаются статистические данные и проводится глубокий научный анализ. На этой основе составляется прогноз развития каждой отрасли экономики и национальной экономики в целом. При принятии плана-программы развития предполагается ее широкое обсуждение в научных и деловых кругах страны, в результате которого в окончательный вариант могут быть внесены изменения.

Среди европейских стран наибольший опыт в вопросе формирования государственной системы планирования и прогнозирования имеет Франция. До 2006 г. главным государственным органом, который занимался вопросами планирования, являлся Генеральный комиссариат планирования; впоследствии данный орган был преобразован в Центр стратегического анализа. В настоящее время развитие системы прогнозирования и планирования во Франции ориентировано на более широкое применение стратегических планов.

Отличительными чертами французской системы планирования и прогнозирования являются применение многоуровневого обоснования прогнозов, планов и программ развития, то есть первоначально составляется общий план развития экономики, а уже затем осуществляется его детальная разработка по отраслям и регионам. В связи с отсутствием законодательно закреплённого жесткого регулирования сбора статистической информации организации и предприятия не обязаны предоставлять статистические данные, однако для участия в тендере и получения государственного заказа они обязаны предоставлять данную информацию в соответствующие государственные органы. Как известно, государство является крупнейшим заказчиком товаров и услуг, что вынуждает частные предприятия и организации осуществлять такую работу.

Прогнозирование и планирование экономического развития тесно связаны с бюджетной сферой, системой бюджетирования. От того, насколько рационально распределяются и расходуются бюджетные средства, зависит эффективность функционирования всей финансовой системы страны. Во многих развитых странах используется программно-целевой метод управления экономикой. В США до 50 % всех государственных расходов осуществляются в соответствии с программно-целевым принципом, во Франции данный показатель составляет 80 %.

Таким образом, опыт зарубежных стран содержит интересные подходы, которые могут быть использованы при совершенствовании российской системы прогнозирования и планирования. В связи с этим в целях модернизации данной системы в России следует принять следующие меры:

- создать специальный орган по прогнозированию и планированию социально-экономического развития страны;
- возложить на этот орган всю ответственность за достоверность прогнозов и реализацию планов;
- на законодательном уровне закрепить ответственность руководителей, отвечающих за развитие системы прогнозирования и планирования;
- в процесс прогнозирования и планирования более широко вовлекать научное сообщество;
- разработать и внедрить систему мониторинга и контроля за реализацией различных программ;
- в целях оптимизации и повышения эффективности расходования бюджетных средств использовать программно-целевой метод бюджетирования;
- в процессе построения прогнозов и планов осуществлять более тщательный анализ внешних рисков (развитие мировой экономики, науки и техники, мировая военно-политическая обстановка и т. д.).

Разработка системы мониторинга влияния административного регулирования на эффективность предпринимательской деятельности в муниципальном образовании

Н.СОЛОДИЛОВА, Р.МАЛИКОВ,
К.ГРИШИН, Ф.ИСАЕВ

Качество регулирования государством институциональных условий хозяйственной деятельности продолжает оставаться наиболее существенным фактором устойчивого развития малого и среднего предпринимательства. Именно от того, насколько совпадает общая логика государственной экономической политики с внутренними потребностями и ожиданиями предпринимателей, будет зависеть динамика увеличения доли малого и среднего бизнеса в структуре российской экономики. Очевидно, что только прозрачные и понятные правила осуществления предпринимательской деятельности, базирующиеся на партнерских отношениях бизнеса и власти, способны обеспечить качественный рывок в социально-экономическом развитии страны и ее регионов. На всех уровнях власти существует понимание данной позиции и ведется определенная работа, прежде всего, нормативно-правового характера, призванная смягчить противоречия между бизнесом и властью. В рамках этой работы особую значимость приобретает деятельность, направленная на формирование эффективной среды взаимодействия власти и малого (среднего) бизнеса, поскольку данная категория хозяйствующих субъектов ввиду определенных причин в наименьшей мере способна защищать свои интересы.

Некоторые аспекты проблемных параметров государственного регулирования сферы малого и среднего предпринимательства. Согласно докладу «Ведение бизнеса 2013. Разумный подход к регулированию деятельности малых и средних предприятий», подготовленному Всемирным банком, Российская Федерация в сфере создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности в 2011–2012 гг. улучшила свои позиции, поднявшись со 120 на 112 место в рейтинге. Из всех критериев, по которым оценивались экономики, в России лучше всего обстоят дела с обеспечением исполнения контрактов. По данному показателю наша страна занимает 11 место в мире. Так, в России рассмотрение коммерческих споров в суде занимает в среднем 270 дней, что значительно быстрее, чем во многих развитых странах, при этом количество необходимых процедур (36) и стоимость судебных издержек (13,4 % от стоимости иска) также существенно ниже среднемировых показателей. Однако остальные показатели, характеризующие условия ведения предпринимательской деятельности, которые в той или иной мере регулируются государством, имеют весьма критические значения.

Солодилова Наталья Зиновьевна, д-р экон. наук, профессор, ректор Уфимского государственного университета экономики и сервиса (УГУЭС)

Маликов Рустам Илькамович, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент» УГУЭС. E-mail: MalikovRI@rambler.ru

Гришин Константин Евгеньевич, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент» УГУЭС

Исаев Филипп Эрнстович, аспирант кафедры «Экономика и менеджмент» УГУЭС

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ИСППИ АН РБ в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка инструментария стратегического прогнозирования “точек роста” предпринимательства в системе социально-экономического развития Республики Башкортостан» № 3С/2.

Наибольшие проблемы в российской деловой среде имеются с подключением к системе электроснабжения (184 место), получением разрешения на строительство (178 место) и по условиям ведения международной торговли (160 место) [4]. В целом достаточно низкие места, полученные по различным параметрам ведения бизнеса в России (регистрация предприятий, ликвидация предприятий, налогообложение, защита инвесторов, кредитование), свидетельствуют о том, что государственная политика регулирования в рассматриваемой сфере, несмотря на принимаемые меры, пока еще не в полной мере соответствует запросам малого бизнеса.

На региональном уровне административный климат также является серьезной проблемой и в ряде регионов оказывает сдерживающее влияние на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства.

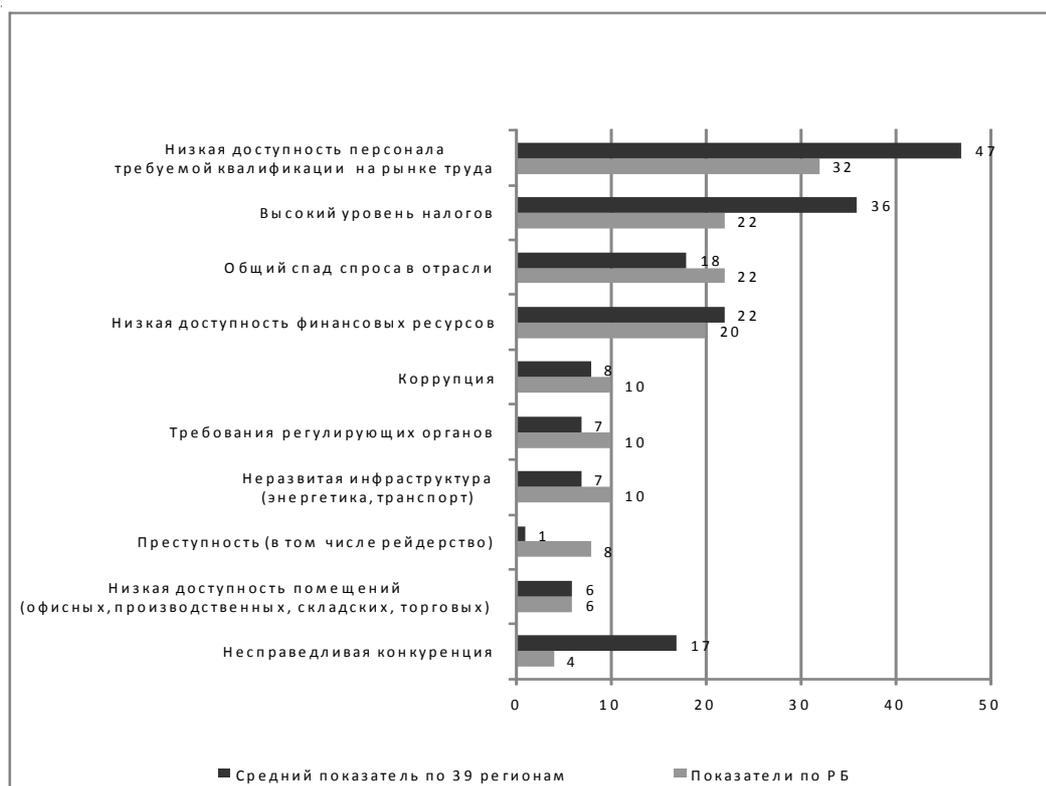
По результатам исследования «Предпринимательский климат в России: индекс ОПОРЫ 2012», в котором принимали участие 6000 владельцев и руководителей малых и средних предприятий из 39 регионов РФ, в 2012 г. Республика Башкортостан в целом имела достаточно высокие показатели по такому критерию, как условия ведения бизнеса в обрабатывающей промышленности (4 место среди 39 регионов) [5] (см. табл 1).

Таблица 1

**Индекс условий для развития малого и среднего предпринимательства
(индекс ОПОРЫ) среди регионов ПФО, принимавших участие в исследовании
(1 место – лучшие условия, 39 место – худшие условия)**

Регион	Индекс условий для развития малого и среднего бизнеса (место в рейтинге 39 регионов РФ)	Недвижимость и инфраструктура (место в рейтинге 39 регионов РФ)	Людские ресурсы (место в рейтинге 39 регионов РФ)	Финансовые ресурсы (место в рейтинге 39 регионов РФ)	Административный климат и безопасность (место в рейтинге 39 регионов РФ)	Система поставщиков (место в рейтинге 39 регионов РФ)
Нижегородская область	35–36	35	31	32	28	32
Оренбургская область	14–16	17	27	16	16	10
Пермский край	18–19	23	29	21	23	14
Республика Башкортостан	4	4	4	11	8	3
Республика Татарстан	20–22	19	22	19	17	30
Самарская область	3	3	2	7	15	6
Ульяновская область	31–33	25	39	29	27	21
Чувашская Республика	14–16	8	32	6	26	16

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что у Башкортостана относительно ровные показатели по всем критериям, характеризующим качество среды развития малого и среднего предпринимательства, однако по параметрам административного климата и безопасности, а также развитости инфраструктуры и доступа к финансовым ресурсам имеются провалы, хоть и не критические. В целом, несмотря на высокое место в рейтинге, в республике еще остается огромный массив проблем, которые в ходе опросов были названы предпринимателями (см. рис.).

Препятствия для развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан (% от числа опрошенных предпринимателей)

Из рисунка видно, что наиболее серьезными препятствиями для субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан являются те, которые обусловлены скорее экономическими (рыночными) факторами. Но при этом нужно отметить, что достаточно большой пласт проблем характерен для тех сфер, которые так или иначе связаны с государственным (муниципальным) регулированием, и эти проблемные параметры взаимодействия бизнеса и власти в республике в основном имеют показатели, значение которых выше средних по исследованным регионам. Это дает возможность сделать вывод о наличии некоторого накопленного напряжения в системе взаимоотношений бизнеса и власти, которое пока не носит критического характера, но тем не менее требует серьезного внимания.

Социальные эффекты предпринимательской деятельности как индикатор снижения административного давления на малый и средний бизнес. В связи с вышеизложенным вполне логичным представляется предположение о том, что снижение некоторого существующего напряжения в отношениях между властью и бизнесом поможет в определенной мере оптимизировать деловую среду, что в конечном счете благоприятно отразится на развитии малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях. В данном контексте основополагающим критерием оценки качества муниципального делового климата для нас является рост социальных эффектов предпринимательской деятельности, под которыми мы понимаем участие субъектов малого и среднего бизнеса в развитии местных сообществ. Данное участие может принимать различные формы, но в его основе должна лежать получаемая обществом польза (уплата налогов и социальных отчислений в полном объеме, создание рабочих мест с адекватной заработной платой, финансирование социально значимых проектов, благотворительность и т. д.). Именно наличие роста социальных эффектов предпринимательской деятельности можно рассматривать как индикатор улучшения делового климата в муниципальном

образовании. Мы исходим из того, что деловой климат должен способствовать не только улучшению условий для осуществления предпринимательской деятельности, но и находить свое отражение в показателях, понятных для общества. В этом случае деятельность по совершенствованию делового климата посредством достижения социальных эффектов будет способствовать улучшению имиджа предпринимателя и предпринимательской деятельности в массовом сознании. Таким образом, совершенствуя муниципальную деловую среду, органы власти решают две задачи: способствуют повышению вклада предпринимателей в развитие местных сообществ; улучшают имидж предпринимательской деятельности. Решение второй задачи может содействовать тому, что в предпринимательское движение на местах будут вливаться люди, рассматривающие бизнес не только как способ зарабатывания средств для жизнедеятельности, но и как возможность реализации своих социальных потребностей (например, достижение высокого социального статуса). Эта мотивация в значительной мере повышает вероятность того, что данные предприниматели будут осуществлять свою деятельность в цивилизованном, институционально-правовом (законном) режиме.

Многие эксперты считают, что на современном этапе экономических преобразований в нашей стране именно неэффективная государственная (муниципальная) политика в отношении предпринимательства провоцирует снижение социальных эффектов от деятельности бизнеса в результате роста оппортунизма делового сообщества. О.Уильямсон трактует оппортунизм как «следование своим интересам, в том числе обманом путем, включая такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими». При этом «намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму» [3]. В настоящее время распространенной формой предпринимательского оппортунизма субъектов малого и среднего бизнеса являются различные методы как легального, так и внеправового уклонения от выполнения требований трудового законодательства в полном объеме. В 2012 г., по данным «ОПОРЫ России», на 83 % малых предприятий имела место практика выплаты заработной платы в конвертах. Особого внимания заслуживают схемы, позволяющие юридически безупречно, но экономически необоснованно снижать «белую» зарплату наемным работникам. Данные схемы вследствие неуплаты в полном объеме НДС уменьшают доходы местных бюджетов, а через минимизацию страховых взносов не только лишают дополнительных средств внебюджетные фонды, но и ставят под сомнение социальную защищенность наемных работников предприятий в настоящем и будущем. Конечно, в большинстве случаев выплату «серой» заработной платы предприниматели обосновывают неэффективной налоговой политикой государства. Например, с 2011 г. были существенно (до 34 %) повышены страховые взносы для субъектов малого предпринимательства. В 2012 г. ставка была снижена до 30 % при лимите в 512 тыс. рублей, но появились 10 % с доходов, превышающих этот порог. С 2013 г. вдвое были увеличены страховые взносы для индивидуальных предпринимателей¹. Безусловно, все эти эксперименты в сфере государственного регулирования малого и среднего предпринимательства не способствуют искоренению практики выплаты «серой» заработной платы и повышению социальной эффективности бизнеса. При этом необходимо отметить, что на местах всегда имеется определенная возможность влиять на качество развития малого и среднего бизнеса. Ведь проблема создания рабочих мест, выплаты официальной заработной платы может быть вызвана не только последствиями

¹ По данным ФНС России, число индивидуальных предпринимателей, закрывших бизнес с начала 2013 г., достигло 531,9 тыс. человек, также приняли решение прекратить работу 18,2 тыс. фермеров. По подсчетам «Деловой России», только в 2012 г. бюджет потерял налогов закрывшихся бизнесов на сумму 13,5 млрд руб., тогда как дополнительно планировалось получить 5,1 млрд руб., то есть, согласно данным расчетам, чистые бюджетные потери составили 8,4 млрд руб.

несбалансированной государственной экономической политики, но и местными условиями, например, неэффективной (непрофессиональной) хозяйственной деятельностью субъектов бизнеса. В этом случае, очевидно, необходимо создавать эффективные с экономической точки зрения новые бизнесы и совершенствовать производственную, управленческую деятельность уже существующих. Для работы в этом направлении у органов местного самоуправления имеются достаточно эффективные инструменты содействия малому и среднему предпринимательству (муниципальный заказ, муниципально-частное партнерство, различные формы финансовой, имущественной, информационно-образовательной поддержки и т. д.). При этом нужно понимать, что для грамотного использования этого инструментария на уровне местных органов власти должно быть четкое представление о перспективах и направлениях социально-экономического развития муниципальных образований, что предполагает отказ от «интуитивных» методов управления экономикой, реализуемых на местах, и переход к инновационным управленческим технологиям комплексного территориального развития на основе научно обоснованных подходов.

В целом эффективность реализации административной политики в сфере предпринимательства на территории должна рассматриваться, прежде всего, сквозь призму социальных эффектов экономической деятельности и выстраиваться таким образом, чтобы она мотивировала субъекты бизнеса к активному участию в решении социальных проблем местных сообществ (так называемому лояльному типу ведения хозяйственной деятельности) [2]. Методы данной политики на той или иной территории могут различаться, но в ее основе должна лежать активная и неформальная позиция властных структур, «заточенная» под постоянный поиск необходимых решений в области содействия предпринимательству.

Методика оценки воздействия административного регулирования на эффективность деятельности малого и среднего бизнеса в муниципальном образовании. Качество делового климата на местах можно определить исходя из анализа показателей хозяйственной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляемой в институционально-правовой сфере. Наличие положительной динамики в деятельности предпринимателей, функционирующих в институционально-правовом пространстве, вполне обоснованно можно трактовать как рост удовлетворенности бизнеса качеством деловой среды. По нашему мнению, в наибольшей степени удовлетворенность бизнеса муниципальной деловой средой и готовность функционировать в институционально-правовой сфере характеризуют следующие показатели (V_j): объем поступлений налоговых платежей в местный бюджет; число занятых и средний размер заработной платы в секторе малого и среднего предпринимательства; численность работающих в сфере малого и среднего предпринимательства, получающих заработную плату на уровне или выше средней по экономике муниципального района; число субъектов малого и среднего предпринимательства; объем инвестиций в основной капитал в сфере малого и среднего предпринимательства. Таким образом, при оценке качества муниципальной деловой среды учитываются темпы роста указанных показателей.

Интегральный показатель качества муниципальной деловой среды ($V_i = \sum_{j=1}^n \rho_j \cdot V_j$) рассчитывается на основе показателей, которые можно трактовать как категории, характеризующие влияние отношений с властью на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства в институционально-правовом формате с учетом весовых значений, определяемых экспертным путем. При этом необходимо учитывать, что экспертные весовые оценки (ρ_j) должны удовлетворять следующему условию:

$$\sum_{i=1}^n \rho_j = 1,0, \quad j = \overline{1, n}, \quad \text{где } n - \text{ количество показателей.}$$

При определении экспертных весовых значений показателей мы исходили из того, что такой показатель, как число субъектов малого и среднего бизнеса, в современных институциональных условиях нельзя рассматривать в качестве основного критерия оценки уровня развития предпринимательства на территории (некоторые субъекты бизнеса после регистрации могут либо не осуществлять предпринимательскую деятельность, либо вести ее в «вялотекущем» режиме, например, предоставляя «нулевые» декларации) [1]. На современном этапе развития экономических отношений важнейшим критерием оценки развития малого предпринимательства становится эффективность бизнеса с точки зрения полезности для общества (получения социальных эффектов предпринимательской деятельности). Нужно отметить, что в современной России малый бизнес выполняет в первую очередь социальную, а уж потом экономическую функцию. Поэтому оценке должны подвергаться, прежде всего, показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, характеризующие степень участия бизнеса в развитии местных сообществ: показатели темпа роста (снижения) доли налоговых платежей от субъектов малого и среднего предпринимательства в местный бюджет (весовое значение – 0,2), средней заработной платы наемных работников, занятых в малом и среднем бизнесе (весовое значение – 0,2), доли занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, имеющих заработную плату на уровне или выше средней по экономике муниципального образования (весовое значение – 0,2), и числа наемных работников в сфере малого и среднего бизнеса (весовое значение – 0,2). Кроме того, необходимо оценить такие экономические показатели, как темп роста (снижения) числа субъектов малого и среднего предпринимательства и их инвестиций в основной капитал (весовое значение, соответственно, 0,1 и 0,1).

Оценка качества муниципальной деловой среды (табл. 2) осуществляется на основе сопоставления интегральных показателей отдельных результатов функционирования малого и среднего предпринимательства, что является индикатором адекватности усилий органов власти, направленных на формирование условий для предпринимательской деятельности субъектов бизнеса в институционально-правовых координатах функционирования.

Целевая функция качества среды взаимодействия бизнеса и власти имеет следующий вид:

$$D = \sum_{j=1}^n D_j \rightarrow \max \quad (1)$$

при условии:

$$\sum_{j=1}^n D_j > F_{rs} . \quad (2)$$

Условие (2) означает, что совокупный экономический эффект (в том числе обеспечивающий рост социальных эффектов предпринимательской деятельности), демонстрируемый малым и средним бизнесом на территории, должен превышать общий объем затрат на создание эффективной муниципальной деловой среды (F_{rs}), где D – совокупный социально-экономический эффект от деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования, вызванный улучшением качества взаимодействия бизнеса и власти; F_{rs} – сумма ресурсного обеспечения, направляемая на формирование эффективной деловой среды в муниципальном образовании $j = \overline{1, n}$, $n \rightarrow \max$, где n – число предприятий, функционирующих исключительно в институционально-правовом пространстве (рост числа субъектов малого и среднего предпринимательства обусловлен ростом качества муниципальной деловой среды); D_j – социально-экономический эффект j -го субъекта малого и среднего предпринимательства, вызванный улучшением муниципальной деловой среды; F_z – затраты средств в z -е направление на создание благоприятной муниципальной деловой среды; $z = \overline{1, C}$, где C – число направлений затрат на создание эффективной муниципальной деловой среды (институты, инфраструктура, информационно-консультационное обеспечение, система предоставления государственных и муниципальных услуг и т. д.).

$$F_{rs} = \sum_{z=1}^C F_z, \quad (3)$$

следовательно, должно выполняться условие:

$$\sum_{j=1}^n D_j > \sum_{z=1}^C F_z. \quad (4)$$

Таблица 2

Расчетная таблица для оценки качества муниципальной деловой среды*

	Критерий	Базовый показатель	Отчетный показатель	Темп прироста (снижения) относительно базового периода за год (V_j), %	Экспертные весовые значения (p_j)	Взвешенное значение ($V_j * p_j$), %
Социальные показатели	Доля налоговых платежей от субъектов малого и среднего предпринимательства в местный бюджет, %	22,0	26,0	18	0,2	3,6
	Размер средней заработной платы наемных работников, занятых в малом и среднем бизнесе, руб.	7367	8250	11	0,2	2,2
	Доля занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, имеющих заработную плату на уровне или выше средней по экономике муниципального образования, %	20,4	21,8	6	0,2	1,2
	Доля занятых в малом предпринимательстве в численности занятых в экономике, %	27,0	27,0	0	0,2	0
	Число субъектов малого и среднего предпринимательства, ед.	1916	1862	-3**	0,1	-3
Экономические показатели	Объем инвестиций в основной капитал субъектов малого и среднего предпринимательства, руб.	12000000	18000000	50	0,1	5
	Интегральный показатель качества муниципальной деловой среды $V_i = \sum_{j=1}^n \rho_j * V_j$					9

* Пример расчета носит условный характер.

**В случае, если показатель отрицательный, весовое значение не используется. При отрицательных значениях показателя на каждый процент снижения интегральный показатель уменьшается на единицу.

Полученный интегральный показатель муниципального образования сопоставляется со средним интегральным показателем по региону и на основании этого делается вывод о степени эффективности деловой среды муниципального образования.

Отсутствие необходимой статистической информации о развитии малого и среднего предпринимательства по муниципальным образованиям пока не дает возможности в полном объеме использовать методику для сравнения качества муниципальной деловой среды в разрезе муниципалитетов.

В целом рост интегрального показателя качества деловой среды в муниципальном образовании может свидетельствовать о том, что на данной территории бизнесу становится более выгодно функционировать именно в законодательно определенных рамках. Устойчивый рост данного показателя на протяжении ряда лет является индикатором эффективности

муниципальной политики в сфере предпринимательства. Снижение данного показателя по ряду совокупных факторов можно рассматривать как ухудшение общего «самочувствия» малого и среднего бизнеса на территории, что позволяет прогнозировать рост «теневого» составляющей в экономике муниципального образования.

Предложенный подход к оценке качества муниципальной деловой среды служит одним из методов обоснования и разработки мер, направленных на увеличение социальных эффектов деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании путем перевода их функционирования в формат институционально-правового взаимодействия с органами власти различных уровней. Данную методику также можно использовать в целях мониторинга эффективности программ поддержки развития малого и среднего предпринимательства как в муниципальных образованиях, так и в регионе в целом.

Литература

1. Дегтярев А., Маликов Р., Гришин К. Инвестиционный потенциал муниципальных образований: неформальное взаимодействие власти и бизнеса // *Общество и экономика*. – 2011. – № 2. – С. 141–155.
2. Маликов Р., Гришин К. Оценка эффективности взаимодействия властных и предпринимательских структур в муниципальном образовании на основе критериев взаимной лояльности // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. – 2009. – № 5. – С. 27–33.
3. Oliver E. Williamson. Behavioral Assumptions // *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. – N.Y.: The Free Press, 1985. – P. 44–52.
4. World Bank. 2013. Doing Business 2013: Разумный подход к регулированию деятельности малых и средних предприятий. – Washington, DC: World Bank Group. DOI: 10.1596/978-0-8213-9615-5. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0.
5. <http://opora.ru>

Данная статья завершает цикл публикаций, посвященных обобщению существующих в российской и зарубежной практике методических подходов к оценке кредитоспособности муниципальных образований, к формированию рейтинга территорий по различным критериям и выработке методики оценки кредитоспособности муниципальных образований на основе экономико-математических моделей.

Модель прогнозирования доходов и кредитоспособности муниципальных образований

Е.ФОМИНА, Ю.КОВАЛЬСКАЯ

Практика заимствований муниципальными образованиями (МО) денежных ресурсов в кредитных учреждениях не получила широкого распространения в Российской Федерации. Это объясняется низкой степенью самостоятельности большинства муниципальных образований, что приводит к нежеланию их руководителей осуществлять мероприятия, направленные на увеличение налогооблагаемой базы муниципального образования.

Фомина Елена Александровна, канд. экон. наук, профессор, заведующая кафедрой финансов, бухгалтерского учета и анализа Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: kaffba@list.ru

Ковальская Юлия Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и анализа БАГСУ. E-mail: kaffba@list.ru

Проблема разработки универсальной методики оценки кредитоспособности муниципальных образований остается актуальной, особенно в части оценки и учета рисков бюджета и бюджетной системы. Необходимость указанной методики возникает не только при оценке кредитоспособности МО, но и при проектировании доходов и расходов бюджетов, а также при выборе источников финансирования дефицитов территориальных бюджетов [7].

Проанализировав существующие подходы к оценке кредитоспособности муниципальных образований, можно сделать вывод, что наиболее часто используемые кредитными учреждениями методики балльной оценки заемщика достаточно просты в применении, но основаны лишь на мнении экспертов и не используют возможности современных математических методов. Кроме того, в настоящее время отсутствуют общедоступные методики оценки кредитоспособности, адаптированные именно для муниципальных образований.

В связи с этим возникает объективная необходимость количественной оценки показателей кредитоспособности муниципальных образований. На наш взгляд, решение этой задачи возможно с использованием математической модели прогнозирования доходов. Создание подобной модели позволит прогнозировать кредитоспособность муниципального образования при изменении социально-экономических параметров территории. Необходимо отметить, что формируемая модель должна основываться на общедоступных данных Федеральной службы государственной статистики (база данных муниципальных образований) и, соответственно, «работать» без запроса от муниципального образования бюджетных показателей, данных муниципальных контрактов и т. п. [6].

Решение данной задачи представим на материалах статистических данных по муниципальным образованиям Республики Башкортостан. Собственные доходы муниципальных образований складываются из налога на доходы физических лиц, доходов от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности, единого налога на вмененный доход и земельного налога. Усредненные показатели структуры этих доходов послужили параметрами нашей модели.

Решение поставленной задачи (построение экономико-математической модели прогнозирования доходов муниципального образования) можно разделить на три основных этапа: выбор параметров модели; кластеризация муниципальных образований; установление функциональных зависимостей.

Перечень факторов, оказывающих совокупное влияние на перечисленные составляющие собственных доходов муниципальных образований РБ, был сформирован на основе проведенного качественного анализа показателей Федеральной службы государственной статистики (табл. 1).

Таблица 1

**Факторы, оказывающие влияние на собственные доходы
муниципального образования**

Источник дохода	Факторы, оказывающие влияние на источник дохода
Налог на доходы физических лиц	Численность населения, численность работающего населения, средняя заработная плата, ставка налога
Доходы от использования муниципального имущества	Общая стоимость муниципальной собственности, остаточная стоимость муниципального имущества, доля основных фондов МУП, находящихся в стадии банкротства
Единый налог на вмененный доход	Доля муниципального имущества в целях предоставления субъектам малого и среднего бизнеса, доля вновь созданных субъектов малого и среднего бизнеса, которым оказана поддержка в рамках муниципальной программы
Земельный налог	Общая площадь земель муниципального образования, площадь земель сельхозугодий муниципального образования, общая площадь застроенных угодий, ставка земельного налога

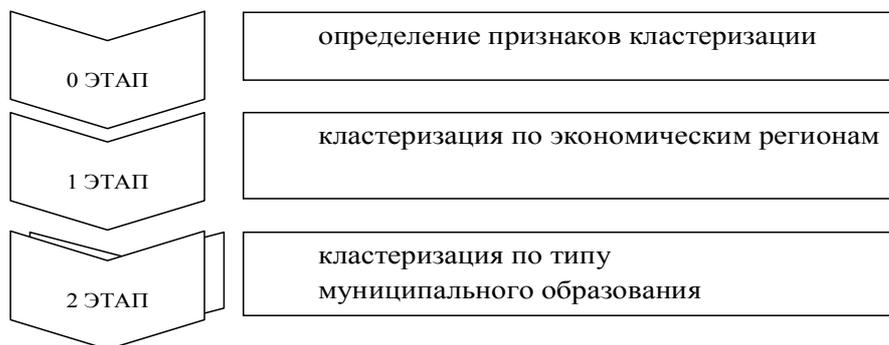
Для отбора показателей в разрабатываемую экономико-математическую модель был проведен расчет корреляции значений указанных в таблице факторов со значениями источников дохода. В результате анализа полученных результатов были выбраны следующие показатели: численность населения; численность работающего населения; средняя заработная плата; общая стоимость муниципальной собственности; доля муниципального имущества, включенного в перечень для предоставления малому и среднему бизнесу; доля вновь созданных субъектов предпринимательства в рамках программы развития предпринимательства; общая площадь муниципального образования.

Учитывая существенные различия между муниципальными образованиями, целесообразно нормировать показатели. В связи с этим в качестве входных данных для модели были выбраны следующие показатели:

- доля работающего населения;
- отношение средней заработной платы по муниципальному образованию к заработной плате по Республике Башкортостан в целом;
- отношение доходов от использования муниципального имущества к общей стоимости муниципальной собственности;
- доля муниципального имущества, включенного в перечень муниципального имущества в целях предоставления субъектам малого и среднего бизнеса;
- доля вновь созданных в течение года субъектов малого и среднего предпринимательства, которым оказана поддержка в рамках муниципальной программы развития малого и среднего предпринимательства;
- отношение общей суммы земельного налога к общей площади земель муниципального образования.

С целью повышения качества прогнозирования было решено разделить муниципальные образования на однородные группы (кластеры). Этапы процесса кластеризации представлены на рисунке.

Для кластеризации были выбраны следующие признаки: экономический регион; тип муниципального образования.

Процесс кластеризации муниципальных образований

Выбор указанных признаков для кластеризации обусловлен следующими обстоятельствами. По уровню социально-экономического развития, характеру отраслевой структуры и направлениям производственной специализации хозяйств во внутриреспубликанском и межрайонном разделении труда с учетом природно-экономических условий и сложившихся производственно-экономических связей хозяйственный комплекс Республики Башкортостан подразделяется на семь экономических регионов. Принадлежность к тому или иному экономическому региону РБ оказывает существенное влияние на доходы муниципального образования и, как следствие, на его кредитоспособность. Кроме того, уровень экономического развития и доходные полномочия (нормативы отчислений налога на доходы физических лиц) зависят от типа муниципального образования (муниципальный район или городской округ).

Результаты кластеризации представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты кластеризации муниципальных образований РБ

Значение признака	Регион	Значение признака	Тип муниципального образования	Муниципальные образования
1	Центральный регион	1	городской округ	Уфа
		0	муниципальный район	Архангельский, Бирский, Благовещенский, Иглинский, Кармаскалинский, Кушнаренковский, Мишкинский, Уфимский, Чишминский
2	Южный регион	1	городской округ	Стерлитамак, Кумертау, Салават
		0	муниципальный район	Аургазинский, Гафурийский, Зианчуринский, Ишимбайский, Кугарчинский, Куюргазинский, Мелеузовский, Стерлибашевский, Стерлитамакский, Федоровский
3	Западный регион	1	городской округ	Октябрьский
		0	муниципальный район	Альшеевский, Бакалинский, Бижбулякский, Благоварский, Буздякский, Давлекановский, Дюртюлинский, Ермекеевский, Илишевский, Миякинский, Туймазинский, Чекмагушевский, Шаранский
4	Северо-западный регион	1	городской округ	Нефтекамск, Агидель
		0	муниципальный район	Бураевский, Калтасинский, Краснокамский, Янаульский
5	Северо-восточный регион	0	муниципальный район	Белокатайский, Дуванский, Кигинский, Мечетлинский, Салаватский
6	Уральский регион	1	городской округ	Сибай
		0	муниципальный район	Абзелиловский, Баймакский, Белорецкий, Бурзянский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский
7	Северный регион	0	муниципальный район	Аскинский, Балтачевский, Караидельский, Нуримановский, Татышлинский

Принадлежность к конкретному кластеру определяется значениями двух признаков (табл. 2).

Далее, для построения математической модели была использована искусственная нейронная сеть (нейросетевая модель), представляющая систему соединенных и взаимодействующих между собой простых процессоров (искусственных нейронов), способных выполнять довольно сложные задачи распознавания образов, дискриминантного анализа, методов кластеризации и т. п. В рамках решения задачи оценки кредитоспособности муниципальных образований РБ представляется возможным использовать новую компьютерную технологию на основе статистического идентификатора (модели муниципального образования), которая бы позволила эффективно оценивать прогнозное состояние объекта в части его кредитоспособности, проводить оценку прогнозного состояния объекта в случае изменения влияющих на него факторов. Таким образом, сформулирована задача построения модели муниципального образования, описывающей его поведение в динамике и обладающей прогнозирующими свойствами.

Задача прогнозирования заключается в построении (оценивании) функции $Y = F(X)$, $X = (X_1, X_2, X_3, X_4, X_5, X_6)$, отражающей зависимость «объясняемого» (результатирующего, зависимого) показателя Y – доли собственных доходов муниципального образования, от «объясняющих» (независимых, экзогенных) показателей X , отобранных в результате корреляционного анализа.

Используя массив входных параметров по муниципальным образованиям, мы получили нейросетевую модель. После проведения процедуры обучения нейросети значения фактических и прогнозных показателей существенно сблизились. Это свидетельствует о том, что сеть формулирует верные прогнозы.

Созданная математическая модель была применена для прогнозирования доходов муниципальных образований на 2010 год. Прогнозные и фактические показатели доли собственных доходов в структуре доходов бюджета приведены в таблице 3.

**Результаты проверки качества прогнозирования
на данных муниципальных образований РБ**

Муниципальное образование	Доля собственных доходов в структуре доходов бюджета, %	
	Фактические данные	Прогнозные данные
Абзелиловский муниципальный район	18,0	18,0
Альшеевский муниципальный район	16,4	16,3
Архангельский муниципальный район	8,5	10,7
Аскинский муниципальный район	28,2	22,3
...
г.Уфа	74,3	61,6
г.Агидель	50,4	39,8

Данные таблицы свидетельствуют о том, что созданная модель муниципального образования позволяет с высокой долей точности прогнозировать его доходы на ближайшую перспективу, что подтверждает рассчитанное значение коэффициента корреляции Пирсона, составившее 0,96.

В то же время детальный анализ полученных данных демонстрирует, что по некоторым муниципальным образованиям имеется значительное абсолютное отклонение прогнозных данных от фактических. Например, отклонение для Белебеевского муниципального района составило 20 %, для Татышлинского муниципального района – 16 %, городского округа г.Салават – 26 %. Данные факты могут свидетельствовать о недостаточном использовании налогооблагаемой базы, неэффективном использовании муниципальной собственности, получении разовых доходов, связанных с продажей муниципальной собственности в рамках программы приватизации, и др. Также одной из причин может быть невысокая точность прогнозирования доходов муниципального образования в экстремальных точках, то есть в случаях, когда значения доходов находятся на границе допустимой зоны значений. В этом случае для повышения точности прогнозирования необходимо провести дополнительную обработку входных параметров с целью построения дополнительных экономико-математических моделей для отдельного анализа подобных ситуаций.

Таким образом, можно говорить о том, что построенная модель позволяет достаточно точно прогнозировать значение выходного параметра (структуру доходов муниципального образования) на основании входного вектора данных (социально-экономических характеристик муниципального образования). Практическая реализация предложенной методики прогнозирования структуры доходов муниципальных образований создает объективную, научно обоснованную платформу оценки их кредитоспособности, что особенно актуально в условиях расширения практики муниципальных заимствований.

Литература

1. Вахрин П.И. Бюджетная система Российской Федерации: учебник. – М., 2010. – 479 с.
2. Виссарионов А., Еланчук О. Использование налогов в государственном регулировании экономики России // Проблемы теории и практики управления. – 2010. – № 5. – С. 40–46.
3. Годин А.М., Максимова Н.С., Подпорина И.В. Бюджетная система Российской Федерации: учебник. – М.: Дашков и К, 2009. – 397 с.
4. Рябушкин Б.Т. Развитие статистики государственных финансов как составной части макроэкономической статистики // Вопросы статистики. – 2009. – № 4. – С. 3–10.
5. Савин В., Дмитриев В. Укрепление финансовой основы местных бюджетов – потребность времени // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 3. – С. 83–90.
6. Фомина Е., Ковальская Ю. Риск-менеджмент муниципальных образований // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2013. – № 3. – С. 10–15.
7. Фомина Е., Ковальская Ю. Уточненная рейтинговая методика оценки кредитоспособности муниципальных образований // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2013. – № 1. – С. 63–68.

Методологические проблемы оценки результативности маркетинговой деятельности

РАГЗАМОВ

На современном этапе маркетинговая концепция представляет собой одну из ключевых концепций, оказавших серьезное влияние на изменение российской управленческой культуры. Она все в большей степени интегрируется в область управленческих стратегий, и создается впечатление, что она стала движущей силой достижения консенсуса в отношении методологических подходов оценки результативности маркетинговых действий. Хотя практическая потребность в конверсии маркетинговых инициатив в традиционные для руководителей предприятий финансовые показатели доходности является нормальным требованием рынка, на практике обнаруживается серьезный дефицит эффективных методологических подходов к оценке финансовой отдачи от вложений в маркетинговые мероприятия. Между тем на достижение высокой результативности маркетинговой деятельности влияет множество факторов (внешняя среда, структурные и управленческие характеристики и др.). Следовательно, методология оценки результативности не может не учитывать роль ситуационных переменных. В этой связи важно осознавать многомерность самого понятия «результативность», иначе методология оценки, которая учитывает только один аспект результативности (например, только прибыль), может привести к дезориентирующим выводам. Конечно, не каждый руководитель предприятия владеет достаточными знаниями в маркетинговой сфере и способен рассчитать корпоративную значимость труда маркетологов, однако и сами руководители маркетинговых служб, подразделений продаж и сбыта как правило, также, не способны перевести результаты своей деятельности в финансовые показатели доходности для доказательства своего реального вклада в общую эффективность. Поэтому можно понять постоянные разочарования руководителей в подобных попытках, которые «обнажают» существующую проблему недооценки эффективности маркетинговых затрат и приводят в итоге к необоснованной экономии именно на маркетинговых издержках. В целом можно констатировать, что методология оценки результативности маркетинговой деятельности, несмотря на признание ее значимости, все еще остается слабо разработанной.

Проблема эта «взращивается» в том числе и в вузах в процессе обучения студентов, для которых методология оценки результативности в итоге предстает в виде «пустой формулы», которую пытаются наполнить позитивным содержанием. Анализ курсовых и выпускных квалификационных работ студентов за последние два десятилетия со всей очевидностью выявляет, что методология оценки результативности понимается весьма упрощенно, она воспринимается как некая абстрактная область, не имеющая отношения ни к теории, ни к практике маркетинга. Оценка результативности предлагаемых студентами маркетинговых мероприятий основана на позиции вероятности того, что они могут принести прибыль. Такой подход носит односторонний характер и существенно затрудняет исследование связей между маркетинговой деятельностью и ее результативностью. Это актуализирует необходимость выяснения природы этого явления.

Природа маркетингового парадокса. Подчеркнем, что оценка результативности маркетинговой деятельности, основанная либо на себестоимости,

Агзамов Рафик Закариевич, канд. социол. наук, доцент кафедры маркетинга, логистики и коммерции Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: agzami@bk.ru

либо на прибыли, противоречит основной идеологии концепции маркетинга. Представления руководителей об управлении своим предприятием и потребностях его развития, естественно, отличаются от традиционных маркетинговых представлений. Следовательно, среди маркетологов и высших руководителей неизбежно возникают различия в понимании задач маркетингового управления предприятием (то есть инструментов практической реализации маркетинговой концепции) и критериев оценки их результативности. К сожалению, в настоящее время нет единой точки зрения в отношении роли маркетинговой концепции в управлении предприятием.

Расхождение в понимании роли маркетинга в теории и его использовании на практике Ж.Ж.Ламбен в свое время определил как *маркетинговый парадокс*. Природа этого парадокса кроется в соотношении маркетинга как философии и маркетинга как функции. Иначе говоря, речь идет о соотношении на предприятии ориентиров «рыночной» и «маркетинговой» деятельности, что в конечном итоге и определяет выбор долгосрочного направления его развития. Проблема оказывается настолько глубокой, что при этом происходит неизбежная подмена реальности рынка, порождающая множество методологических проблем в решении практических задач в области определения экономической эффективности предпринимаемых маркетинговых действий.

Предметные поля концепций «маркетинговая ориентация» и «рыночная ориентация». Для решения указанной проблемы, прежде всего, необходимо ясно различать предметные поля концепций «маркетинговая ориентация» и «рыночная ориентация». С точки зрения реальной управленческой практики, интерпретация этого аспекта имеет большое значение, поскольку он кардинально меняет точку приложения усилий маркетологов. Если в первом случае усилия в основном сконцентрированы в структурах маркетинговых подразделений, то во втором – речь идет о согласованной деятельности всех подразделений предприятия. Заметим, что начиная с 1990-х гг. в странах с развитой рыночной экономикой ученые и практики бизнеса все больше отдают предпочтение поддержке действий предприятий в направлении стратегической ориентации на рынок.

В современных исследованиях понятие «ориентация» характеризуется как «общее или устойчивое направление мыслей, намерений или интересов». Следовательно, обсуждаемые нами понятия могут быть определены, соответственно, как «общее или устойчивое направление мыслей, намерений и интересов, имеющих отношение к маркетингу» и «общее или устойчивое направление мыслей, намерений и интересов, имеющих отношение к рынку». В первом определении акцент сделан на предметном поле деятельности конкретного маркетингового подразделения, во втором – на предметном поле деятельности предприятия, то есть речь идет обо всех его подразделениях, чьими совокупными усилиями осуществляются процессные инновации, создающие его конкурентное преимущество. Таким образом, понятие «рыночная ориентация» выводит конструкт «маркетинговая ориентация» из сферы деятельности только одного подразделения маркетинга и делает его предметом заботы всех подразделений предприятия. Другими словами, службой маркетинга становится само предприятие в целом, поскольку теперь в генерировании информации о рынке, ее распространении и совершении ответных действий принимают участие *все* его подразделения. Несомненно, данное обстоятельство расширяет представление о маркетинге и его истинном содержании, поскольку затрагиваются не только функции маркетинга. В этой ситуации неизбежно меняется и комплекс организационно-маркетинговых процессов, и соответствующие методологические подходы, и стратегические решения, важные для распределения ресурсов.

Сопоставление сущностных характеристик концепций «маркетинговая ориентация» и «рыночная ориентация». Стратегические решения, как

известно, подвержены влиянию большого числа переменных, которые охватывают многие аспекты организационной культуры, общей системы ценностей, экономического окружения, применяемых технологий и корпоративного мышления. Приведенные выше суждения со всей очевидностью демонстрируют постепенное углубление трактовки сути маркетинговой концепции в зависимости от ориентации деятельности предприятия. Происходит постепенное расширение интересов маркетинга: от наиболее узких трактовок традиционного маркетинга, основанного на транзакциях, к многочисленным взаимоотношениям, в которых участвует предприятие на рынке. Это обстоятельство создает новые основания для дифференциации подходов в отношениях с потребителями. Оно актуализирует также необходимость формирования методологии идентификации потребителей товаров и услуг предприятия, учитывающей сдвиги в современных взглядах на общество, на силы, определяющие его динамику, а также способы и средства его изучения. Речь идет об изменении восприятия и оценки клиентов: важная составляющая маркетинговой деятельности приобретает долгосрочные ориентиры. Они связаны с «настраиванием» всех уровней руководства на взаимодействие с клиентами как с ценными партнерами, на тщательное изучение их потребностей и развитие лояльности через качественный сервис. Таким образом, действительные потребности потребителей, которые собственно и являются отправной точкой для работы любого предприятия, «вынуждают» руководство предприятия выстраивать логику взаимодействия с клиентами. В традиционном маркетинге, как известно, все непременно подчинено получению прибыли, то есть задачи и соответствующие им цели, как уже было отмечено выше, оцениваются исключительно с точки зрения вероятности того, что их достижение может принести прибыль. Такой узкий взгляд на роль прибыли как первоочередной цели бизнеса, к сожалению, разделяют даже большинство преподавателей менеджмента и маркетинга в вузах. Бесспорно, прибыль имеет важное и в целом решающее значение для существования любого предприятия, но ориентация на прибыль не может рассматриваться в качестве главной цели деятельности предприятия. Наиглавнейшей задачей предприятия является, и так будет всегда, формирование его способности, с использованием творческой составляющей и потенциала маркетинга, *создавать* потребителя. В современных условиях выдвинутый П. Друкером тезис о потребителе, являющемся основой бизнеса, актуален как никогда. Ведь потребитель и рынок появляются только после того, как действия предпринимателей превращают потребность в эффективный спрос. Вот почему в условиях ориентации деятельности предприятия на рынок необходимо широкое понимание маркетинговой концепции, а также четко сформулированные и изложенные стратегии, которые направлены именно на создание потребителя. Это, несомненно, потребует и от большинства руководителей предприятий, и от самих маркетологов масштабных изменений в мышлении и нового понимания сущности маркетинга на всех уровнях управления. Именно такой подход становится необходимым условием повышения результативности маркетинговой деятельности.

Истоки новой методологии управления результативностью маркетинга. Используемые методологические подходы, методы и технические приемы, как известно, различаются в зависимости от процедур выделения предмета исследования. В этом смысле неизбежно появляется проблема преодоления старых представлений о сущностных характеристиках традиционного маркетинга, которые, к сожалению, еще продолжают доминировать. Напомним, что маркетинг относится к сложным многофункциональным социальным явлениям, поэтому развитие теории и методологии маркетинга предполагает постоянный поиск возможностей адаптации его инструментов к конкретным рыночным условиям, поскольку общие концепции применения того или иного инструмента на практике неизбежно устаревают, а сам термин «методология» наполняется новым смыслом.

Таким образом, методология управления результативностью маркетинга требует системного видения концепции ориентации на рынок и соразмерного этой концепции интегрирования различных дисциплин, с которыми связано ее формирование. Рыночная ориентация требует выстраивания логики взаимодействия предприятия с потребителем не на основе того, что оно делает *для него*, а на базе того, что оно делает *вместе с ним*. В этой ситуации возникает методология, ориентированная на взаимодействие с потребителями как полноправными стейкхолдерами¹ в цепочке создания ценности. Такая методология представляет маркетинговую деятельность как процесс развития, как возможность описания отдельных элементов маркетинга с разных позиций, с использованием различных познавательных инструментов и средств. Необходимо также заметить, что такая смена приоритетов, конечно же, не бескорыстна, долгосрочной целью остается достижение предприятием уровня прибыли, достаточного для покрытия рисков экономической деятельности. Изменяется лишь то, что в определенных условиях эта цель становится более достижимой через ориентацию на индивидуальные потребности конкретного потребителя, а не на усредненные запросы массового рынка. Фактически это отражает смещение баланса сил от предприятия к потребителю и переход многих стратегий традиционного маркетинга в разряд неэффективных. В этом смысле построение отношений с потребителями на основе дифференциации методологических подходов, учитывающих ситуационные переменные, может стать наиболее эффективным способом реализации организационных изменений и инноваций, направленных на повышение результативности маркетинговой деятельности.

Экономический анализ локальных рынков жилья: эволюция подходов

С.НАФИКОВА

До конца XIX в. жилищная экономика (housing economics) не представляла для исследований большого интереса. Ученых больше интересовали вопросы социальной справедливости распределения и перераспределения жилья, государственной жилищной политики, которые рассматривались в русле других общественных наук. Однако по мере приобретения жилищными системами рыночного характера все больше ощущалась необходимость применения экономического анализа при исследовании этой сферы.

Неудивительно, что проблемы рыночного распределения жилья впервые стали изучаться в США – стране с самой развитой рыночной экономикой. Первые работы в области анализа рынков жилья – это модели жилищной фильтрации (Фишер, Рапкин, Греблер, Грисби), появившиеся в рамках старого институционализма в 40–50-е гг. XX в. [5]. В этих работах рассматривались вопросы постепенного износа жилья и его перехода от богатых собственников к менее зажиточным, затем к бедным и т. д.

Нафикова Светлана Дамировна, аспирант кафедры инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
E-mail: svetlana.b@list.ru

¹ Здесь термин «стейкхолдер» понимается в широком смысле, а именно как физическое или юридическое лицо, заинтересованное в финансовых и иных результатах деятельности предприятия (прим. автора).

В работах представителей институционализма основное внимание уделялось именно локальному характеру рынков жилья. В трудах представителей данного направления прослеживается влияние исторической школы Германии, утверждавшей, что исторические особенности социально-экономического развития каждой страны и региона не позволяют использовать в анализе универсальные законы. Поэтому в рамках институционального направления экономисты не занимались вопросами выявления универсальных закономерностей, а изучали конкретные процессы на отдельном локальном рынке. Таким образом, общим недостатком всех исследований данного этапа является то, что они, по сути, представляли собой дезагрегированные эмпирические исследования различных рынков, что не позволяло создать на их основе какую-либо обобщающую теорию.

Проблема создания общей универсальной теории рынков жилья была решена в русле мейнстрима. От институционального анализа экономисты перешли к равновесному анализу рынков жилья, основанному на базовых предпосылках неоклассической теории экономического поведения.

Первоначально анализ рынков жилья носил исключительно обобщенный характер и не учитывал пространственный фактор. Рынок жилья рассматривался как единое целое в границах государства. Теория отраслевых рынков получила свое развитие раньше, чем экономика города, и поэтому вполне естественно, что рынок жилья стал прежде всего объектом отраслевого анализа в рамках жилищной экономики [2].

Очевидным достоинством исследований данного этапа стала возможность создания некой общей микроэкономической теории рынков жилья. В отличие от институционального анализа рынков жилья, в котором каждый рынок исследовался вне связи с другими рынками, в рамках жилищной экономики произошло обобщение результатов различных исследований в единую теорию и стало возможным моделирование рынков жилья.

Большинство работ, посвященных теоретическому анализу жилищных рынков, были направлены на выявление важнейших факторов спроса на жилье и разработку на их основе классификации жилья. При анализе потребительского поведения на рынке жилья исследователи столкнулись с тем, что в отличие от других товаров жилье характеризуется выраженной иммобильностью. Потребитель, выбирая жилье в соответствии со своими предпочтениями, автоматически выбирал и его местоположение, которое изменить невозможно. Осознание этой особенности привело к пониманию того, что среди факторов потребительского выбора решающую роль играет расположение жилья в пространстве. Это обусловило необходимость появления модели поведения потребителей на рынке жилья, учитывающей данный фактор.

Такая модель, названная теорией выбора местоположения резидентами (*residential location theory*), была разработана Мутом в 1961 г. В ней рассматривался потребительский выбор домохозяйством жилья на основе двух его характеристик – цены (ренты) и транспортных издержек. Так, при выборе места проживания потребитель учитывает расходы, связанные как с оплатой жилья, так и с ежедневными поездками на работу в центр города. Описание поведения потребителя базируется на концепции поиска определенного компромисса между двумя видами издержек. Выбор жилья осуществляется с учетом индивидуальных потребительских предпочтений с помощью стандартного микроэкономического аппарата кривых безразличия и линии доходов домохозяйства. Однако и цена жилья, и размер транспортных издержек определялись эмпирическим путем и не были функционально связаны с конкретными координатами пространства, поэтому потребительское равновесие также не являлось пространственной категорией.

Пространственный анализ рынка жилья в его взаимосвязи с другими городскими рынками, моделирование локальных рынков жилья в структуре города стали возможными только с появлением в 1960-х гг. особого направления в рамках

мейнстрима – новой экономики города (New Urban Economics, NUE). Моделирование рынков жилья в рамках NUE было вызвано не только теоретической необходимостью, назревшей в силу «провалов» в отраслевом анализе жилищных рынков. Настоящим толчком к теоретическим изысканиям послужило накопление к этому времени материалов многочисленных эмпирических исследований соответствующих рынков.

Бум эмпирических разработок наблюдался в 1950-е гг. Информационный взрыв в области анализа рынков жилья является самым впечатляющим прикладным достижением в развитии науки об экономике города, чему способствовала доступность микроэкономических данных о рынках жилья США, получаемых из Ежегодных жилищных обзоров (Annual Housing Survey) и обзоров домовладений [1].

Экономисты отметили чрезвычайную неоднородность рынков жилья, их привязку к определенной территории, особенности организации рынка жилья в пространстве города – неравномерность распределения населения и экономической деятельности по территории. В связи с этим следует отметить известный закон Кларка, который исследовал зависимость плотности населения и других параметров от расстояния до некоторой центральной точки города. Кларк предложил математически весьма простую модель распределения плотностных характеристик экономической активности в виде убывающей экспоненциальной функции. Она позволила выявить некоторые базовые закономерности размещения экономической активности на территории города, которые позднее получили объяснение в теоретических моделях.

Результаты эмпирических исследований вызвали естественный интерес к теоретическому описанию выявленных закономерностей функционирования городов. Успешное развитие прикладных исследований в 1940–1950-е гг. привело к осознанию базовых проблем экономики города.

Появление NUE позволило представить теоретическую интерпретацию многих эмпирических результатов. В рамках экономики города исследовались вопросы экономической деятельности города, эффектов агломерации, транспортной системы, экологии городов и т. д. Начиная с конца 1960-х гг. наблюдалось значительное увеличение числа теоретических исследований рынка жилья (Гудман, Милс, Мут, Олсен, Солоу и др.). К тому времени стало возможным использование мощного и весьма развитого микроэкономического инструментария, что позволило новой экономике города заслужить научное признание ведущих экономистов, представителей мейнстрима.

В NUE рынок жилья рассматривался с нового ракурса – как пространственно рассредоточенный по территории города рынок ограниченного блага, ключевой характеристикой которого стала степень его доступности – близости к некоторой полюсной точке, в качестве которой в моделях рассматривался центральный деловой район (ЦДР) города. Классические модели NUE, описывающие пространственное поведение потребителя при выборе места проживания, восходят к основополагающим работам 1960-х гг. Алонсо (1964) и Мута (1969), выполненным на основе более ранней модели Мута (1961).

В базовой модели поверхность города представлялась абсолютно плоской и изотропной относительно ЦДР. Изотропность пространства предполагает, что все участки, находящиеся на определенном расстоянии от ЦДР, равноценны по отношению друг к другу и готовы к использованию. В соответствии с указанной моделью в ЦДР сосредоточены все рабочие места, что обуславливает естественное стремление населения к этой точке. Издержки маятниковой миграции одинаковы для всех направлений и измеряются временем, затрачиваемым на поездки. При этом цена и транспортные издержки в новых моделях стали функционально зависимыми от расстояния до ЦДР. Возможность привязки цен на жилье и транспортных издержек к определенным координатам была обусловлена переходом от сложного двухмерного пространственного анализа к одномерному. Положение точки в пространстве

определялось не двумя координатами, а одной – расстоянием до центра города, что позволило включить пространство в анализ.

Такой подход позволил сформировать методику оценки вариантов функции спроса на жилье в различных точках города. Домохозяйство максимизирует свою функцию полезности от потребления жилья и других товаров, выбирая местоположение в пространстве города с учетом того, что с увеличением расстояния до ЦДР его затраты на миграцию растут, но одновременно снижаются удельные затраты на жилье, что связано со снижением цены жилья по мере удаления от центра. При этом домохозяйство может изменять потребление жилья, измеряемое площадью жилища или участка земли. Исходя из собственных предпочтений и ограниченного дохода, домохозяйство определяет для себя оптимальное расположение в городе. Таким образом, существенным нововведением NUE в анализе рынков жилья является понятие «пространственное равновесие потребителя».

Следующим шагом в анализе городских рынков жилья стало их инкорпорирование в городскую систему. На языке моделирования это означает, что модель маятниковой миграции, описывающая выбор жилья домохозяйствами, должна быть встроена в модель пространственной конкуренции между различными секторами городской экономики. Значимой «вехой» в развитии экономики города стало появление книги У.Алонсо «Размещение и землепользование» (1964), в которой исследовался рынок городской земли [1].

Модель пространственной конкуренции на рынке городской земли (модель Алонсо-Уинго) также основывалась на концепции доступности, в соответствии с которой все агенты (население, предприятия) стремятся к центру города. Для предприятий привлекательность центра обусловлена эффектом агломерации, экономической доступностью всех факторов производства, для населения – большими возможностями трудоустройства, поскольку даже несмотря на тенденцию к выводу промышленности за черту города центр остается местом высокой концентрации рабочих мест сферы услуг.

Конкуренция между населением и предприятиями на рынке городской земли приводит к тому, что в ЦДР размещаются те агенты, для которых расположение в центре является критически важным и которые готовы предложить за это наибольшую цену. Как правило, это предприятия сферы услуг и четвертичного сектора экономики (банки, страховые компании и т. д.). Далее следует население, затем – промышленные предприятия и, наконец, сельское хозяйство. Таким образом, рынок жилья выступает как неотъемлемый элемент общей городской системы, а население – как участник конкурентной борьбы за городское пространство наряду с предприятиями различных секторов экономики. Стихийное взаимодействие спроса и предложения формирует структуру экономического пространства города (его распределение между жильем, экономической деятельностью, транспортной сетью, социальной инфраструктурой и т. д.).

Основные выводы, которые были сделаны в рамках пространственного анализа рынка жилья, заключаются в следующем:

– плотность населения, плотность застройки и этажность зданий снижаются по мере удаления от центра города, а средняя площадь отдельного жилища – увеличивается;

– цены на землю и жилье с увеличением расстояния от ЦДР снижаются;

– домохозяйства с высокими доходами по сравнению с низкодоходными группами располагаются дальше от центрального района, но проживают в более комфортном и просторном жилье.

Дальнейшее развитие пространственного анализа локальных рынков жилья сдерживалось трудностями включения в модель, помимо иммобильности, ряда характеристик жилья, его качественной неоднородности и долговечности.

Чрезвычайная сложность природы жилья как товара обуславливает трудности одновременного моделирования всех его характеристик, что привело в тупик текущее исследование рынков жилья в экономической теории. В результате в современной литературе по жилищной экономике сформировалось несколько отдельных направлений анализа локальных рынков жилья, в рамках каждого из которых рассматривается определенная его характеристика. При этом, как подчеркивает видный исследователь локальных рынков жилья в США К.Гибб, ни в одном из этих направлений полностью не раскрыты все ключевые характеристики жилья [3]. Более того, как отмечает М.Уайтхед в обзоре литературы, посвященном анализу локальных рынков жилья, эти исследования становятся все более изолированными и дезагрегированными, что не позволяет сформировать на их основе единую и цельную теорию [6].

Первое направление – это пространственные модели рынков жилья, сфокусированные на анализе долгосрочного равновесия под влиянием маятниковой миграции в городском пространстве. Моноцентрическая модель выбора местоположения отражена в многочисленных работах в рамках «новой экономики города». Эта модель остается доминирующей парадигмой в исследовании городских рынков жилья в Северной Америке. Недостатки данного направления уже были отмечены выше – статичность, игнорирование неоднородности жилья, чрезмерное упрощение анализа одномерностью координат пространства.

В рамках другого направления исследователи абстрагировались от пространственных аспектов жилья в целях более полного изучения динамики локальных рынков жилья, долговечности жилья и сосредоточили внимание на эффектах фильтрации. Однако модели фильтрации в отличие от неоклассических не являются четко формализованными. Фактически исследователи, использующие модели фильтрации, ограничиваясь рассмотрением разнообразных аспектов функционирования рынков жилья, не занимаются анализом рынка жилья в целом. Неудивительно, что в современной литературе по проблемам жилищной экономики можно найти немало исследований, выявляющих, в каких случаях и при каких условиях работают процессы фильтрации. Важность фильтрационных моделей обуславливает их дальнейшее использование в анализе городских рынков жилья, тем не менее их действительный потенциал до сих пор остается нераскрытым.

Еще одним популярным направлением анализа локальных рынков жилья являются компьютерные симуляционные модели, появившиеся в 1970–1980-е гг. Использование этих моделей в анализе последствий государственной политики, проводимой на рынке жилья, позволило убедиться в их огромном прикладном значении. Симуляционные модели помогают преодолеть основные недостатки базовых моделей локальных рынков жилья – их статичность и ориентацию на долгосрочное равновесие на рынке. Тем не менее компьютерное моделирование может использоваться только как прикладной инструмент анализа конкретного городского жилищного рынка. Компьютерное моделирование в любом случае базируется на определенной теоретической модели локального рынка жилья – пространственной или фильтрационной, а значит, не лишено недостатков базовых подходов в рамках неоклассической экономической теории.

Дальнейшее исследование рынков жилья многие экономисты связывают с необходимостью учета неопределенности на данных рынках, информационной асимметрии, процессов эволюции городов и других институциональных факторов [2]. Однако все модели локальных рынков «страдали» явной ориентацией на неоклассические постулаты экономического анализа (равновесие рынков, рациональное поведение агентов, совершенная конкуренция на рынке и др.). Такая ограниченность характерна для всех разделов неоклассической теории. Однако именно в отношении локальных рынков углубление анализа оказалось наименее

возможным. В теории отраслевых рынков уже на протяжении нескольких десятилетий ведутся исследования неопределенности, неравновесных процессов, нерационального поведения, монополизации рынков и т. д. В экономике города такой прикладной анализ пока не представляется возможным в силу чрезвычайной сложности одновременного включения в анализ динамического и пространственного аспектов. Между тем усиление критики мейнстрима заставляет неоклассиков усложнять моделирование реальных процессов на рынках, что постепенно ведет к отходу от пространственного анализа рынков жилья и возврату к изучению рынков жилья на уровне отрасли в рамках более «продвинутой» теории отраслевых рынков. Кроме того, экономическая ситуация в США, складывающаяся в последние два десятилетия, обуславливает повышение интереса к макроэкономическим аспектам исследования рынков жилья, циклическим колебаниям на этих рынках. В результате в качестве объекта анализа все чаще выступает национальный рынок жилья, а не локальные рынки жилья городов. Самые значимые работы в области анализа рынков жилья последних десятилетий носят преимущественно нелокализованный характер. В частности, большое число публикаций посвящены инвестиционному и макроэкономическому анализу рынков жилья, формированию «ценовых пузырей» на рынках жилья различных стран, анализу влияния ипотечного кредитования на ситуацию на финансовых рынках и т. д. Фундаментальные труды ученых этого направления были изданы в 1980–1990-х гг. (работы Потербы, Топеля и Розена, ДиПаскаля и Уитона и др.).

Начало изучения рынков жилья в отечественной литературе относится к началу 1990-х гг., при этом основным направлением анализа стала оценка эластичности спроса на жилье по цене и доходу, также предпринимались попытки построения функций спроса и предложения на рынке жилья (работы О.Бессоновой, Н.Косаревой, Н.Ноздриной, Г.Стерника и др.). Некоторые исследования проводились в региональном разрезе, но их нельзя назвать пространственными, поскольку они учитывали лишь дифференциацию факторов спроса и предложения: доходы населения, цены на жилье, объемы ввода жилья, состояние и размер жилищного фонда, себестоимость строительства, барьеры на рынке и т. д. В ряде работ анализируется пространственная неоднородность рынка жилья внутри города, но такие исследования проводились только для Москвы. Однако доступность как непосредственный фактор формирования внутригородской структуры рынка жилья, модель локального рынка жилья, разработанная в рамках NУЕ, не нашли отражения ни в одной работе.

В то же время неудачи многих национальных программ в сфере жилищной политики (в том числе приоритетного нацпроекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России») демонстрируют неадекватность отраслевого подхода в разработке жилищной политики, что свидетельствует о необходимости учета локальности рынков жилья. В рамках отраслевого подхода предполагалось, что стимулирование спроса населения на жилье путем ипотечного кредитования в краткосрочном периоде вызовет рост цен на рынке, а в долгосрочном – повышение строительной активности и предложения жилья и ценовую стабилизацию. Однако главным результатом программы стал рост цен и как следствие – снижение доступности жилья, даже с учетом ипотечного кредитования. При этом проблема доступности жилья сильнее всего обострилась в крупных городах.

На наш взгляд, основной причиной такого провала стало непонимание того факта, что рынок жилья любого города привязан к его территории, и его развитие определяется ситуацией на рынке земли. Значительный рост предложения жилья в долгосрочном периоде возможен в случае неограниченности самой земли. Однако для жителей города интерес представляет не любая земля на территории страны или региона, а земля, находящаяся в определенной близости к центральной части города. Несмотря на рост городов, территория не может расширяться бесконечно, на

определенном расстоянии от центра города она теряет свою ценность, что становится причиной ограниченности предложения и самого жилья.

Несовершенство конкуренции на рынках земли в городах существенно ограничивает рост предложения и стимулирует дальнейший рост цен. На наш взгляд, основным сдерживающим фактором предложения жилья в городах является именно ограниченность земли, а не себестоимость строительства. Ключевая роль ограниченности земли сохраняется и при административном, и при рыночном распределении земли внутри города. При этом регулирование землепользования осуществляется на уровне муниципалитета. Поэтому если основным направлением федеральной жилищной политики является регулирование спроса на жилье, то задача местных органов власти заключается прежде всего в поиске способов увеличения предложения жилья и обеспечении его соответствия пространственной структуре предпочтений потребителей. Основой для разработки муниципальной жилищной политики, таким образом, должна стать пространственная модель локального рынка жилья.

С учетом того, что основной проблемой жилищной системы в России является низкая доступность жилья, главным направлением анализа должно стать исследование этих рынков на локальном уровне. Анализ рынков жилья в России интересен в первую очередь с точки зрения их регулирования. Действительно, рынок жилья представляет собой яркий пример «провалов» рыночного распределения блага, требующих обязательного государственного вмешательства. При этом отраслевой анализ, с нашей точки зрения, создает меньше возможностей для разработки действенных рекомендаций в сфере жилищной политики. В отраслевом анализе локально рассредоточенные рынки рассматриваются как единое целое, поскольку мобильность многих товаров позволяет формировать общее равновесие на всех рынках. Однако иммобильность жилья ограничивает возможность такого агрегированного подхода, поскольку обуславливает монопольное положение каждого локального рынка жилья относительно рынков жилья других городов.

Между тем, как отмечает Д.Макленнан, простая модель выбора местоположения, разработанная в рамках NУЕ, является единственно верной стартовой точкой для анализа локальных рынков городского жилья [4]. В исследовании локальных рынков отраслевой подход проигрывает пространственному, поскольку на локальном уровне ключевыми факторами на рынке жилья выступают пространственная конкуренция, ограниченность территории города, рынка земли. Таким образом, исследование локальных рынков жилья российских городов в рамках пространственной модели выбора местоположения в городе и дальнейшее использование данного подхода в жилищной политике представляется весьма перспективным.

Литература

1. Занадворов В.С., Ильина И.П. Теория экономики города. – Москва: ГУ ВШЭ, 1999.
2. Arnott R. Economic Theory and Housing // E.S.Mills, P.Nijkamp. – Handbook of Regional and Urban Economics. – Vol. 2. – Amsterdam: North Holland, 1987.
3. Gibb K. Urban Housing Models // T.O’Sullivan, K.Gibb / Housing Economics and Public Policy. – Oxford: Blackwell Science Ltd, 2003. – P. 22–38.
4. MacLennan D. Housing Economics: an Applied Approach. – London: Longmans, 1982.
5. Watkins C. Microeconomic Perspectives on the Structure and Operation of Local Housing Markets // Housing Studies. – 2008. – № 23. – P. 163–177.
6. Whitehead M.E. Urban Housing Markets: Theory and Policy // Handbook of Regional and Urban Economics. – Vol. 3. – Amsterdam: North Holland, 1999.

Решение проблемы финансирования экономического роста северо-востока Башкортостана

И. БЕЛОЛИПЦЕВ

Решение проблемы социально-экономического развития северо-восточных районов Башкортостана во многом зависит от привлечения инвестиций. В свою очередь, проблема привлечения инвестиций «упирается» в проблему финансирования (привлечения капитала) этих инвестиций. В условиях продолжающегося глобального экономического кризиса [1] увеличение инвестиций в экономику страны в целом и в частности в экономику северо-восточных районов Башкортостана требует нетривиальных и принципиально новых подходов к решению проблемы финансирования инвестиций.

Принципиально новые подходы необходимы и при решении проблемы социально-экономического развития северо-восточных районов Башкортостана [2].

Задача восстановления и обеспечения экономического роста является перманентной задачей, решение которой позволит обеспечить увеличение занятости и будет способствовать снижению бедности. Следует отметить, что эта задача является частью одной из двенадцати финансовых проблем, определенных в качестве приоритетных лидерами «Большой двадцатки» в декларации саммита по финансовым рынкам и мировой экономике [4].

Возглавив «Группу двадцати» в декабре 2012 г., Россия расширила круг обсуждаемых проблем, предложив включить две новые темы: «Финансирование инвестиций как основа экономического роста и создания рабочих мест» и «Модернизация национальных систем государственных заимствований и управления суверенным долгом» [5].

Точка зрения автора [2] на решение проблемы социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан в кратком изложении сводится к следующему. Предлагается на основе долгосрочной программы развития, рассчитанной на 15–20 лет и разработанной в рамках государственно-частного партнерства, создавать в этих районах социально-экономические «точки роста» в виде замкнутых кластеров, в основе каждого из которых должен находиться спортивно-оздоровительный туристический центр круглогодичной эксплуатации. В этих кластерах, кроме относительно крупных предприятий, которыми являются названные туристические центры, будут возникать частные предприятия общественного питания, сферы услуг, торговли и т. п.

Одной из самых сложных проблем при формировании и реализации долгосрочной государственной программы развития северо-восточных районов Башкортостана будет проблема привлечения инвестиций в данные районы. Даже в годы экономического подъема российской экономики (2003–2008) экономика этих районов находилась в депрессивном состоянии, а в период глобального экономического кризиса социально-экономическое состояние этих районов только ухудшилось. Причин подобного ухудшения достаточно много, но главная заключается в отсутствии инвестиций.

Вместе с тем, банки Республики Башкортостан испытывают переизбыток ликвидности и могли бы финансировать инвестиции, но не делают этого главным образом по двум причинам: либо у предпринимателя нет обеспечения (это в основном характерно для представителей малого и среднего бизнеса), либо у инвестора нет гарантий возврата вложенных средств.

Белолипцев Игорь Анатольевич, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой «Финансы и кредит» Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: igor.beloliptsev@gmail.com

Решением данной проблемы могли бы стать гарантии Правительства Республики Башкортостан, но в данном случае можно предвидеть возражения множества специалистов как в Правительстве, так и в среде независимых аналитиков. Суть этих возражений будет сводиться к констатации того очевидного факта, что в бюджете республики, ослабленном кризисом, свободных денег для создания гарантийного фонда нет. Но почему, собственно, нет? Если подходить к проблеме финансирования инвестиций традиционным способом, когда бюджетные деньги выделяются под конкретные целевые программы и затем распределяются на конкурсной основе, то действительно свободных денег для создания гарантийного фонда в бюджете не найдется даже в условиях экономического подъема, не говоря уже о периоде кризисного состояния экономики.

Но к решению проблемы финансирования инвестиций можно подойти принципиально иным путем. В основе предлагаемого решения лежит «теория портфеля», которую с успехом применяют в своей деятельности субъекты как финансового, так и реального секторов экономики. «Теория портфеля» базируется на принципе диверсификации, сущность которой состоит в формировании инвестиционного портфеля таким образом, чтобы он при определенных ограничениях удовлетворял заданному соотношению риска и доходности.

Вполне допустимо, на наш взгляд, всю совокупность инвестиционных проектов, необходимых для обеспечения заданных темпов экономического роста в северо-восточных районах, рассматривать как портфель инвестиций в рамках государственно-частного партнерства. В этом случае задача управляющих портфелем будет заключаться в отборе в портфель таких инвестиционных проектов, при которых риск портфеля не превышал бы определенного значения при заданном уровне доходности инвестиций. В этом случае объем гарантийного фонда для выдачи правительственных гарантий будет на несколько порядков меньше всего объема инвестиций, привлеченных в экономику региона.

Экономическая постановка задачи увеличения инвестиций в экономику северо-восточных районов Башкортостана в предлагаемой трактовке финансирования инвестиций выглядит следующим образом. Инвестор, реализующий инвестиционный проект, получает гарантию Правительства на возврат инвестиций в случае реализации случайного риска, и под это обеспечение получает необходимый долгосрочный кредит в одном из банков республики.

В этом случае гарантийный фонд бюджетных средств остается нетронутым (во всяком случае до наступления рискованного события у одного из инвесторов). Проблема выделения и распределения бюджетных средств (по крайней мере, в прежних объемах) отпадает, что приводит к существенному сокращению бюджетных расходов. Следует отметить, что сокращение бюджетных расходов лидерами «Большой двадцатки» выделено в качестве одной из приоритетных задач оздоровления экономики. Вместе с тем необходимый импульс для дальнейшего экономического роста со стороны государства в лице федерального или регионального правительства будет дан без увеличения государственных расходов.

Если традиционно в рамках налогово-бюджетной политики государство стимулировало экономический рост за счет увеличения государственных расходов (в основном – в инфраструктурные объекты), то в предлагаемой модели финансирования государство будет наращивать свое влияние на экономику, не увеличивая бюджетные расходы, а сокращая их по сравнению с прошлыми периодами. Одновременно решается проблема избыточной ликвидности в банках, и последние, способствуя экономическому подъему, сами будут расти и развиваться.

Предполагаемые оппоненты данной позиции могут задаться закономерным вопросом: а где гарантии того, что выданные кредиты будут возвращены и гарантийный фонд останется в неприкосновенности? Один или несколько инвестиционных проектов, получивших правительственные гарантии, могут действительно «обанкротиться». Однако большинство проектов будут успешно реализованы (по умолчанию предполагается, что

процедура проверки финансовой состоятельности и экономической эффективности инвестиционных проектов, получивших правительственные гарантии, исключит из списка претендентов заведомо провальные или экономически неэффективные).

Успешно реализованные инвестиционные проекты настолько увеличат налоговые поступления в бюджеты всех уровней, что их объем многократно перекроет потери от выполнения гарантий Правительства перед банками по «обанкротившимся» проектам.

Портфель правительственных гарантий вполне можно рассматривать как инвестиционный портфель, следовательно к нему можно применить математический инструментарий, разработанный Г.Марковицем в рамках теоретического подхода к анализу и формированию инвестиционного портфеля.

Аргументом в пользу применимости предлагаемого подхода на практике служит математическая модель портфеля инвестиционных проектов. Ожидаемая доходность и риск портфеля, составленного из n активов, определяются по формулам (1) и (2) соответственно.

$$R_{\pi} = \sum_{i=1}^n R_i X_i, \quad (1)$$

где X_i – доля капитала, вложенного в i -й проект, в общем объеме инвестиций в портфеле, при этом: $\sum_{i=1}^n x_i = 1$; R_i – ожидаемая доходность i -го инвестиционного проекта, включенного в портфель; R_{π} – ожидаемая доходность портфеля; n – число инвестиционных проектов, включенных в портфель.

$$\sigma_{\pi} = \sqrt{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n X_i X_j \sigma_{ij}} = \sqrt{\sum_{i=1}^n X_i^2 \sigma_i^2 + \sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^n X_i X_j \rho_{ij} \sigma_i \sigma_j}, \quad (2)$$

где σ_{π} – риск портфеля; σ_i – риск i -го инвестиционного проекта в портфеле; ρ_{ij} – коэффициент корреляции между i -м и j -м проектами.

Из второго способа записи формулы (2) видно, что риск портфеля состоит из двух слагаемых.

Первое слагаемое – это риск, связанный только с изменчивостью отдельных проектов, включенных в портфель. Это так называемый суммарный случайный риск, присущий только отдельным проектам. Причин случайного риска множество: потеря ключевых поставщиков, клиентов или персонала; технологические нововведения конкурентов, подрывающие спрос на продукцию; неэффективный менеджмент и др.

Второе слагаемое в (2) – это систематический риск, который связан со взаимной волатильностью доходностей активов, включенных в портфель. Причины этого риска связаны с изменениями в экономике, политике страны или региона в целом.

Если предположить, что в портфель удалось включить только независимые друг от друга инвестиционные проекты (это означает, что все $\rho_{ij} = 0$) и все проекты имеют одинаковые веса ($X_i = 1/n$), то в этом случае формула (2) примет следующий вид:

$$\sigma_{\pi} = \sqrt{\sum_{i=1}^n X_i^2 \sigma_i^2} = \sqrt{\sum_{i=1}^n \left(\frac{1}{n}\right)^2 \sigma_i^2} = \frac{1}{n} \sqrt{\sum_{i=1}^n \sigma_i^2}. \quad (3)$$

Выражение под корнем в (3) отражает суммарный случайный риск инвестиционных проектов, включенных в портфель, но риск портфеля в целом будет в n раз меньше. Более того, при значительном количестве проектов, включенных в портфель, риск портфеля станет несущественным. Из теории и практики составления инвестиционных портфелей известно, что для того, чтобы сделать риск портфеля несущественным, необходимо включить в портфель не менее 40 активов.

На практике трудно будет обеспечить независимость всех инвестиционных проектов, включенных в портфель, поэтому следует проанализировать риск портфеля в случае положительной корреляционной зависимости между проектами ($0 < c_{ij} < 1$). Предположим также, что $c_{ij} = \text{const}$ и $y_1 = y_2 = \dots = y_n = y = \text{const}$.

При сделанных предположениях формула (2) примет следующий вид:

$$\sigma_{\pi} = \sqrt{\sum_{i=1}^n \left(\frac{1}{n}\right)^2 \sigma^2 + \sum_j \sum_i^n \left(\frac{1}{n}\right)^2 \rho \sigma^2} = \sqrt{\left(\frac{1}{n}\right) \sigma^2 + \rho \sigma^2 \left(1 - \frac{1}{n}\right)}. \quad (4)$$

При $n \rightarrow \infty$ первое слагаемое в (4) будет стремиться к нулю, а второе – к величине $\sigma\sqrt{\rho}$. Тогда общий риск портфеля не будет превышать величину $\sigma\sqrt{\rho}$. Таким образом, общий риск портфеля будет меньше максимального из всех рисков отдельных проектов, включенных в портфель.

Из проведенного анализа можно сделать следующий вывод: эффект диверсификации, то есть снижения риска инвестиционного портфеля, позволяет в предложенной схеме финансирования инвестиций держать достаточно ограниченный фонд денежных средств в качестве гарантийного запаса покрытия убытков несостоявшихся проектов.

При реализации предложенной схемы финансирования одним из главных факторов снижения риска портфеля будет определение величины лимита капитала, предоставляемого одному предпринимателю под гарантию правительства, иными словами – определение лимита гарантии. Очевидно, что чем больше лимит, тем больше риск портфеля. С другой стороны, низкий лимит ограничивает размер инвестиций в отдельный проект и может оказаться недостаточным для преодоления так называемого «порога входа» на конкретный рынок. Поэтому определение лимита инвестиций требует проведения отдельных исследований.

Следует также отметить, что проблема определения лимита правительственных гарантий требует дифференцированного подхода для инвестиционных проектов среднего и малого бизнеса. Очевидно, что лимиты для среднего бизнеса должны быть существенно выше, чем для малого.

Рассмотрим следующий пример. Допустим, что фонд правительственных гарантий составляет 114 млрд руб., а лимит капитала на одну гарантию не превышает 1,5 млрд руб. В этом случае портфель выданных гарантий генерирует инвестиционный портфель, имеющий в своем составе как минимум 76 проектов. При этом большая часть гарантийного фонда останется нетронутой, а та часть, которая пойдет на покрытие убытков банков, выдавших кредиты «обанкротившимся» проектам, будет с лихвой компенсирована за счет налоговых поступлений от успешно реализованных проектов в будущие периоды.

Суммы 114 и 1,5 млрд руб. в примере выбраны нами не случайно. Общий объем инвестиций в экономику северо-восточных районов Башкортостана, заложенный в государственной программе развития этих районов на период 2011–2015 гг., составляет 114,5 млрд руб., при этом 81,3 млрд руб. – это средства федерального, регионального и местных бюджетов. Если бы фонд правительственных гарантий в примере составлял 81 млрд руб., то портфель правительственных гарантий генерировал бы как минимум 54 инвестиционных проекта с лимитом в 1,5 млрд руб. Число в 1,5 млрд руб. – это та сумма инвестиционных затрат, которая, по нашим расчетам, необходима для создания одного горнолыжного центра в районе санатория Янган-тау. Если учесть, что для оживления экономики северо-восточных районов потребуется не 54, а в несколько раз меньше спортивно-оздоровительных туристических центров, то остальные средства фонда могли бы быть использованы для выдачи правительственных гарантий во много раз большему количеству инвестиционных проектов малого бизнеса.

Реальное количество выданных гарантий, а значит, и реализованных инвестиционных проектов, может быть гораздо больше вследствие «работы» мультипликатора инвестиций.

Очевидно, что без энергичного вмешательства государства в лице республиканского правительства невозможно обеспечить социально-экономическое развитие северо-восточных районов Башкортостана. Создание в этих районах спортивно-оздоровительных туристических центров круглогодичной эксплуатации в качестве точек экономического роста сформирует в этих районах платежеспособный спрос на продукцию предприятий общественного питания, торговли и сферы услуг.

Этот спрос повлечет за собой спрос на инвестиционный капитал со стороны малого бизнеса для создания таких предприятий в этих районах. Но при существующей системе финансирования малый бизнес фактически остается отрезанным от капитала.

Предлагаемая схема финансирования малого и среднего бизнеса на основе правительственных гарантий обеспечит малому и среднему бизнесу доступ к капиталу, благодаря чему сохранятся старые и будут создаваться новые рабочие места. Обеспечение доступа к капиталу для малого бизнеса – вот что является ключевым моментом в решении проблемы обеспечения необходимых темпов экономического роста в этих районах, да и в республике в целом.

В заключение хотелось бы отметить, что предлагаемая в данной статье принципиально новая для России схема финансирования малого и среднего бизнеса в мире давно и с успехом применяется. В подтверждение приведем выдержки из интервью Руководителя Управления по делам малого предпринимательства США Карен Г.Милз журналу «Опора-Кредит». «Сила американской экономики заключена в малом бизнесе. Поэтому именно поддержка малого предпринимательства позволяет нашей стране постепенно восстанавливаться после ужасного кризиса (2008 г. – *И.Б.*), по своим масштабам не уступающего Великой депрессии». <...>Малые компании составляют основу американской экономики. Более 65 % новых рабочих мест в частном секторе создаются малыми компаниями. Более 50 % работающего населения США являются владельцами или сотрудниками малых предприятий» [3].

В 2009 г. в США принимается закон о восстановлении экономики и реинвестициях (American Recovery and Reinvestment Act (ARRA)), который помог вновь заработать системе кредитования Управления по делам малого предпринимательства США. «Гарантии по кредитам малому бизнесу выросли до 90 %. Правительство выдало нам \$411 млн для приведения закона ARRA в действие, что позволило нам обеспечить выдачу гарантий по кредитам на общую сумму \$19 млрд. Главное, что малый бизнес получил доступ к капиталу, что люди смогли остаться на своих рабочих местах, более того были созданы новые рабочие места. Предельная гарантия для малого бизнеса увеличилась с \$2 до \$5 млн», – рассказывает Карен Г.Милз [3].

Как видно из высказываний Карен Г.Милз, выделение Правительством США Управлению по делам малого бизнеса \$411 млн для создания гарантийного фонда позволило Управлению обеспечить выдачу гарантий по кредитам на общую сумму \$19 млрд.

Без аналогичного закона в России все действия по поддержке малого и среднего бизнеса со стороны как федерального, так и регионального правительства попадают в «слабую» позицию, поскольку практически не имеют легитимной основы. Необходимость принятия подобного закона, который бы регулировал вопросы государственно-частного партнерства в России, давно назрела.

Литература

1. Белолипцев И. Прогнозирование глобальных экономических кризисов на основе смены технологических укладов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2012. – № 3.
2. Белолипцев И. Концепция социально-экономического развития северо-востока Башкортостана // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2013. – № 3.
3. Господдержка малого бизнеса в США лицом к лицу. – Opora-credit.ru/history/detail
4. Декларация Саммита G-20 по финансовым рынкам и мировой экономике. Вашингтон, 14–15 ноября 2008 г.
5. Обращение Владимира Путина по случаю начала председательства России в «Группе двадцати». – <http://www.kremlin.ru/transcripts/17001>.
6. Официальный сайт Администрации малого бизнеса США. – <http://www.sba.gov/aboutsba/index.html>

Типология регионов по уровню научно-технического потенциала: европейский опыт в контексте проблемы устойчивого развития

А.ЗОЛОТУХИНА

В современной экономике эффективное управление научно-техническим потенциалом обеспечивает внедрение в общественную практику хозяйствования не только новых знаний, техники, технологических основ, но и принципов устойчивого развития. При этом с учетом характерных для современного мирового и национального хозяйства тенденций регионализации наиболее значимым объектом исследования становится научно-технический потенциал (НТПл) отдельных регионов страны.

Дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического и научно-технического развития обуславливает необходимость такой их типологизации, которая позволила бы выявить место каждого из них в межрегиональной системе координат в соответствии с показателями интенсивности развития науки, техники, технологий и вклада последних в обеспечение устойчивого развития региона (УРР).

На основе различных методологических подходов к определению понятия «научно-технический потенциал» можно предложить его обобщенную трактовку как совокупности условий, факторов и ресурсов научно-технической деятельности, обуславливающих в комплексе достижение определенных результатов социально-экономического развития, удовлетворение общественных и индивидуальных потребностей на основе генерации новых научно-технических знаний и идей, их распространения, сохранения и использования в целях разработки и внедрения новшеств в различных сферах жизнедеятельности. При этом под потенциалом понимается единство имеющихся способностей и ресурсов, совокупность которых обуславливает возможность получения желаемого результата, в частности, УРР в долгосрочной перспективе.

Устойчивое развитие региона мы понимаем как целенаправленный процесс непрерывного совершенствования структурно-функциональных характеристик региональной социально-экономической системы в целях обеспечения постоянного повышения уровня жизни населения, конкурентоспособности, баланса интересов между поколениями и расширенного воспроизводства в координатах инновационной экономики.

При таком подходе наиболее значимыми признаками УРР будут выступать следующие: экономический рост – повышение степени удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей; пропорциональность развития региональной экономики, эффективность отраслевой структуры (преобладание сферы услуг при низком удельном весе добывающих отраслей; сбалансированность отдельных сфер социально-экономического развития); высокий уровень жизни населения; солидарность, партнерство и сотрудничество всех субъектов регионального хозяйствования; способность автономно (относительно обособленно) и стабильно функционировать, развиваться в желаемом направлении; способность функционировать в условиях неопределенности рыночной среды, преодолевая возможные неблагоприятные воздействия и адаптируясь к изменяющимся условиям (на основе эффективного регионального управления); коэволюция – развитие на основе природоохранных форм организации хозяйственной деятельности; эффективность и рациональность использования всех видов региональных ресурсов.

Основания типологизации регионов. Целью типологизации регионов является описание всего их разнообразия с помощью некоторого набора типов, к каждому из которых применима общая политика [5]. Типы регионов могут быть выделены на

Золотухина Анна Витальевна, канд. филос. наук, докторант кафедры инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: annu@ufanet.ru

основе одного или нескольких существенных параметров. В данном исследовании такими параметрами стали уровень НТПл региона и степень устойчивости регионального социально-экономического развития, которые были положены в основу расчета соответствующих частных и интегральных индикаторов ($I_{НТПл}$ и $I_{УРР}$).

При этом при расчете частных индикаторов УРР использовались систематизированные соответствующим образом статистические данные, позволяющие охарактеризовать выделенные выше признаки устойчивого развития. Интегральный показатель $I_{УРР}$ предлагается вычислять посредством аддитивной свертки частных показателей [3]. Подобным образом на основе принятой в России системы показателей статистики науки были рассчитаны частные и интегральный индикаторы научно-технического потенциала для различных регионов России [2].

При разработке типологии значительную сложность представляет отнесение исследуемых объектов к тому или иному типу [5]. Для этого обычно применяется соответствующая шкала. В рамках данного исследования разработана вербально-числовая шкала (табл. 1) в координатах «норма – не норма» [1].

Таблица 1

Шкала значений интегральных показателей научно-технического потенциала и устойчивого развития для субъектов РФ в 2000–2010 гг.

Вербальная характеристика значения показателя	Группа регионов	Интервал значений	
		показателя НТПл	показателя УРР
Очень высокое	1	$0,43 \leq I_{НТПл} < 1,00$	$0,54 \leq I_{УРР} < 1,00$
Высокое	2	$0,37 \leq I_{НТПл} < 0,43$	$0,50 \leq I_{УРР} < 0,54$
Значительно выше среднего	3	$0,31 \leq I_{НТПл} < 0,37$	$0,46 \leq I_{УРР} < 0,50$
Незначительно выше среднего	4	$0,25 \leq I_{НТПл} < 0,31$	$0,42 \leq I_{УРР} < 0,46$
Среднее	5	$0,19 \leq I_{НТПл} < 0,25$	$0,38 \leq I_{УРР} < 0,42$
Ниже среднего	6	$0,13 \leq I_{НТПл} < 0,19$	$0,34 \leq I_{УРР} < 0,38$
Низкое	7	$0,07 \leq I_{НТПл} < 0,13$	$0,30 \leq I_{УРР} < 0,34$
Очень низкое	8	$0 \leq I_{НТПл} < 0,07$	$0 \leq I_{УРР} < 0,30$

Использование данной шкалы послужило основой типологизации регионов, причем оба интегральных показателя ($I_{НТПл}$ и $I_{УРР}$) в среднем по всем рассмотренным субъектам РФ не достигают того значения, которое может быть охарактеризовано как «норма».

Современная типология регионов и государственная научно-техническая политика: опыт Евросоюза. Государственная научно-техническая политика в современных условиях определяет будущее региона, его место в национальном и мировом хозяйстве, возможность создания благоприятных условий для жизнедеятельности человека и общества [6]. В рамках данного исследования *государственная научно-техническая политика региона* рассматривается как курс органов управления данного региона на разработку и внедрение результатов НИОКР в региональную практику хозяйствования с целью обеспечения его устойчивого социально-экономического развития.

При исследовании современных региональных особенностей государственной научно-технической политики мы опирались на *типологию регионов Европейского союза* (как целостного образования, состав стран которого в определенной степени напоминает состав регионов России). Так, в Обобщенном отчете ЕС [7] для целей региональной научно-технической политики выделены семь групп регионов:

1. *Столичные регионы с преобладающим развитием сферы наукоемких услуг* – это 23 региона, расположенные в густо населенных городских районах Западной Европы (Брюссель, Берлин, Париж, Вена, Хельсинки, Стокгольм, Лондон и др.). Они характеризуются высокой активностью в области разработки и внедрения новых знаний, идей, технологий. Основные направления ГНТП: использование и развитие возможностей для бизнеса (в том числе в высокотехнологичном секторе) в сотрудничестве с соседними регионами, в развитии которых столичные мегаполисы играют ключевую роль.

2. *Регионы с высокой концентрацией научно-технического потенциала* – это 76 регионов (часто они расположены вокруг столичных мегаполисов) в основном во Франции, Великобритании, странах Бенилюкса и Северной Испании. В них наиболее развиты государственный и академический секторы науки, что обуславливает выбор соответствующих направлений ГНТП: развитие государственно-частного партнерства и государственной поддержки инновационной активности в частном (предпринимательском) секторе.

3. *Регионы-общественные центры знаний*. К данному типу относятся 16 регионов, большая часть которых располагается в Восточной Германии и в городских районах Восточной Европы. Здесь сконцентрированы университеты и другие высшие учебные заведения, а также государственные научные центры и лаборатории. Основными направлениями ГНТП для этих регионов являются создание благоприятных условий для ведения бизнеса в научно-технической сфере и развитие научно-инновационной инфраструктуры.

4. *Индустриальные регионы, или регионы-«производственные площадки»*. В число регионов данной группы входят 44 региона в Восточной Европе, для которых характерно преобладающее развитие традиционных отраслей промышленности, а также сельского хозяйства и туризма. Однако в таких регионах может быть обеспечен рост патентной активности и занятости в секторе высокотехнологичного производства на основе миграции в эти регионы кадров с высшим и послевузовским образованием из западных регионов Европы, в связи с чем необходима реализация таких мер ГНТП, как «улучшение рамочных условий для НИОКР»: формирование и расширение «посреднической» системы (центров трансфера технологий и др.), совершенствование условий жизни и труда – создание привлекательных рабочих мест.

5. *Высокотехнологичные регионы*, к которым относятся 17 регионов Германии, Финляндии, Швеции и Нидерландов. В данных регионах наблюдается наиболее высокая активность в научно-технической сфере: здесь преобладает частный сектор в сфере высоких технологий, очень высока патентная активность. Однако, учитывая сильную зависимость интенсивности научных исследований и разработок от децентрализованных финансовых ресурсов, в качестве важнейших мер ГНТП выступают финансовые: развитие механизмов совместного финансирования науки (в частности, прикладных НИР), создание условий для формирования венчурного капитала и др.

6. *Регионы, ориентированные на внедрение технологий*. В их число входят 38 регионов в Германии, Северной Италии и Австрии. Для этих регионов также характерно преобладание НИОКР в частном (корпоративном) секторе, однако патентная активность в них ниже, чем в высокотехнологичных регионах, хотя она достаточно высока по сравнению с регионами других типов. Особенность научно-технического развития этих регионов заключается в заимствовании научно-технического потенциала, однако этому нередко препятствует недостаток финансовых ресурсов и слабость межсекторального сотрудничества. Основные направления ГНТП должны быть ориентированы на развитие государственного сектора науки (в том числе при совместном финансировании науки), а также проведение научных исследований в частном секторе при поддержке государства.

7. *Традиционные регионы* – это 39 регионов, расположенных в странах Южной Европы (Португалия, Италия, Греция, Испания). Они характеризуются низким уровнем научно-технического потенциала ввиду преимущественного развития сфер сельского хозяйства и туризма. Для этих регионов в качестве первоочередного направления ГНТП должно выступать улучшение координации государственной научно-технической политики на всех уровнях управления (общеевропейском, национальном, местном) с ориентацией на формирование условий для проведения НИОКР.

Таким образом, как отмечается в отчете ЕС, *разнообразии регионов Евросоюза требует проведения дифференцированной политики* в отношении каждого типа региона с целью максимального использования регионального научно-технического потенциала.

Типология регионов России: рекомендации по осуществлению ГНТП в целях обеспечения устойчивого развития. Общую цель государственной региональной научно-технической политики Российской Федерации в контексте данного исследования можно определить как эффективное управление региональным научно-техническим потенциалом с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов. При этом способы достижения данной цели в разных субъектах РФ будут различными.

Как было показано на примере регионов стран Евросоюза, в отдельных регионах той или иной страны государственная научно-техническая политика существенно отличается по своему содержанию. В целях разработки рекомендаций по реализации ГНТП на субфедеральном уровне в России на основе проведенных расчетов интегральных индикаторов научно-технического потенциала и устойчивого развития регионов (для 79 субъектов РФ за период с 2000 по 2010 г.) была разработана авторская типология регионов России (табл. 2).

Анализ представленных данных (табл. 2) позволяет говорить о том, что государственная научно-техническая политика в отношении регионов России может проводиться в рамках одного из трех типов:

– политика сохранения и развития имеющегося в регионе НТПл с его переориентацией на цели устойчивого развития (для регионов с высоким уровнем научно-технического и социально-экономического развития);

– политика повышения эффективности использования НТПл в целях устойчивого развития (для регионов со средним уровнем научно-технического и социально-экономического развития);

– политика формирования НТПл для его последующей реализации в целях устойчивого развития (для регионов с низким уровнем научно-технического и социально-экономического развития).

Таким образом, предложенная типология регионов России предполагает их взаимоувязанную характеристику по уровню научно-технического потенциала и степени устойчивости социально-экономического развития и обеспечивает формирование необходимой теоретико-методологической базы для разработки и реализации соответствующих направлений государственной научно-технической политики, требующей адекватной дифференциации на субфедеральном уровне. Эффективность ГНТП, в свою очередь, является тем фундаментом, на котором, с нашей точки зрения, должно быть построено «здание» устойчивого развития регионов страны – такого развития, которое не только обеспечивало бы высокий уровень жизни населения и конкурентоспособность региона в национальной и мировой экономике, но и учитывало бы интересы всех субъектов регионального взаимодействия в условиях становления экономики знаний и формирования нового технологического уклада.

Литература

1. Адлер Ю.П., Маркова Е.В., Грановский Ю.В. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. – М.: Наука, 1976. – 280 с.
2. Золотухина А.В., Франц М.В. Оценочно-прогнозная модель научно-технического потенциала региона // Экономика региона. – 2012. – № 1. – С. 211–220.
3. Золотухина А.В., Франц М.В. Разработка методики индикативной оценки устойчивого развития региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2011. – № 6. – С. 26–33.
4. Клапцов В.М. Итоги саммита «РИО+20». – <http://www.riss.ru/index.php/analitika/1131-itogi-sammita-laquo-rio-20-raquo#.UjhV59Lwl8E>
5. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 232 с.
6. Научно-технический потенциал России и его использование / Под общ. ред. В.И.Кушлина, А.Н.Фоломьева. – М.: Прогресс – ЕС-TACIS, 2001. – http://www.rtt.ru/_files/fileslibrary/79.PDF
7. Wintjes R., Hollanders H. The Regional Impact of Technological Change in 2020: Synthesis Report, 2010. – http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/2010_technological_change.pdf

Совершенствование институционального потенциала монопрофильной территории (на примере Свердловской области)

С.ПЬЯНКОВА

Монопрофильные территории на протяжении многих десятилетий являются основой региональной экономики. На их долю приходится порядка 40 % суммарного ВРП регионов Российской Федерации [5]. Примерно такая же ситуация наблюдается и в Свердловской области. По итогам 2012 г., по данным статистики, доля оборота крупных и средних организаций по монопрофильным городам Свердловской области, входящим в список Министерства регионального развития РФ, составила по видам экономической деятельности «обрабатывающие производства» – 40,1 %, «оптовая и розничная торговля» – 18,3 %.

С 2012 г. в соответствии с письмом Минрегионразвития РФ от 13 апреля 2012 г. № 8687-УЛ13 проводится ежеквартальный мониторинг социально-экономического развития монопрофильных территорий всех субъектов РФ с использованием государственной автоматизированной системы «Управление». Мониторинг включает демографические, экономические, социальные показатели отчетности.

Ведение мониторинга показателей моногородов в постоянном режиме позволяет выявить проблемы, консолидировать текущие итоги развития городов, сформировать аналитическую базу для разработки стратегических планов и программ развития территорий [4].

Анализ рынка труда в моногородах Свердловской области позволяет акцентировать внимание на следующих негативных моментах. По состоянию на 1 апреля 2013 г. в монопрофильных городах Свердловской области средний коэффициент напряженности на рынке труда в 3 раза превышает среднеобластной уровень, а уровень регистрируемой безработицы значительно выше среднеобластного уровня (табл. 1). При этом средний коэффициент напряженности на рынке труда в монопрофильных городах области с начала 2013 г. снизился на 1,8 ед., а уровень регистрируемой безработицы увеличился на 0,12 п.п.

В целях улучшения социально-экономической ситуации в моногородах необходимо комплексно рассматривать возможности развития их институционального потенциала:

- модернизация и реконструкция действующих и создание новых производств, кластерное развитие территории, рассмотрение агломерационных возможностей;
- развитие миграции трудовых ресурсов между монопрофильными территориями;
- финансирование мероприятий/проектов посредством действующих институтов развития, создание новых государственных и муниципальных институтов развития.

Сценарии развития моногородов представлены в трудах многих исследователей и ученых. Так, В.Бочко, Э.Пешина, П.Анимца выделили наиболее типичные сценарии развития моногородов.

1. *Сценарий переустройства*, обновления городского развития: градообразующее предприятие нуждается в перепланировке, кардинальных изменениях, целенаправленных и планируемых сокращениях объектов производства в связи с закрытием одного из своих подразделений или направлений деятельности, а также вследствие открытия перспективных производств.

2. *Сценарий диверсифицированного развития моногорода*: город имеет возможность развиваться не только на основе одного градообразующего предприятия, но и изыскивать дополнительные возможности (точки роста) для создания новых рабочих мест.

3. *Сценарий свертывания* (угасания) развития моногорода представляет собой предельный случай стратегии развития, когда градообразующее предприятие не может продолжать ведение бизнеса, а другие местные ресурсы исчерпаны или недостаточны для поддержания соответствующего городского развития [2].

Пьянкова Светлана Григорьевна, канд. экон. наук, соискатель ученой степени доктора экономических наук Института экономики УрО РАН (г.Екатеринбург)

Таблица 1

Ситуация на рынке труда монопрофильных территорий Свердловской области
(по состоянию на 1 апреля 2013 г.)

Свердловская область	Численность населения города, тыс. чел.	Численность экономически активного населения города, тыс. чел.	Численность занятого населения города, тыс. чел.	Численность граждан, состоящих на регистрационном учете в органах службы занятости города, человек	Количество вакансий, созданных в организациях службы занятости города, ед.	Коэффициент напряженности на рынке труда города, ед. (на 01.01.2013)	Коэффициент напряженности на рынке труда города, ед. (на 01.04.2013)	Уровень регистрируемой безработицы в городе, % (на 01.01.2013)	Уровень регистрируемой безработицы в городе, % (на 01.04.2013)
Итого по области	4307,6	2292,8	2131,9	32077	46894	1,0	0,9	1,29	1,40
Итого по моногородам	1087,6	600,9	502,8	8887	10013	4,6	2,8	1,94	2,06
Доля в районе, долях от общей численности по области, %	25,2	26,2	23,6	27,7	21,4				
Абсолютный									
городской округ	70,5	37,6	21,3	418	946	0,8	0,8	1,06	1,11
Верхнеисландский	48,8	30,9	25,5	245	1291	0,5	0,4	0,71	0,79
городской округ	175,0	93,7	91,6	1723	1905	1,0	1,0	1,70	1,84
Уральский	31,3	17,1	12,4	484	89	5,3	5,9	2,35	2,83
Карпинск	10,1	5,8	4,3	168	16	18,9	12,0	3,19	2,90
Вознесенский	43,3	26,1	23,6	550	303	3,2	1,8	2,22	2,11
городской округ	13,4	7,6	3,9	215	50	7,4	4,0	2,32	2,83
городской округ	64,8	38	29,6	937	587	1,9	1,8	1,98	2,47
Красноуральск	25,1	13,7	11,7	335	140	4,3	2,4	2,30	2,45
городской округ	9,4	5,2	5,2	117	37	5,8	3,3	2,47	2,25
Верхняя Тура	10,4	4,5	4,6	124	93	3,9	1,4	2,74	2,76
Нижнеисландское поселение	362,5	200,0	187,0	1313	3169	0,7	0,5	0,65	0,66
город	71,1	33,7	18,1	233	623	0,8	0,6	0,70	0,69
Полевской	43,9	25,5	19,0	852	206	4,7	4,4	3,15	3,34
Свердловский	108,0	61,5	45,0	1173	558	10,2	2,1	1,52	1,91
городской округ									

О.Рой называет следующие формы развития узкоспециализированных территорий: диверсификация производства градообразующих отраслей, реконструкция предприятий [7].

А.Татаркин выделяет следующие основные направления развития городов: диверсификация промышленного комплекса сырьевой специализации; поддержка создания межотраслевых и межсубъектных промышленных комплексов; содействие развитию технической и технологической интеграции, ориентированной на углубленную переработку добываемого сырья и дальнейшее повышение уровня загрузки производственных мощностей [6].

В.Берсенева, З.Биктимирова, С.Бурков полагают, что в стратегиях развития городов основными являются следующие задачи: повышение общего уровня экономической активности; улучшение функционирования предприятий; укрепление и диверсификация общей структуры экономики; устранение слабых мест в отдельных секторах; улучшение социальных и культурных услуг; повышение способности адаптироваться к переменам в экономике [8].

В стратегических документах Свердловской области заложены вышеуказанные направления развития городов.

Таблица 2

Перечень инвестиционных проектов, реализуемых/планируемых к реализации корпорациями и холдингами Свердловской области

Корпорация/ предприятие	Наименование проекта	Объем инвести- ций, млрд руб.	Количество новых рабочих мест	Сроки реализации	Место реализации
ОК «РУСАЛ», ОАО «СУБР»	Строительство шахты «Черемухово-Глубокая»	2,8	–	2010–2015	г.Североуральск
ОК «РУСАЛ», ОАО «Богословский алюминиевый завод»	Модернизация производства ОАО «Богословский алюминиевый завод»	0,75	150	2014–2015	г.Красноуральск
ОК «РУСАЛ», ОАО «Богословский алюминиевый завод»	Создание индустриального парка «Богословский» на промышленной площадке БА3-2	7,5	850	2013–2015	г.Красноуральск
ТМК, ОАО «Северский трубный завод»	Модернизация производства на ОАО «Северский трубный завод»	17,6	475	2007–2014	г.Полевской
ТМК, ОАО «Синарский трубный завод»	Создание трубного кластера на ОАО «Синарский трубный завод»	8,5	33	2010–2016	г. Каменск-Уральский
ОАО «УГМК», ОАО «Святогор»	Ввод в эксплуатацию Шемурского и Тарньерского месторождений медно- цинковых руд	1,1	28	2011–2013	г.Красноуральск (место реализации – г.Ивдель)
ОАО «УГМК», ОАО «Серовский металлургический завод им. Серова»	Модернизация и реконструкция производства	6,8	500	2010–2015	г.Серов
ОАО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК»	Разработка Собственно- Качканарского месторождения	9,0	224	2013–2018	г.Качканар
ОАО «ЕВРАЗ НТМК»	Строительство установки вдувания ПУТ	5,17	176	2010–2013	г.Нижний Тагил
ТМК, ОАО «Синарский трубный завод»	Создание индустриального парка «Синарский»	8,0	6000	2012–2016	г.Каменск-Уральский
ОАО «Особая экономическая зона «Титановая долина»	Создание объектов инфраструктуры «Особой экономической зоны «Титановая долина»	84,34	4876	2011–2015	г.Верхняя Салда
Итого по моногородам		151,56	13312		
Итого по крупным корпорациям и холдингам Свердловской области		не менее 472,47	15897		

В частности, в соответствии с прогнозными документами Министерства экономики Свердловской области при реализации планов городов по реконструкции, модернизации и диверсификации экономики в структуре ВРП Свердловской области доля промышленности к 2015 г. уменьшится с 38,8 до 38,3 %, доля торговли увеличится с 20 до 20,8 %, доля транспорта и связи увеличится с 9,5 до 10,3 %, доля строительства увеличится с 4,9 до 5,1 %.

Изменение структуры экономики Свердловской области станет результатом реализации стратегических инвестиционных планов, направленных на решение социальных проблем территорий, повышение их экономической безопасности. Так, крупными корпорациями и холдингами Свердловской области реализуются в настоящее время, а также планируются к реализации ряд инвестиционных проектов (табл. 2).

Таким образом, в моногородах будет введено 84 % новых рабочих мест от общего запланированного числа новых рабочих мест, введенных благодаря реализации в инвестиционных проектах крупными корпорациями и холдингами Свердловской области, также в моногородах будет привлечено 32 % объема инвестиций (табл. 2).

В целях повышения диверсификации экономики реализуются (планируются к реализации) инвестиционные проекты предприятий, не входящих в промышленные корпорации и холдинги (табл. 3).

Таким образом, в моногородах будет введено 10,2 % новых рабочих мест от общего запланированного числа новых рабочих мест в инвестиционных проектах предприятий, не входящих в крупные корпорации и холдинги Свердловской области, а также будет привлечено 30,5 % объема инвестиций (табл. 3).

На сегодняшний день в российских городах реализуются государственные меры финансовой поддержки малого и среднего бизнеса, что позволяет более быстрыми темпами проводить диверсификацию экономики моногородов. В частности, через институты развития оказывается следующая поддержка:

- предоставляются льготные инвестиционные кредиты;
- начинающим субъектам малого предпринимательства предоставляются гранты на создание и ведение собственного дела;
- реализуются программы обучения начинающих предпринимателей по развитию предпринимательской грамотности и предпринимательских компетенций (проведение тренингов «Начни свое дело»).

В целях реализации мероприятий по поддержке малого и среднего предпринимательства в Свердловской области в 2010–2011 гг. из средств областного бюджета монопрофильным муниципальным образованиям выделено более 405 млн руб. В 2012 г. реализация программ по развитию малого и среднего предпринимательства в моногородах была продолжена. На указанные цели было выделено более 96 млн руб. из бюджетов разных уровней. Получателями поддержки в монопрофильных муниципальных образованиях (гг. Нижний Тагил, Асбест, Каменск-Уральский) в 2010 г. стали 5199 субъектов малого и среднего предпринимательства, в 2011 г. – 2320, в 2012 г. – более 500 субъектов малого и среднего предпринимательства, что позволило только в 2012 г. сохранить более 700 рабочих мест.

Интересным представляется опыт по институциональному развитию городов в зарубежных странах. Например, Министерство жилищного и коммунального строительства *Франции* разработало программу «Содействие жилищному строительству», согласно которой за счет средств, выделяемых государством, осуществляется строительство новых и реконструкция старых жилых домов, расположенных в центральных районах городов. Подобная поддержка помогает, во-первых, привлечь более качественную рабочую силу, а во-вторых, при закрытии предприятия сотрудники за счет развитой транспортной инфраструктуры имеют возможность работать в близлежащем городе [3].

Таблица 3

**Перечень инвестиционных проектов, реализуемых/планируемых
к реализации предприятиями, не входящими в крупные корпорации
и холдинги Свердловской области**

Инициатор проекта	Наименование проекта	Объем инвестиций, млн руб.	Количество созданных новых рабочих мест	Сроки реализации	Место реализации
ОАО «Ураласбест»	Строительство 2-й очереди завода по производству теплоизоляционных материалов «Эковер»	2000,0	300	2014–2015	Асбестовский городской округ
ООО «Уральская лесопромышленная компания»	Завод профильных деталей для строительства с циклом лесопиления и лесозаготовки	396,4	178	2012–2016	Асбестовский городской округ
ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод»	Строительство линии по производству широкоформатного алюминия	23000,0	0	2011–2016	г.Каменск-Уральский
ОАО «Уралхимпласт»	Развитие химварки «Тагил»: модернизация действующего производства, создание новых производств, строительство завода по производству метанола	1400,0	400	2010–2015	г.Нижний Тагил
ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод»	Техническое перевооружение на базе прогрессивного европейского оборудования	2061,5	38	2008–2013	г.Нижний Тагил
ООО «Выйский ДОК»	Создание деревообрабатывающего предприятия	789,7	600	2008–2014	г.Нижний Тагил
ОАО «Уралхимпласт»	Создание индустриального парка «Химический парк «Тагил»	2 017,0	240	2010–2013	г.Нижний Тагил
ООО «НПО» Аргиллит»	Строительство цементного завода	1500,0	710	2013–2016	Волчанский городской округ
ООО «Сетьстрой-конструкция»	Строительство цеха горячего цинкования	700,0	70	2012–2014	городской округ Красноуральск
ООО «Эколес»	Модернизация и расширение производства, в том числе строительство лесоперерабатывающего производства в п.Баранчинский (г.Кушва)	4006,0	300	2012–2015	городской округ Красноуральск
Новое строительство в Североуральске	Строительство базы отдыха в районе горы Кумба	500,0	1400	2013–2016	Североуральский городской округ (п. Баяновка)
ОАО «Серовский механический завод»	Создание современного участка кузнечно-прессового оборудования для объемной штамповки заготовок	312,1	8	2013–2014	г.Серов
ОАО «Серовский механический завод»	Создание новых перспективных производств	1222,0	200	2015–2019	г.Серов
ООО «Уральский завод горячего цинкования»	Строительство цеха горячего цинкования металлоконструкций	40,0	135	2013	Полевской городской округ
ООО «Симек групп» ООО «УМЗ» г.Екатеринбург	Переработка цинкосодержащей пыли предприятий черной металлургии с получением железного концентрата и цинковых полупродуктов	320,0	120	2010–2015	городской округ Ревда
Итого по предприятиям моногородов		39042,7	4699		
Итого по предприятиям Свердловской области		не менее 128088,2	46172		

В 1990-х гг. в *Великобритании* была разработана правительственная программа обновления 57 городов, рассчитанная на совместные действия правительства, местных органов власти и частного сектора. Ее цель – оказание финансовой помощи в развитии и восстановлении городов и рекультивации земель, поврежденных в результате промышленной деятельности. Кроме того, была разработана программа под названием «Субсидии на городское развитие».

Существенным механизмом поддержки монопрофильных городов также является законодательная поддержка городской политики государством, например, осуществляемая странами Европейского Союза (ЕС) в рамках своей компетенции. В частности, с целью решения существующих проблем в ЕС был разработан ряд

документов, направленных на совершенствование городской политики. Среди них прежде всего выделим следующие:

– «О городской политике стран-членов Европейского Союза» (1997 г.), в котором изложены основы формирования городской политики ЕС, раскрыто ее влияние на города;

– «Устойчивое развитие городов Европейского Союза: руководство к действию» (1998 г.), в котором обозначена необходимость проведения прямой городской политики, а также установлены ключевые принципы и направления городской политики: subsidiarity, предполагающая принятие решений на самом нижнем из возможных уровней; партнерство, подразумевающее широкое вовлечение граждан, частного и государственного секторов в решение городских проблем; экологическая устойчивость; рыночная эффективность, предполагающая опору на рыночные механизмы;

– Стамбульская декларация и Повестка Хабитат (1996 г.), в которых утверждены механизмы и план действий по поддержке локальных муниципальных образований [10].

Данный опыт институционального строительства, безусловно, должен быть исследован и частично использован в российской практике с учетом макро- и микроусловий развития российских монопрофильных территорий.

С нашей точки зрения, в целях совершенствования институционального потенциала, повышения устойчивости монопрофильных территорий в настоящее время на государственном уровне актуальна разработка комплекса мер, направленных на поддержку и развитие территорий, таких как: создание муниципальных институтов развития; картография свободных инвестиционных площадок моногородов; стимулирование предприятий, оказывающих софинансирование инвестиционных проектов; предоставление грантов наиболее инвестиционно-привлекательным моногородам; расширение инструментов государственной поддержки через действующие институты развития; разработка региональной политики по развитию монопрофильных городов.

Литература

1. Инвестиционное посредничество. По данным исследования экономфака УрГУ // Эксперт Урал. Региональный деловой журнал. – 2008. – № 1.
2. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г.Анимица (рук-ль авт. кол.), В.С.Бочко, Э.В.Пешина, П.Е.Анимица; под науч. ред. А.И.Татаркина, М.В. Федорова; Урал. гос. экон. ун-т, Ин-т экономики УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010.
3. Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития / В.Я.Любовный, О.С.Пчелинцев, Л.Я.Герцберг и др. – М., 1998. – 95 с.
4. Могут ли исчезнуть моногорода? Интервью с заместителем министра регионального развития РФ Ю.Осинцевым. – <http://www.echo.msk.ru>
5. Моногорода. Выбор отраслей для диверсификации. Аналитические доклады ЦРЭИ / С.Кадочников, П.Воробьев, Е.Артемова и др. – Екатеринбург, 2009.
6. Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели / под общ. ред. А.И.Татаркина. В 2 т. Т. II. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005.
7. Рой О.М. Проблемы и перспективы модернизации российских моногородов. – wp-content/uploads/2012/03/рой.doc.
8. Социально-экономические системы: генезис и проблемы развития / В.Л.Берсенев, З.З.Биктимирова, С.М.Бурков и др.; под общ. ред. А.И.Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003.
9. Century Technologies: Promises and Perils of a Dynamic Future. OECD Publications, Paris, France, 1998. – <http://www.oecd.org/dataoecd/41/16/35391210.pdf>.
10. Report of the Selection Meeting for the European Capitals of Culture. 2010. – http://ec.europa.eu/culture/pdf/doc674_en.pdf.

Эффективное управление инвестиционными процессами инновационной экономики: тенденции, предпосылки, концепция

Л.ВАЛИНУРОВА

Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется распространением новых форм интеграции хозяйствующих субъектов и формированием корпоративных структур, ориентированных на техническое переоснащение и рост производства. Интенсификация инновационных процессов во всех секторах экономики определяет необходимость инвестиционного обеспечения устойчивых хозяйственных связей между странами и регионами.

Всестороннее исследование многообразных проблем инновационного развития имеет большое теоретико-методологическое и практическое значение для правильного понимания процессов, происходящих как в целом в современном мире, так и в отдельных его частях и регионах, для осмысления тенденций общемирового развития. «Переливающиеся» из страны в страну потоки товаров, услуг, капиталов и людей, глобальные системы коммуникаций и информации, деятельность транснациональных компаний (ТНК), международных экономических и финансовых организаций формируют глобальную экономическую систему, в которую в той или иной степени вплетаются все без исключения национальные экономики.

Тенденции и предпосылки управления инвестиционными процессами.

На основе опыта последних десятилетий можно выделить следующие особенности методов привлечения инвестиций, характерные для различных групп стран.

Во-первых, промышленно развитые страны предпочитают финансовые стимулы налоговым. Это объясняется тем, что финансовое стимулирование позволяет правительству сконцентрировать усилия на достижении конкретных целей, например, на привлечении иностранных инвесторов в отдельные отрасли или в «депрессивные» регионы, переживающие экономические трудности. Развивающиеся страны, напротив, предпочитают налоговые меры, что обусловлено недостатком у них необходимых финансовых ресурсов.

Во-вторых, наметилась устойчивая тенденция к более широкому использованию нефинансовых мер, таких как упрощение административных процедур, создание свободных экономических зон и др.

В последние годы процесс международного движения долгосрочных капиталов постоянно ускоряется, вовлекая в свою орбиту практически все страны мира, которые выступают в качестве экспортеров или импортеров капитала либо тех и других одновременно.

Несмотря на общий положительный результат интеграции стран и регионов, следует отметить усиление дифференциации по уровню социально-экономического развития интегрирующихся сторон: так, инвестиционные ресурсы, движение которых определяется ожидаемой экономической выгодой инвестора, направляются в наиболее развитые секторы, тем самым усугубляя экономическую нестабильность внутри создающегося партнерства. Следствием таких процессов является неэффективное, гипертрофированное развитие инвестиционного процесса в интеграционных системах, поскольку даже при наличии распределительного центра большая часть ресурсов направляется в успешно развивающиеся сегменты. Дисбаланс в развитии инвестиционных процессов становится причиной экономического кризиса не только внутри интеграционной системы, но и в целом

Валинурова Лилия Сабиговна, д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: uiid@mail.ru

в мировом хозяйстве: углубление диспропорций в социально-экономическом развитии определяет и несоответствие общественных потребностей одних сегментов интеграции производственным возможностям других сегментов, возникают очаги напряженности, снятие которых чревато «взрывом» мировой системы. Именно поэтому в условиях инновационной экономики и активного развития интеграции особое значение приобретает эффективное управление инвестиционными процессами, которое включает комплекс мероприятий, ориентирующий все виды деятельности на достижение максимального роста социально-экономической системы и образующий следующий цикл действий:

- 1) анализ текущего состояния инвестиционного процесса, включающий анализ инвестиционной привлекательности, инвестиционной активности, а также анализ удовлетворения потребности социально-экономической системы в инвестициях;
- 2) определение необходимого объема инвестиций и показателя инвестиционной привлекательности, которому соответствует этот объем;
- 3) выбор, разработка и реализация мероприятий, позволяющих достичь необходимого состояния инвестиционной привлекательности социально-экономической системы;
- 4) изменение притока инвестиций в социально-экономическую систему, обусловленное изменением инвестиционной привлекательности;
- 5) изменение параметров социально-экономического развития стран и регионов, прежде всего – темпов экономического роста, за счет инвестирования.

Цикл управления инвестиционным процессом в условиях инновационной экономики может быть представлен следующим образом (рис.1).

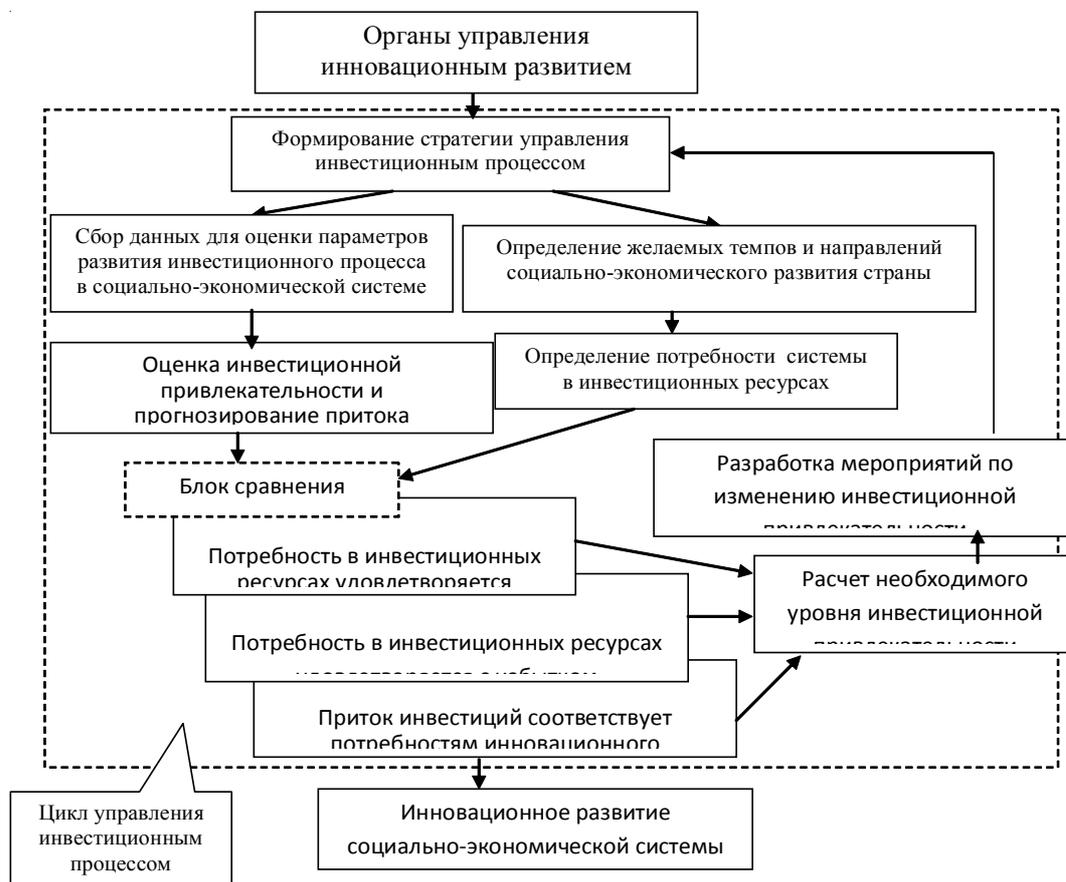

Рис. 1. Алгоритм осуществления цикла управления инвестиционным процессом в условиях инновационной экономики

Постоянная реализация цикла позволяет совершенствовать систему управления инвестиционным процессом и обуславливает повышение эффективности инновационного развития социально-экономических систем.

Все более активное участие России в процессах международного движения капиталов, в первую очередь – в качестве импортера капитала, является не только одним из основных каналов включения страны в систему мирохозяйственных связей, но и важным фактором и катализатором процесса инновационного развития, а также средством подъема и структурных преобразований российской экономики. Именно поэтому Россия нуждается в продуманной стратегии привлечения иностранных инвестиций, которая включала бы, помимо прочих мер, и меры по созданию благоприятного инвестиционного климата и предоставлению налоговых льгот.

Концепция эффективного управления инвестиционным процессом в инновационной экономике. Усложнение производства, обострение конкуренции, общая нестабильность экономической ситуации вызывают необходимость более детального изучения инвестиционного процесса и активизации его роли в рыночных отношениях. При этом особенно важно учесть тесную связь концепции эффективного управления инвестиционным процессом со стратегией развития мировой экономики, чтобы обеспечить высокое качество разработки и реализации государственных программ как инновационно-инвестиционного, так и общеэкономического характера.

Исходя из вышесказанного, основные задачи эффективного управления инвестиционным процессом в условиях инновационной экономики могут быть сформулированы следующим образом:

- выделение и комплексный анализ элементов инвестиционного процесса, позволяющий выявить особенности развития инвестиционного процесса в сегментах инновационной экономики;
- разработка обоснованных мероприятий, способствующих достижению наибольшей эффективности функционирования инвестиционного процесса в инновационной экономике.

Адекватность и эффективность решения поставленных задач зависят от реализации систематизированных положений предлагаемой экономической концепции. Основное положение концепции управления инвестиционным процессом заключается *в приоритетной роли органов управления страновым и региональным развитием в области регулирования тенденций развития инвестиционного процесса.*

При этом построение модели управления инвестиционным процессом должно быть ориентировано на удовлетворение потребностей субъектов инновационной экономики и способствовать увеличению прибыли инвестора, его вовлеченности в управленческий процесс и т. д. Необходимо воплощенное в инновационной политике рациональное сочетание интересов инвестора и социально-экономической системы, представленной органами управления. Такая установка дает возможность по-новому взглянуть на протекание инвестиционного процесса, переформулировать цели и задачи управления им, установить новые структурные взаимосвязи.

Сравнительный анализ развития инвестиционного процесса в различных странах и регионах способствовал логическому выделению следующего концептуального положения: *структура и характер взаимосвязей между элементами инвестиционного процесса не зависят от уровня социально-экономического развития страны*, то есть можно использовать единую методологическую базу для исследования инвестиционного процесса в любом секторе мирового хозяйства.

В ходе исследования инвестиционного процесса с позиций эволюционистской теории определена общая тенденция развития инвестиционного процесса, выделены факторы, определяющие параметры его состояния вне зависимости от условий хозяйствования. На этой основе сформулировано третье концептуальное положение:

структура инвестиционного процесса не зависит от типа социально-экономического развития страны, и инвестиционный процесс, выступая как система, является основой для обеспечения экономического роста в стране. Такой подход расширяет возможности применения предлагаемой концепции в теоретических и практических разработках.

Как свидетельствуют результаты исследований инвестиционного процесса, ключевой элемент в формировании притока/оттока капиталобразующих инвестиций – инвестиционная привлекательность стран и регионов – определяет решение инвестора о вложении средств. Поэтому управлять инвестиционным процессом целесообразно путем регулирования инвестиционной привлекательности стран и регионов. Такая постановка вопроса требует разработки методики оценки инвестиционной привлекательности и выявления факторов, на которые необходимо воздействовать для получения желаемого результата функционирования инвестиционного процесса. Оценка инвестиционной привлекательности предполагает учет эффективности вложений и связанного с ними риска.

Развитие инвестиционного процесса происходит по спирали и состоит из «замкнутых» цепочек: от субъекта управления к субъекту управления, но при изменении условий и параметров протекания инвестиционного процесса. Это положение можно представить в следующем виде (см. рис. 2).

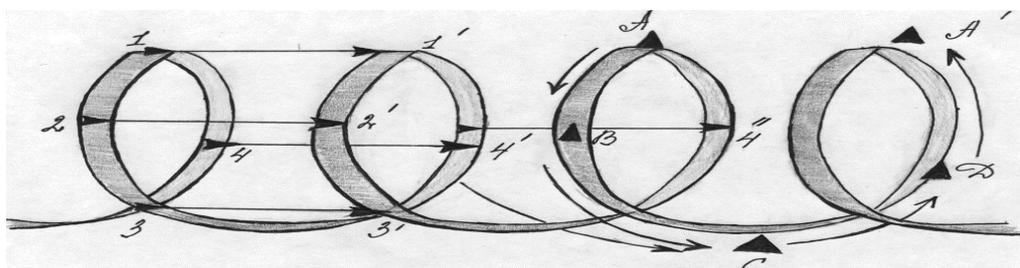

Рис. 2. Реализация принципа эффективного управления инвестиционным процессом (цифрами обозначено направление развития инвестиционного процесса, буквами – звено в спирали развития: А – субъект управления; В – инвестиционная привлекательность страны; С – инвестор; Д – поток инвестиций; А' – субъект управления при изменении состояния и факторов развития инвестиционного процесса. Стрелками обозначены: АВ – изменение инвестиционной привлекательности в результате действий субъекта управления; ВС – состояние инвестиционной привлекательности страны в совокупности с инвестиционной активностью (стрелка от предыдущего звена) формируют основу для принятия решения инвестором; СД – осуществление инвестором своего решения, выражающееся в потоке инвестиций; ДА' – сбор информации о поступивших инвестициях в социально-экономическую систему, сравнение их с необходимым объемом и разработка соответствующих управленческих решений)

Подход к инвестиционному процессу как к процессу, развивающемуся по непрерывно разворачивающейся спирали, позволяет установить общие тенденции его развития, определить характер будущих изменений и совершенствовать систему управления им.

Управление любым процессом должно основываться на объективной оценке состояния его протекания. Основные задачи оценки инвестиционной привлекательности и управления ею заключаются в следующем:

- определение уровня инновационного развития социально-экономической системы;
- определение влияния инвестиционной привлекательности на приток инвестиций и уровень инновационного и социально-экономического развития;
- разработка мероприятий по регулированию инвестиционной привлекательности социально-экономической системы;
- мониторинг инвестиционной привлекательности.

Как показывают результаты проведенного исследования, инвестиционную привлекательность можно оценить лишь на основе системы показателей, так как регионы и страны являются многоцелевыми, относительно обособленными социально-экономическими системами.

Представляется, что использование предлагаемой концепции эффективного управления инвестиционными процессами в условиях инновационной экономики может обеспечить устранение диспропорций в развитии социально-экономических систем (стран, регионов, отраслей, предприятий) за счет регулирования инвестиционной привлекательности сегментов интеграции, целевое движение инвестиционных ресурсов в системе мирового хозяйства с ориентацией на экономический рост всех субъектов взаимодействия. В конечном итоге это будет способствовать активизации и ускорению процессов интеграции социально-экономических систем в единое мировое хозяйство.

Литература

1. Валинурова Л.С. Управление инвестиционным процессом в экономических системах. – М.: Изд-во «Палеотип», 2002. – 324 с.
2. Валинурова Л.С. Оценка условий и возможностей инновационного развития регионов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2005. – № 3.
3. Валинурова Л.С. Основные подходы к формированию инвестиционной стратегии региона и возможности их совершенствования // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2008. – № 1. – С. 45–53.
4. Валинурова Л.С., Казакова О.Б. Формирование механизма управления региональным развитием в инновационной экономике. – М.: Изд-во «Палеотип», 2009. – 176 с.
5. Валинурова Л.С. Принципы и закономерности развития инновационных процессов в регионе // Инновации и инвестиции. – 2010. – № 3. – С. 12–17.
6. Валинурова Л.С., Ахмадеев А.М. Механизмы инновационного развития предприятий и возможности их практического использования // Инновации и инвестиции. – 2011. – № 1. – С. 170–175.
7. Валинурова Л.С. Инновационное развитие регионов: методологические основы и перспективные направления. – М.: Изд-во «Палеотип», 2011. – 200 с.

О роли инноваций в создании новых рабочих мест

А.ШАТОВ, Е.САФАРГАЛЕЕВА

Один из важнейших вопросов взаимодействия государства и бизнеса – сохранение существующих и создание новых рабочих мест. Президент РФ В.Путин поставил перед правительством цель – создать в России 25 млн новых высокопроизводительных рабочих мест. Правительство Республики Башкортостан планирует к 2025 г. освоить 260 млрд руб. инвестиций и создать более 9 тыс. новых рабочих мест. Проблема создания новых рабочих мест приобретает общемировое значение. Не случайно данный вопрос был включен в повестку дня саммита 20 ведущих мировых держав в г.Санкт-Петербурге в 2013 г.

Шатов Александр Алексеевич, д-р техн. наук, профессор, консультант службы инноваций и технологического развития ОАО «Башкирская содовая компания». E-mail: shatov@soda.ru
Сафаргалева Елена Александровна, заместитель директора по управлению персоналом и общим вопросам ОАО «Башкирская содовая компания»

Уровень безработицы в России составляет около 6–7 %, в ряде развитых стран он выше, например, в Испании уровень безработицы достигает 25 %. С одной стороны, хорошо иметь невысокий уровень безработицы, но важно, чтобы на этом фоне не возникло других проблем (низкий уровень заработной платы, значительная разница в доходах высокооплачиваемых и низкооплачиваемых категорий трудящихся, высокий уровень бедности в стране). Кроме того, на современном этапе формируется неблагоприятная структура занятости, большинство представителей молодежи предпочитают работать в сфере услуг и торговли, поскольку собственники промышленных предприятий сдерживают рост заработной платы. Например, на химических предприятиях Стерлитамака заработная плата не является престижной для трудоустройства на работу молодежи. В связи с этим возникают проблемы с трудоустройством не только молодых людей, но и лиц старших возрастов. Многие предпочитают получать пособие по безработице, чем такие же деньги получать за работу. В то же время на рынке труда, особенно в сфере малого предпринимательства, наблюдается расширение неформальных отношений. Несмотря на низкую ставку подоходного налога – 13 %, многие предприниматели продолжают выплачивать заработную плату в «конвертах», оформлять сотрудников на работу без соблюдения норм Трудового кодекса РФ. Проведенный нами опрос работающих студентов-заочников Стерлитамакского филиала БашГУ показал, что более 90 % опрошенных зарплату получают с нарушением ТК РФ. Многие понимают, что так не должно быть, но вынуждены мириться с этим ввиду отсутствия цивилизованного рынка труда. К указанным проблемам можно добавить отсутствие заинтересованности работодателей в обучении и переобучении на производстве.

В настоящее время становится очевидно, что необходимо восстанавливать практически с нуля всю систему профессионально-технического образования в стране. Безусловно, нужно осуществлять подготовку высококвалифицированных мастеров, вернуть интерес к получению технических специальностей. Чем заинтересовать, вопрос сложный, но решаемый. Без решения данного вопроса у нас не будет квалифицированных кадров рабочих и инженеров, способных поднять промышленность страны на новый уровень. Приходится вспоминать советские годы, когда за каждым предприятием было закреплено профессионально-техническое училище, где готовили кадры для нужд предприятия. Сейчас эта система разрушена. Наличие этих и других проблем позволяет сделать вывод: *темпы создания новых рабочих мест остаются невысокими*. Они были невысокими и в так называемые «нулевые» годы, годы экономического роста, но еще более снизились в период кризиса 2008–2009 гг. Это свидетельствует о том, что экономика России реструктуризируется и модернизируется крайне медленно. Это и есть ключевая проблема. Экономическим базисом, создающим новые рабочие места, должен быть человеческий капитал творчески активного населения и эффективный бизнес. Тогда отношение к бизнесменам будет как к благодетелям, обеспечивающим занятость населения и наполнение госбюджета.

Почему предприятия не создают новые рабочие места? Для начала необходимо ответить на вопрос: каким образом можно создавать новые рабочие места? Во-первых, новые рабочие места создаются на новых предприятиях, которые только выходят на рынок с новой продукцией и в дальнейшем, расширяясь, создают новые производства и набирают сотрудников на работу. Во-вторых, это рабочие места, которые создаются на уже существующих предприятиях, развивающих действующие производства, осваивающих выпуск новых видов товаров и услуг и в этой связи осуществляющих набор квалифицированных работников для новых производств. И в том, и в другом случае новые рабочие места появляются как следствие инвестиций в развитие. Но инвестиции возможны тогда, когда есть благоприятные условия для развития и инвестор с оптимизмом и уверенностью смотрит в будущее. Таким образом осуществляется «движение» рабочих мест. Новые работники приходят на смену старым и приносят с собой более современные технологии, которые ведут к росту производительности труда, формируют новые навыки и квалификации. Это важнейший

процесс развития общества. Если инвестиционный климат в стране плохой, то ждать инвестиций от бизнесменов не приходится, спрос на трудовые ресурсы также будет низким и потребность предприятий в создании новых престижных рабочих мест будет ничтожно мала, что мы и наблюдаем в последние годы.

Выше мы отмечали роль зарплаты в обеспечении занятости населения. Отдельно остановимся на ее доле в себестоимости продукции. Доля заработной платы в себестоимости продукции в среднем по России составляет 20–25 %, в Европе – 50–60 %, в США – 75–80 %. Это свидетельствует, в частности, о том, что мы пытаемся создавать конкурентные товары за счет снижения заработной платы работников. Как можно преодолеть этот перекося? Ответ достаточно очевиден: необходимо создавать высокопроизводительные и высокотехнологичные рабочие места вместо примитивных, то есть речь идет о модернизации с одновременным повышением заработной платы и созданием новых дополнительных рабочих мест. Подчеркнем – *дополнительных* рабочих мест, иначе модернизация приведет к росту безработицы. При низких темпах создания новых рабочих мест и высоких темпах ликвидации старых общее число рабочих мест снижается и инвестиционный потенциал не используется полностью. В первое десятилетие XXI в. в России на предприятиях всех видов собственности работали свыше 52 млн чел., в настоящее время – лишь 46 млн чел. Превышение числа ликвидированных рабочих мест над созданными за 10 лет составляет 6 млн.

С нашей точки зрения, в российской статистике необходимо ввести показатели создания и ликвидации рабочих мест (в соответствии с международной методологией) в целях использования этих данных для более объективной оценки деятельности органов исполнительной власти на разных уровнях и самое главное – для оценки деятельности предприятий различных форм собственности. Оценивая успехи того или иного предприятия в модернизации производства, не стоит забывать, что за модернизацией у нас, к сожалению, нередко следует очередное сокращение рабочих и инженеров. Говоря о модернизации производства, необходимо думать и о том, сколько создано новых рабочих мест с достойной заработной платой. По словам руководителя Торгово-промышленной палаты Республики Башкортостан Ю.Пустовгарова, «в ближайшие годы бизнес будет ужиматься, а количество работников сокращаться хотя бы за счет модернизации производства. Поэтому главная задача сегодня – создание инфраструктуры для организации новых рабочих мест».

Какова роль инноваций в создании рабочих мест? Инновации, как известно, создаются научными подразделениями предприятий. Какой вклад они вносят в развитие производства на современном этапе? Для ответа на этот вопрос приведем слова генерального директора рейтингового агентства «Эксперт РА» Д.Гришанкова: «Суммарный объем затрат российского корпоративного сектора на НИОКР более чем в 2 раза уступает бюджету на исследования и разработки компании Volkswagen. Удельный вес затрат на НИОКР в выручке российских компаний в 46 раз ниже, чем у зарубежных конкурентов. При этом 80 % крупнейших компаний России не готовы подробно представить результаты своей инновационной деятельности. За рубежом, напротив, доля затрат корпораций на исследования и разработки в общенациональных затратах на НИР, по данным Росстата, составляет 65–70 %. Численность персонала, занятого в научно-исследовательских подразделениях корпораций, составляет более 60 % всего кадрового научного потенциала развитых стран. Корпоративный сектор является не только крупнейшим, но и наиболее привлекательным для научных работников. Так, в США занятые в корпоративном секторе ученые и инженеры зарабатывают в среднем на 57 % больше, чем их коллеги, работающие в университетах. Большинство крупных компаний проводят не только прикладные, но и фундаментальные исследования. В США частные инвестиции составляют больше 25 % общего объема затрат на фундаментальные исследования. В Японии затраты корпоративного сектора достигают почти 38 % совокупных расходов на фундаментальные исследования, а в Южной Корее – около 45 %. В России ситуация

обратная: за счет корпоративного сектора финансируется лишь 20 % затрат на НИОКР». О фундаментальных исследованиях говорить не приходится. Расходы крупных российских компаний на НИОКР значительно уступают крупным зарубежным корпорациям как по абсолютным, так и по относительным показателям. По словам Д.Гришанкова, «Россия представлена всего тремя участниками в рейтинге 1400 крупнейших по абсолютным затратам на НИОКР компаний мира, который ежегодно составляется Объединенным исследовательским центром ЕС. Это «Газпром» (83 позиция), «АвтоВАЗ» (620 позиция), «Лукойл» (632 позиция). Для сравнения: в рейтинге Fortune Global 500 компаний мира по объемам выручки российских компаний вдвое больше – шесть, а среди 1400 ведущих компаний мира по выручке представителей России несколько десятков». Значит, дело не в деньгах. Низкий уровень активности бизнеса в сфере финансирования НИОКР обусловлен рядом факторов. В их числе необходимо назвать слабое развитие в России системы государственно-частного партнерства в сфере реализации инновационных проектов бизнесом. Надо признать и то, что в российской экономике наблюдается неоправданно низкий спрос на инновации. Мы нигде не встретим анализа того, какую продукцию необходимо производить в нашей стране, какие товары народного потребления следует перестать ввозить из-за рубежа, какие новые производства необходимо вводить в строй. Мы имеем неэффективную структуру бизнеса: избыточный перекося в сторону закупки импортного оборудования и технологий в ущерб внедрению собственных разработок. Зачастую российская инновационная система носит имитационный характер, ориентирована на заимствование готовых технологий, а не на создание собственных инноваций. В качестве примера можно привести созданный в «Роснано» электронный учебник и дневник для школьников, которые, как оказалось, сделаны на основе китайских микросхем. В числе проблем отметим также организацию управления инновациями на уровне предприятия, низкую отдачу от реализации технологических инноваций и элементарное нежелание собственников предприятий заниматься вопросами инновационного развития.

Для наиболее полного понимания ситуации, связанной с инновациями в России, приведем следующую статистику. Так, в 2009 г. разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли лишь 9,4 % российских промышленных компаний. По регионам России ситуация выглядит следующим образом: в Республике Бурятия данный показатель составляет 11,0 %, Республике Башкортостан – 11,1 %, Самарской области – 12,1 %, г.Москве – 13,3 %, Республике Татарстан – 14,9 %, Магаданской области – 34,3 % (для сравнения: в Германии – 69,7 %, Ирландии – 56,7 %, Бельгии – 59,6 %, Эстонии – 55,1 %, Чехии – 36,6 %). По такому показателю, как способность компаний к заимствованию и адаптации технологий, рассчитанному Всемирным экономическим форумом, в 2009 г. Россия находилась на 41 месте из 133 стран (на уровне Кипра, Коста-Рики, ОАЭ). В чем причины такой ситуации? Может быть, все дело в организации работы? За инновации в российских компаниях отвечают: специальные подразделения НИОКР – 55 %; топ-менеджмент – 35 %; спецподразделения по сбору инновационных идей – 17 %; система материального мотивирования сотрудников – 7 %. Может быть, дело именно в этих 7 %? Нет мотивации. Или причина кроется в источниках финансирования инновационных проектов? Приведем данные статистики: собственные средства компаний – 87 %, государственные средства («Роснано» и др.) – 18 %, иностранные инвестиции – 10 %, венчурные фонды – 3 %, прочие – 4 %. Ответ очевиден: наблюдается низкая эффективность использования собственных средств и малый приток иностранных инвестиций. Не случайно в последнее время руководители регионов и федеральные органы власти все больше беспокоятся об увеличении их объема. При этом руководители предприятий не должны забывать о том, что решающим фактором в развитии конкурентоспособности предприятий является собственное инвестирование в инновации – от традиционных НИОКР до создания новых продуктов, рыночных и бизнес-процессов. Сокращение объема инвестиций в инновации в настоящее время

может отразиться на социально-экономическом развитии страны на долгие годы. Правительство России и регионов, предприятия должны вносить свой вклад в укрепление работы в сфере внедрения инноваций. К сожалению, приходится отмечать, что в 2011 г. проходило сокращение расходов на НИОКР в большинстве компаний.

Только ли в процессе научных изысканий рождаются инновации? Нет. Рассмотрим, например, одну из гениальных инноваций – сеть «Макдональдс». Идея фаст-фуда сама по себе не нова, однако в данном случае предложен принципиально новый вид сервиса, которому стали следовать многие предприниматели. В конечном итоге важно то, что введение разнообразных бизнес-инноваций способствует созданию новых рабочих мест. Например, в ряде районов и городов Башкортостана уровень безработицы по-прежнему остается очень высоким. Так, в г.Агидель на конец 2011 г. на одну вакансию претендовали 94 человека, коэффициент напряженности по сравнению с началом года увеличился в шесть раз. В подобной ситуации выход может заключаться именно в новых неожиданных бизнес-инновациях. Не случайно Президент Башкортостана Р.Хамитов решает с «Росатомом» вопрос о передаче в собственность республики объектов, которые остались от незаконченного строительства атомной электростанции в г.Агидель. На базе этих объектов планируется создание технопарка для внедрения инновационных решений. При этом следует отметить, что инновационные решения в Агидели не обязательно должны быть абсолютно новыми. Так, генеральный директор Fast Lane Ventures М.Трещева отмечает: «Считается, что главный и чуть ли не единственный залог успеха бизнес-проекта – это новизна, инновационность идеи. Если не будет предложен принципиально новый для рынка продукт (сервис, товар, технология и т. п.), начинание заведомо обречено на неудачу. Приговор «идея не нова» нередко сдерживает многие стартапы, на самом деле имеющие очень хорошие шансы состояться. Опыт показывает, что данное утверждение – это скорее стереотип, обусловленный непониманием значения слова “инновационность”, незнанием мировой истории предпринимательства. Этот стереотип сложился и на уровне страны в целом: степень инновационности обычно измеряется количеством наноизобретений или выданных патентов. Есть страны, в которых такие стереотипы не доминируют, например в Китае. Китайский бизнес и государство, его стимулирующее, придерживаются так называемой fast following strategy, смысл которой во внедрении на своей почве идей, придуманных и воплощенных другими. Результат грамотного ее применения – то самое “китайское экономическое чудо”, благодаря которому Китай уверенно вошел в число лидеров мировой экономики. Идея, составляющая основу нового бизнеса, сама по себе может быть не нова, и это, как это ни парадоксально, не лишает ее инновационности. Она может оказаться новой, например, именно для локального рынка. Совершить небольшую маркетинговую революцию, которая позволит перевести уже давно известный на рынке продукт в новый ценовой сегмент, – это тоже инновация». «Сколково», «Роснано» и другие российские крупные инновационные проекты в ситуации с г.Агидель не помогут, очевидно, следует идти по пути Китая.

Успех любого предприятия напрямую связан с продуманностью бизнеса – стратегией его развития, концепцией продукта, пониманием рынка этого продукта и т. д. Многие предприниматели полагают, что их продукт или услуга априори нужны всем, поэтому сразу найдутся покупатели этого продукта/услуги. Но это не так. Необходимо прежде всего решать проблему конкурентоспособности разрабатываемого продукта или услуги, учитывать существующий или потенциальный спрос. Рынок должен обеспечить рост компании в перспективе и возврат вложенных инвестором средств. Кроме того, важна научная команда, способная воплотить идею в жизнь, и предприниматели с бизнес-опытом. Только они могут совершить решительный поворот в модернизации страны и создании новых бизнес-процессов.

Безусловно, без инновационного развития страны дальнейшее развитие рынка труда невозможно. Госчиновники на всех уровнях власти должны быть озабочены не ростом числа инноваций и получением сверхприбыли, а думать о создании новых

рабочих мест и увеличении их числа. Бюджетное финансирование должно увеличиваться там, где создано больше рабочих мест. Преследуя цель создания значительного числа новых рабочих мест и объектов бизнеса, госчиновники при решении данной задачи, безусловно, должны в первую очередь уделять внимание инновационному бизнесу, поскольку именно в этой сфере интенсивнее всего происходит формирование новых рабочих мест. Надо не разрушать действующие производства, а укреплять и создавать новые. Надо уходить как можно скорее от мировой зависимости, необходимо возродить производство ранее выпускавшейся продукции, если еще не поздно. Например, руководство Казахстана осознало это раньше и уже создало около 700 новых предприятий в отличие от России, где данный показатель в несколько раз ниже. И федеральные, и республиканские органы власти должны поощрять те предприятия, университеты, муниципалитеты, города, районы и субъекты Федерации, где создано наибольшее число рабочих мест. «Считается, – отмечает видный экономист, эксперт Всемирной организации охраны интеллектуальной собственности Б.Леонтьев, – что одна инновация в малом бизнесе за первые три года как минимум удваивает число рабочих мест, а как максимум – увеличивает их число в 6 раз». Можно с этими цифрами соглашаться или не соглашаться, но очевидно, что без внедрения инноваций мы не только не сохраним рабочие места, но и потеряем старые.

Успехи имеют место там, где созданы наилучшие, комфортные и выгодные условия для самых умных, способных и талантливых работников. Только на этом будут базироваться отечественные инновации. В первую очередь, необходимо найти главного «конструктора» этой формирующейся национальной инновационной системы. Об этом, кстати, говорил Президент Башкортостана Р.Хамитов в октябре 2012 г. на заседании Общественного совета по улучшению инвестиционного климата: «Во многом у нас в этой сфере пока наблюдается любительщина, полутворческий процесс. Нам нужен профессионал, который бы активно работал над комплексным решением встающих проблем. Чиновники отточили «спихотехнику» – спихивают с себя все вопросы, никто ни за что не отвечает. Вот этот человек и будет координировать всю работу». Появился ли такой человек в Башкортостане, в России, на каждом предприятии? Мы много говорим, но почему-то забываем выполнять намеченное, в том числе в плане формирования национальной инновационной системы, одна из функций которой – создание новых высокотехнологичных рабочих мест.

Оценка форм налогового стимулирования инновационной деятельности в регионах Приволжского федерального округа

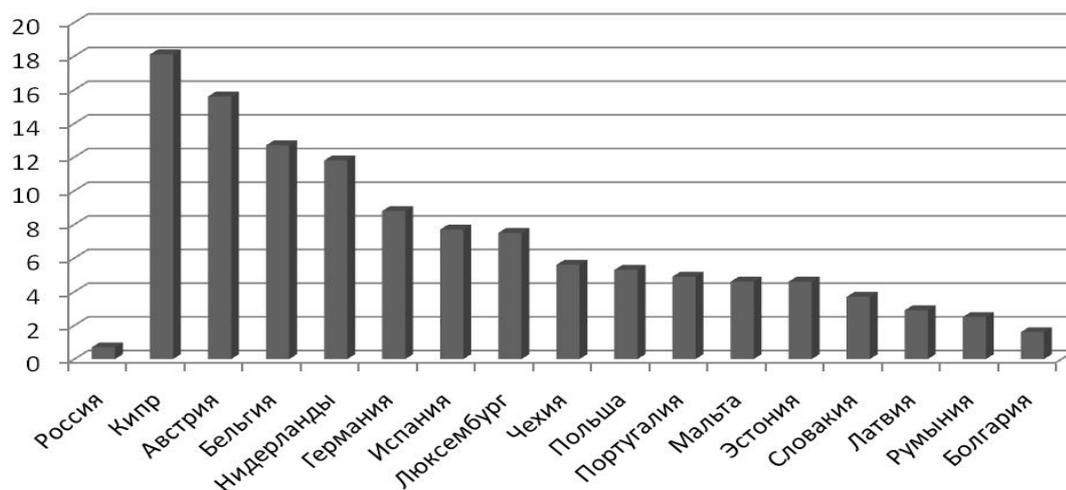
М.ТРОЯНСКАЯ

Стратегической целью для России на современном этапе развития экономических отношений является ее превращение в одну из ведущих мировых держав – лидеров по объему ВВП. Эта цель могла бы быть достигнута за счет приоритетного развития инновационного сектора экономики России. В этой связи со стороны государства понадобится соответствующая модификация экономико-правовых инструментов управления экономикой. В частности, налоговую политику и налоговое законодательство России целесообразно последовательно ориентировать на стимулирование инновационной деятельности, поскольку именно в сфере налоговых отношений имеется значительный потенциал стимулирующего воздействия.

Троянская Мария Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов Оренбургского государственного университета. E-mail: m_troyanskaya@mail.ru

Вопросы налогового стимулирования затронуты в работах многих зарубежных ученых: В.Зомбарта, Д.Кейнса, А.Лаффера, А.Маршала, У.Петти, Д.Рикардо, П.Самуэльсона, А.Смита, М.Фридмана и др. Проблемы налогового стимулирования занимались и отечественные экономисты: И.В.Горский, В.А.Кашин, И.Х.Озеров, Л.П.Павлова, В.Г.Пансков, В.М.Родионова, А.А.Соколов, В.Н.Твердохлебов, В.М.Федосов, Д.Г.Черник, И.И.Янжул и др. Внимание этих ученых было направлено не только на теоретические, но и на практические аспекты налогового стимулирования, позволяющие обозначить и решить ряд проблем в инновационной сфере. Однако в их трудах недостаточное внимание уделяется особенностям налогового стимулирования инновационной деятельности.

Мировой финансово-экономический кризис потребовал ускорения процесса перевода отечественной экономики на инновационный путь развития как безальтернативный вариант для России в третьем тысячелетии. Изменение ситуации требует принятия решений системного характера. Темпы развития научно-технического потенциала становятся определяющим фактором, обеспечивающим конкурентоспособность, безопасность и устойчивое развитие страны, а также критерием ее равноправной интеграции в мировую экономическую систему. Рейтинг России в мировых инновационных процессах на сегодняшний день, к сожалению, не соответствует интеллектуальному и образовательному потенциалу населения страны. Россия отстает в инновационном развитии не только от развитых, но и от многих развивающихся стран (см. рис.). Наиболее острой проблемой современного отечественного производства остается низкий уровень его технического вооружения, изношенность парка оборудования и, как следствие – низкая производительность экономики в целом.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций (2011 г.)

Как известно, одним из инструментов стимулирования развития инновационной деятельности являются налоги. Для любого вида налогов возможно применение индивидуального набора элементов налогообложения. Изменение последних, в частности, определение их конкретных значений, находится в ведении субъектов различных уровней власти и осуществляется в соответствии с нормами Конституции России и Налогового кодекса РФ, определяющими компетенции в установлении налоговых льгот и преференций. Как известно, основным уровнем правового

регулирующего является федеральный, который в той или иной мере определяет все элементы налогообложения и, как следствие, влияет на развитие инноваций. На уровне субъекта Российской Федерации налогово-правовое стимулирование может осуществляться по трем налогам: налогу на прибыль организаций, налогу на имущество организаций и транспортному налогу. По налогу на прибыль региональным органам предоставлено право снизить налоговую ставку в части, которая подлежит зачислению в бюджет субъекта РФ, в пределах, установленных Налоговым кодексом РФ. Что касается налога на имущество организаций и транспортного налога, то региональные органы власти могут регулировать ставку в пределах, закрепленных Налоговым кодексом РФ, порядок и сроки уплаты данных налогов; также они имеют право предусматривать налоговые льготы наряду с теми, которые установлены федеральным законодательством.

В настоящее время перечень налоговых льгот и преференций, предусмотренных для организаций, которые занимаются инновационной деятельностью, сравнительно невелик (инвестиционный налоговый кредит; освобождение от НДС при реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, прав на результаты интеллектуальной деятельности; освобождение от налога на прибыль средств целевого финансирования; единовременный учет расходов на приобретение электронно-вычислительной техники; ускоренный порядок амортизации основных средств, используемых в научно-технической деятельности; льготы при учете расходов на НИОКР). Но на законодательном уровне разрабатываются новые меры поддержки инноваций, поскольку в настоящее время стимулирование инновационной деятельности является одним из приоритетов государства.

Остановимся более подробно на анализе инновационной деятельности в регионах Приволжского федерального округа.

Таблица 1

Число организаций ПФО, выполняющих исследовательские разработки

Наименование показателя	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
<i>Приволжский федеральный округ</i>	<i>549</i>	<i>532</i>	<i>534</i>	<i>597</i>
Республика Башкортостан	63	60	60	70
Республика Марий Эл	9	8	8	8
Республика Мордовия	14	14	13	16
Республика Татарстан	80	80	86	106
Удмуртская Республика	23	23	22	30
Чувашская Республика	17	17	17	18
Пермский край	49	49	50	56
Кировская область	22	20	19	23
Нижегородская область	97	90	92	93
Оренбургская область	18	19	19	18
Пензенская область	23	23	23	26
Самарская область	59	57	53	62
Саратовская область	53	49	51	50
Ульяновская область	22	23	21	21

Как видно из таблицы 1, по числу организаций, осуществляющих исследовательские разработки, лидирует Нижегородская область, что связано с поддержкой в данном регионе инноваций за счет налоговых льгот, компенсацией части процентной ставки по кредитам, компенсацией 80 % затрат на производство инновационной продукции субъектам малого и среднего инновационного предпринимательства, предоставлением грантов начинающим инновационно ориентированным предпринимателям. По оценкам независимого агентства «Эксперт РА», Нижегородская область в 2011 г. заняла четвертое место в России по такому показателю, как инновационный потенциал.

Проанализируем налоговое законодательство регионов Приволжского федерального округа по следующим видам налогов: налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций в части предоставления пониженной ставки (табл. 2).

Таблица 2

Предоставление пониженной ставки по налогу на прибыль организаций и налогу на имущество организаций субъектами ПФО

Субъект ПФО	Налог на прибыль организаций		Налог на имущество организаций	
	Количество вариантов налоговых ставок, зачисляемых в бюджет субъекта РФ	Размер налоговых ставок, %	Количество вариантов налоговых ставок	Размер налоговых ставок, %
Республика Башкортостан	2	18; 13,5	1	2,2
Кировская область	2	18; 13,5	5	2,2; 1,1; 0,5; 0,4; 0
Республика Марий Эл	5	18; 17; 16; 15; 14	2	2,2; 1,1
Республика Мордовия	3	18; 15,5; 13,5	2	2,2; 0,5
Нижегородская область	2	18; 13,5	5	2,2; 1,1; 0,65; 0,55; 0
Оренбургская область	2	18; 14	2	2,2; 0,1
Пензенская область	2	18; 13,5	2	2,2; 0
Пермский край	2	18; 13,5	4	2,2; 1,1; 0,6; 0
Самарская область	6	18; 17; 16,5; 15,5; 14,5; 13,5 + для ОЭЗ (0; 3; 7; 10)	1	2,2 (но много освобождений)
Саратовская область	2	18; 13,5	2	2,2; 0,1
Республика Татарстан	2	18; 13,5	3	2,2; 1,1; 0,1
Удмуртская Республика	2	18; 13,5 + 10 для ГУП	2	2,2; 0,1
Ульяновская область	2	18; 13,5 + 0 для ОЭЗ	4	2,2; 1,1; 0,95; 0
Чувашская Республика	2	18; 14	3	2,2; 1,5; 1,1

Как видно из таблицы 2, регионы Приволжского федерального округа устанавливают льготу по налогу на прибыль организаций в части, зачисляемой в бюджет субъекта РФ, причем некоторые из них вводят несколько пониженных ставок. Субъекты ПФО осуществляют дифференциацию льготных ставок по налогу на прибыль организаций в зависимости от:

- доли прибыли благотворителей, которая облагается налогом и направлена на социальные цели региона (Самарская область);
- периода получения прибыли от осуществления инвестиционных проектов или от объема выручки от реализации инвестиционных проектов в общей выручке (Пензенская и Нижегородская области);
- величины инвестиций для компаний, которые осуществляют инвестиционную деятельность (Республика Марий Эл);
- принадлежности налогоплательщика к экономическому виду деятельности (республики Мордовия и Татарстан, Самарская и Кировская области и др.).

При этом необходимо отметить, что в каждом регионе по объективным причинам использование налоговых льгот в качестве инструмента экономической политики имеет свою специфику.

Не менее интересным представляется анализ региональных налоговых льгот по налогу на имущество организаций. Использование региональных налоговых льгот

по данному налогу очень распространено. Большинство регионов ПФО, как и в случае с налогом на прибыль, устанавливают не одну дифференцированную ставку по отношению к основной, а несколько. Наибольшее количество ставок по налогу предусмотрено законодательством Кировской области. Республика Башкортостан и Самарская область предполагают использование только основной ставки – 2,2 %. При этом ни в одном из регионов ПФО не установлена пониженная ставка по налогу на имущество организаций в качестве основной.

Проведенное исследование позволяет отметить, что процедура применения региональных льгот по налогам приобретает организованную и упорядоченную форму. Наблюдается смена приоритетов налоговой политики: увеличивается число субъектов, предоставляющих *инвестиционные налоговые льготы*.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что решение проблемы значительного повышения объема инвестиций в развитие экономики, в том числе в инновационную сферу, невозможно без расширения прав и усиления ответственности органов власти субъектов Федерации. Налоговым кодексом РФ установлено, что ставка налога на прибыль, подлежащего зачислению в региональные бюджеты, законами субъектов РФ может быть снижена для некоторых категорий налогоплательщиков на 4,5 % п. п., то есть с 18 до 13,5 %. Вместе с тем данное положение значительно сужает возможности регионов (при полном отсутствии таких возможностей у муниципалитетов) в части привлечения дополнительных вложений в их экономику путем формирования благоприятного налогового климата.

Таким образом, в Налоговый кодекс РФ целесообразно внести адекватные поправки, которые будут препятствовать применению налоговых льгот исключительно в интересах бизнеса, в частности:

– целесообразно закрепить за региональными и местными органами власти право снижать установленную Налоговым кодексом РФ ставку отчислений от налога на прибыль организаций в региональные и местные бюджеты, вплоть до полного освобождения от уплаты данного налога;

– следовало бы предусмотреть условие, согласно которому льгота по налогу на прибыль организаций (в форме снижения ставки по налогу в части, зачисляемой в региональный и местный бюджеты) может предоставляться органами власти регионов и муниципалитетов лишь тем налогоплательщикам, которые не только зарегистрированы и поставлены на налоговый учет на соответствующей территории, но и осуществляют на данной территории деятельность, связанную с материальным производством.

В то же время указанные меры не принесут положительного эффекта, если наряду с этим не будут внесены соответствующие поправки в закон о государственной регистрации и в Налоговый кодекс РФ в части постановки налогоплательщиков на налоговый учет, поскольку вопрос неурегулированности с постановкой на налоговый учет создает проблему с формированием доходной базы региональных и местных бюджетов. В России имеет место процесс «сманивания» компаний на налоговый учет в другие регионы за счет получения там дополнительных региональных налоговых льгот. Только при комплексном решении указанных проблем у законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ возникнет реальный интерес к применению налоговых инструментов с целью привлечения новых инвестиционных ресурсов в экономику конкретного региона, в том числе в проекты в инновационной сфере.

Литература

1. Мельникова Н.П. Возможности налоговой политики государства по стимулированию инновационного развития экономики // Финансы и кредит. – 2010. – № 43. – С. 48–52.
2. Троянская М.А. Налоговое регулирование как инструмент повышения инвестиционной активности в регионе // Налоги и финансовое право. – 2013. – № 3. – С. 151–155.
3. Тюпакова Н.Н. Налоговый механизм как фактор развития инновационной деятельности // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 14. – С. 31–40.

Современные аспекты управленческого учета затрат в нефтедобывающих компаниях

Т.ЛЕЙБЕРТ, Э.ХАЛИКОВА

Современные условия функционирования нефтедобывающих предприятий требуют развития системы управления затратами, основанной на прозрачности и оперативности формирования информации о затратах, связанных с производственным процессом. Важной задачей для нефтедобывающих предприятий является создание эффективной и обоснованной системы управления затратами в процессе добычи нефти и газа, которая должна строиться на базе управленческого учета.

Организационный аспект управленческого учета на нефтедобывающих предприятиях определяется с учетом технологических особенностей, которые, в свою очередь, влияют на состав и группировку затрат, методику учета затрат и формирование себестоимости готовой продукции.

К технологическим особенностям нефтедобывающих производств, которые определяют специфику организации управленческого учета, можно отнести следующие:

- основные технологические процессы осуществляются автоматически;
- основные производственные процессы (подъем жидкости, предварительный сбор жидкости, предварительная подготовка нефти, транспортировка жидкости, подготовка нефти, сдача и транспортировка нефти) реализуются последовательно;
- в процессе поиска месторождений, добычи, обработки и транспортировки нефти используются сложные технологические процедуры;
- эксплуатируется высокостоимостное буровое и нефтепромысловое оборудование;
- процесс осуществления природоохранных и экологических мероприятий является высокозатратным;
- осуществляется выпуск только готовой продукции, отсутствует незавершенное производство и выпуск полуфабрикатов;
- происходит получение одновременно двух продуктов: нефти и газа.

Непрерывность добычи нефти и газа, характерная для нефтедобывающего производства, позволяет вести учет незавершенного производства и все затраты списывать на себестоимость готовой продукции.

Анализ нормативного регулирования в сфере учета затрат на производство продукции и калькулирования ее себестоимости на нефтедобывающих предприятиях свидетельствует о том, что основные принципы учета затрат и калькулирования продукции, определенные отраслевыми документами, базируются на классификации затрат по месту возникновения, по видам продукции и по видам расходов. Информация о затратах должна последовательно формироваться сначала в организационном разрезе (цехов и основных структурных подразделений), затем в технологическом разрезе (переделов), в разрезе статей затрат и в разрезе конечной продукции.

Известно, что нефтедобывающее производство является комплексным производством, где в результате единого технологического процесса одновременно или через определенный промежуток времени получают несколько разных по физическим и химическим свойствам, агрегатному состоянию и различным по уровню потребительной стоимости продуктов. Эти продукты принято классифицировать на основные и побочные [8]. Так, в результате технологического процесса одновременно

Лейберт Татьяна Борисовна, д-р экон. наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: lejbert@mail.ru
Халикова Эльвира Анваровна, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» УГНТУ

получают такие валовые продукты, как нефть, газ попутный, газ природный. Кроме того, имеют место потери нефти и газа. Если эти продукты обладают ценностью и в дальнейшем могут быть подвергнуты переработке, то затраты распределяются в соответствии с формальными критериями, которые имеют производственно-технологическую природу или базируются на объемных показателях.

Выделенные технологические особенности добычи нефти и газа обуславливают необходимость создания системы аналитического учета себестоимости продукции на нефтедобывающих предприятиях. Данная система должна базироваться на попроцессном методе сбора и распределения затрат на добычу нефти и газа, а также других услуг и работ, связанных с производственным процессом. Кроме того, информация о затратах формируется по центрам формирования затрат – производственным (структурным) подразделениям.

В основе данного подхода лежит сбор информации о затратах по объектам в следующей последовательности: место возникновения затрат; работы; подпроцессы цехового уровня; подпроцессы производственного уровня; процессы; валовые продукты; товарные продукты.

Перечень выбранных объектов для аналитического учета затрат на основе процессного метода на примере одного из крупнейших нефтедобывающих предприятий России представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Перечень объектов аналитического учета
затрат процесса добычи нефти**

Наименование объекта аналитического учета	Состав объектов сбора и распределения затрат
Товарный продукт	Нефть высокосернистая
Процесс	Добыча нефти высокосернистой
Подпроцесс производственного уровня	Искусственное воздействие на пласт
	Извлечение жидкости
	Технологическая подготовка нефти
	Сбор, транспортировка и хранение нефти
	Содержание и эксплуатация оборудования
	Освоение природных ресурсов и подготовка производства
Подпроцесс цехового уровня	Извлечение жидкости
	Сбор и транспортировка жидкости
	Содержание и эксплуатация оборудования
	Операторское обслуживание
	Капитальный ремонт
	Предоставление имущества в аренду
	Утилизация отходов нефти
	Освоение природных ресурсов и подготовка производства
	Предварительная подготовка жидкости
Управление цехом	
Работы	Извлечение жидкости высокосернистой
	Сбор и транспортировка жидкости (нефть высокосернистая)
	Сбор и транспортировка попутного нефтяного газа
	Утилизация вредных отходов нефти
	Капитальный ремонт скважин
	Содержание и эксплуатация оборудования скважин
Место возникновения затрат	Трудовые ресурсы
	Группы основных средств
	Прочие ресурсы
	Капитальный ремонт скважин

Предлагаемая методика аналитического учета себестоимости продукции основного и вспомогательного производства на нефтедобывающем предприятии основана на следующих процедурах:

- 1) привязка первичных затрат к месту их возникновения;
- 2) порядок формирования и распределения затрат по объектам: порядок списания (распределения) затрат с мест возникновения затрат на работы; порядок списания (распределения) затрат с работ на подпроцессы цехового уровня; порядок списания (распределения) затрат с подпроцессов цехового уровня на подпроцессы производственного уровня; порядок списания (распределения) затрат с подпроцессов производственного уровня на процессы; порядок списания (распределения) затрат с процессов на товарные (валовые) продукты.

Все затраты на производство продукции (работ, услуг) процесса производственного уровня, отраженные в учетной системе на основании первичных учетных документов, имеют привязку к нижнему уровню сбора и распределения затрат (первичным местам возникновения затрат).

Как отмечает А.А.Ефремова, наличие большого числа мест возникновения затрат требует их систематизации. При этом следует принимать во внимание принадлежность отдельных видов затрат к определенному структурному подразделению или сфере деятельности [4]. В связи с этим необходимо группировать затраты в соответствии с этапами производственного цикла. Учитывая строго определенную последовательность осуществления процесса добычи нефти и газа, в качестве места возникновения затрат выступают не только структурные подразделения основного производства и вспомогательные цеха нефтедобывающего управления, но и виды ресурсов:

- 1) группа основных средств с единым функциональным назначением – для сбора затрат по начисленной амортизации основных средств;
- 2) трудовые ресурсы, объединенные общим функциональным назначением (бригада, отдел, группа и т.п.), – для сбора затрат по заработной плате и отчислениям в социальные фонды;
- 3) прочие ресурсы – для сбора затрат по материалам, услугам и прочим расходам, полученным от сторонних организаций и структурных подразделений нефтедобывающего предприятия.

Привязку первичных затрат к местам их возникновения, сбор информации о затратах по объектам и их распределение между центрами ответственности целесообразно осуществлять с использованием группы аналитических счетов 30–39, предусмотренной Планом счетов, утвержденным Приказом Минфина РФ от 31 октября 2000 г. № 94н [1].

В соответствии с указанным нормативным документом в рабочем плане счетов необходимо предусмотреть создание следующих аналитических счетов: 31 «Материальные затраты»; 32 «Затраты на оплату труда»; 33 «Отчисления на социальные нужды»; 34 «Амортизация»; 35 «Прочие затраты».

Так, построение аналитического счета затрат предполагает группировку данных о затратах с учетом последовательного сбора информации о процессах, осуществляемых на нефтедобывающих предприятиях (см. рис.).

Использование данной схемы позволяет организовать аналитический учет затрат не только по экономическим элементам по аналогии с выделением мест возникновения затрат: материальные затраты, амортизация оборудования, заработная плата и отчисления на социальное страхование, прочие расходы, но и по внутренним процессам и подпроцессам, работам, валовой и товарной продукции. Предлагаемая схема привязки первичных затрат к местам возникновения затрат представлена в таблице 2.

Схема построения аналитического счета затрат

Таблица 2

Предлагаемая схема привязки первичных затрат к местам возникновения затрат в основном производственном цехе (фрагмент)

Места возникновения затрат (МВЗ)		Перечень видов затрат	
цех	наименование МВЗ	код вида затрат	наименование вида затрат
Цех № 1	добывающие скважины нефти	34	амортизация скважин
		35	плата за землю
		35	налог на имущество отчетного периода
		35	добровольное страхование производственных основных средств
Цех № 1	бригада операторов по добыче	32	основная заработная плата
		32	премия за производственные результаты
		33	обязательное социальное страхование
		33	обязательное медицинское страхование
		35	отчисления на обязательное страхование от несчастных случаев
Цех № 1	прочие ресурсы по извлечению жидкости	31	услуга по контролю эксплуатации оборудования
		31	услуга по подъему нефтяной жидкости приводами
		31	услуга по сопровождению инженерно-технического и технологического обеспечения
Цех № 1	трубопроводы, групповые замерные установки, дожимные насосные станции по сбору и транспортировке жидкости	34	амортизация прочих основных средств
		35	плата за землю
		35	налог на имущество отчетного периода
		35	добровольное страхование производственных основных средств

Далее, после формирования затрат по местам их возникновения осуществляется их последовательное распределение по объектам учета (работам, подпроцессам, процессам цехового назначения, процессам производственного назначения, валовой продукции, товарной продукции) с указанием вида расходов и получателя расходов, то есть структурного подразделения, на которое происходит списание затрат. Данная процедура может соответствовать прямому отнесению затрат нижнего уровня объекта аналитического учета на вышестоящий уровень, а для отдельных видов ресурсов предполагается использование

базы распределения затрат. Так, затраты на оплату труда и отчисления на социальные нужды бригады операторов по добыче списываются на объект учета – работы производственного характера – пропорционально отработанному времени операторов. Такая последовательность процедур обеспечивает обоснованное отнесение затрат не на один конечный объект учета – товарный продукт (нефть или газ), а на несколько объектов, с учетом следующих моментов: большое число выполняемых подпроцессов добычи нефти и газа; одновременное получение нескольких валовых продуктов; использование широкой номенклатуры материальных ресурсов, выполняемых работ, связанных с производственным процессом; наличие большого количества задействованных структурных подразделений.

Таким образом, рассмотренный подход к управленческому учету затрат на нефтедобывающих предприятиях, основанный на процессном подходе к определению объектов аналитического учета, последовательном формировании затрат и их списании на объекты, позволяет обоснованно и достоверно определить один из наиболее важных экономических показателей деятельности предприятия – себестоимость продукции – и эффективно управлять расходами предприятия.

Литература

1. Приказ Минфина РФ от 31 октября 2000 г. № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и инструкции по его применению» (с изм. от 8 ноября 2010 г.).
2. Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости добычи нефти и газа (утв. Приказом Минтопэнерго от 1 ноября 1994 г.).
3. Букалов А.В., Чая В.Т. Особенности современного состояния управленческого учета затрат в нефтедобывающей отрасли // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – № 4. – С. 21–27.
4. Ефремова А.А. Себестоимость: от управленческого учета затрат до бухгалтерского учета расходов. – М.: Вершина, 2007. – 208 с.
5. Ивашкевич В.Б. Организация управленческого учета по центрам ответственности и местам формирования затрат // Бухгалтерский учет. – 2011. – № 5. – С. 30–37.
6. Лейберт Т.Б., Макаев Ш.И. Некоторые аспекты учета и анализа финансовых результатов // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – № 5. – С. 157–168.
7. Лейберт Т.Б., Халикова Э.А. Совершенствование методов распределения затрат в комплексных химических производствах // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 4. – С. 150–159.
8. Лейберт Т.Б., Халикова Э.А. Управление затратами как инструмент формирования инвестиционных потоков промышленного предприятия. – М.: Изд-во «Палеотип», 2008. – 168 с.

Современный взгляд на воспроизводство основного капитала

И.САХИБГАРЕЕВ

В условиях глобализации и перехода экономики на инновационный путь развития необходимость воспроизводства основного капитала в промышленности является одной из важных составляющих инвестиционно-инновационного процесса.

Сахибгареев Ильшат Рифгатович, аспирант кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: inek69@mail.ru

Предпосылками осуществления процесса воспроизводства основного капитала является отрицательная динамика таких показателей, как возраст, степень износа основного капитала, динамика и объем капиталовложений. По данным статистического исследования, проводимого НИИ ВШЭ, современное состояние основного капитала в большинстве отраслей промышленности характеризуется как неудовлетворительное. Так, средний возраст машин и оборудования в обрабатывающих производствах составляет более 13 лет, в производстве транспорта и металлургии – более 16 лет, в химической промышленности – 15 лет, в нефтегазовом комплексе – более 10 лет.

Наиболее острыми проблемами в промышленности на современном этапе являются технико-технологическое устаревание основных фондов и технологический регресс, нехватка высокопроизводительной техники и оборудования. Степень износа основных фондов по состоянию на 2012 г. по всем отраслям промышленности достигла 50 %.

Как отмечают исследователи, в сфере нефтедобычи основная часть технических средств имеет износ 50 %; только 14 % машин и оборудования соответствуют мировым стандартам; 70 % парка буровых установок морально устарело и требует замены. В трубопроводной транспортной системе степень износа большинства нефтепроводов, средний возраст которых свыше 20 лет, – более 70 %, свыше 30 лет – 41 % [1].

Учитывая ситуацию, складывающуюся в нефтедобывающих компаниях, для которых характерно еще и ухудшающееся состояние природно-ресурсной базы, условий нефтедобычи, направления инновационного развития отечественной промышленности данного сектора, по мнению Т.Б.Лейберт [5], могут быть представлены укрупненными блоками продуктовых, технологических, организационных, инфраструктурных и рыночных инноваций.

Воспроизводство основного капитала – это сложный, периодически повторяющийся процесс, обладающий внутренней структурой, элементы которой взаимодействуют друг с другом и с внешней и внутренней средой. Иными словами, воспроизводство основного капитала – это систематический процесс, обусловленный последовательной сменой стадий, на которых происходит непрерывный процесс роста и технического совершенствования средств труда.

По результатам анализа инновационной деятельности ведущих предприятий нефтегазовой и нефтехимической промышленности [2; 3; 6; 7] определены приоритетные направления инновационного развития, которые представлены в таблице.

Учитывая значительный износ средств труда в промышленности, реализация приоритетных направлений инновационного развития вызывает необходимость осуществления воспроизводства основного капитала на основе инновационных проектов. Особое значение при разработке условий воспроизводства основного капитала на основе инновационных проектов должно отводиться исследованию и учету неопределенности, альтернативности и многовариантности инноваций на всех стадиях реализации проекта.

Формирование воспроизводственной системы основного капитала основано на сочетании производительной и интеграционной функций основного капитала, образующих структурные уровни воспроизводства и отражающих закономерные связи элементов этой системы. Безусловно, коррелирование элементов воспроизводственной системы будет связано с преобразованиями, основанными на внутренних и внешних источниках роста.

Преобразования, в основе которых лежат *внутренние источники*, ориентированы на внутренние взаимодействия; при этом темпы прироста основного капитала снижаются без уменьшения объемов производства продукции и валового дохода. Закономерностью воспроизводства основного капитала в данном случае является изменение его функционально-видовой и отраслевой структуры, в том числе на основе инновационных решений, выступающих формой реализации научно-технического прогресса на микроуровне.

Приоритетные направления инновационного развития, реализуемые в форме инновационных проектов на ведущих предприятиях нефтегазовой и нефтехимической промышленности

Отрасль	Приоритетные направления инновационного развития, связанные с воспроизводством основного капитала
Нефтегазодобыча	Разработка технологий по производству сжиженного природного газа
	Создание новых систем разработок низкопроницаемых и сложнопостроенных пластов, технологии проектирования и строительства высокотехнологичных скважин
	Разработка технологий освоения карбонатно-глинисто-кремнистых толщ баженовской свиты
	Разработка технологии освоения месторождений высоковязких нефтей и природных битумов
	Разработка установки подготовки нефтяного газа на основе технологии мембранного разделения газов
Нефтегазодобыча	Разработка установки по подготовке нефтяного газа на основе технологии сверхзвуковой сепарации
	Разработка технологий использования на шельфовых месторождениях подводных комплексов добычи
	Разработка и строительство подводной лодки для обслуживания подводных комплексов
Нефте- и газопереработка	Разработка технологии газопереработки
	Разработка катализаторов для процессов гидроочистки дизельных топлив и риформинга бензинов
	Разработка новой технологии получения алкилатов на гетерогенном катализаторе для производственных и энергетически насыщенных компонентов бензинов
	Разработка катализатора и непрерывного процесса риформинга в движущемся слое
	Разработка технологий GTL
	Разработка технологий и катализаторов с целью получения исходных материалов для производства масел, растворителей и сложноэфирных добавок
	Реконструкция и строительство установок риформинга, изомеризации, алкилирования для производства высокооктановых компонентов бензина
	Реконструкция и строительство установок каталитического крекинга для производства высококачественных компонентов бензинов и увеличения глубины переработки нефти
	Реконструкция и строительство установок гидрокрекинга для производства высококачественных компонентов бензинов, дизельного и авиационного топлив, увеличения глубины переработки нефти
Транспортировка нефти и газа	Разработка технологий строительства и эксплуатации магистральных газопроводов высокого давления
	Разработка технологий транспортировки газа в сжиженном и многофазном состоянии
	Разработка высокотехнологичного комплекса высокоточных внутритрубных диагностических комплексов
	Разработка технологий и оборудования для объектов нефтепроводного транспорта в районах с аномальными геолого-климатическими условиями
Химия и нефтехимия	Разработка технологии вовлечения легких углеводородов в производство ароматических соединений и моторных топлив
	Строительство интегрированного комплекса по производству аммиака, метанола и гранулированного карбамида
	Разработка технологии по производству метилхлорсиланов
	Разработка технологии конверсии природных и попутных газов в синтез-газ, конверсии природного газа в химические продукты
	Разработка и освоение новых видов пластмассы, лакокрасочных материалов химических и нефтехимических материалов
	Разработка технологий производства эластомерных композитов
Разработка технологии по созданию новых продуктов на основе газовой серы	

Преобразования, в основе которых лежат *внешние источники*, ориентированы на обеспечение максимальной полезности всех факторов воспроизводственного процесса. Это связано с внесением извне определенной упорядоченности, в результате чего появляются новые характеристики основного капитала, способные играть роль интенсифицирующих факторов, носителей новшеств производственных процессов.

Переход между структурными уровнями воспроизводственной системы основного капитала связан с увеличением инновационных инвестиций в основной капитал предприятия, направленных на модернизацию производства, рост производительности труда, обновление производства и формирование новой модели экономического роста.

В инновационно ориентированной экономике реализация механизма структурных преобразований воспроизводства основного капитала предполагает прохождение определенных этапов, включающих как научные исследования, выполнение прикладных работ, формулирование проектного задания на обновление основного капитала с оформлением необходимой документации, так и производство продукции, соответствующей целям осуществления инновационных процессов. Определение технико-технологических, организационных и финансовых возможностей, оценка экономической обоснованности достижения инновационных целей в процессе воспроизводства основного капитала находят отражение в инновационном проекте.

В рамках современной концепции инновационного проекта последний рассматривается как единый комплекс, охватывающий все фазы жизненного цикла создания какого-либо объекта: от идеи до ее практического воплощения и в конечном итоге – до достижения поставленных целей. Как известно, разработка и реализация инновационного проекта предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: проведение сравнительного анализа представленных вариантов, оценка эффективности каждого из них и выбор наилучшего. Решение этих задач должно включать и экономическое обоснование реализации процессов воспроизводства основного капитала по структурным уровням. Экономическое обоснование должно учитывать особенности инновационного проекта, связанные с воспроизводством основного капитала.

Инновационные проекты воспроизводства основного капитала могут быть скорректированы на всех стадиях их реализации: вследствие модернизации отдельных видов основного капитала на стадии испытания и внедрения инновации по мере накопления опыта производства и наращивания объемов производства продукции; из-за внесения существенных изменений с элементами технического перевооружения в структуру основного капитала при реализации инноваций по мере интенсификации производственного процесса и перехода на производство новых видов продукции; вследствие реконструкции производства с элементами инновационного совершенствования технологических процессов и организационных структур по мере диверсификации производства.

Критериями целесообразности реализации инновационных проектов воспроизводства основного капитала являются принципиальная новизна, приоритетность инноваций, рыночная новизна и конкурентоспособность продукции, выпускаемой при внедрении новшества в различные виды основного капитала, наличие ресурсной и технико-технологической перспективы.

В заключение подчеркнем, что воспроизводство основного капитала на основе инновационных проектов позволит объединить повышение технического уровня предприятий и прогрессивность, техническую и рыночную новизну выпускаемой продукции и применяемых технологических процессов.

Литература

1. Бессонова Т.Н. Приоритетные направления стимулирования обновления основного капитала в добыче и транспортировке нефти и газа // Вестник Югорского государственного университета. – 2007. – Вып. 7. – С. 25–26.
2. Инновационная деятельность ОАО «НК «Роснефть» // Нефтяное хозяйство. – 2013. – № 5. – С. 24–27.
3. На светлом пути инновационного развития // Нефтесервис. – 2012. – № 4. – С. 15–19.
4. Лейберт Т.Б. Методология анализа и оценки системы инвестиционного обеспечения инновационных процессов на промышленных предприятиях // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – № 1. – С. 257–268.
5. Лейберт Т.Б. Разработка концептуальных положений перспективной инвестиционной политики экономических систем отечественного перерабатывающего комплекса // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – № 1. – С. 167–178.
6. Лейберт Т.Б. Методологические основы формирования перспективной инвестиционной политики экономических систем промышленного комплекса // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – № 3. – С. 256–265.
7. Лейберт Т.Б. Формирование стратегии перспективной инвестиционной политики нефтеперерабатывающего комплекса // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – № 2. – С. 225–233.

Экономика строительства доступного жилья

Р.МУХАМЕТЛАТЫПОВ

Обеспеченность жильем является одним из важных показателей оценки уровня жизни населения. В России основная часть жилищного фонда была возведена в конце 1950-х – начале 1990-х гг. СССР лидировал в мире по такому показателю, как темпы роста жилищного строительства. Переход к рыночным принципам хозяйствования сопровождался резким сокращением площади вводимого жилья – с 76 млн м² в 1987 г. до 30–32 млн м² ежегодно в 1999–2001 гг. Несмотря на реализацию различных госпрограмм, направленных на стимулирование строительства жилищного сектора, темпы его роста до настоящего времени не восстановлены. В среднем на одного россиянина приходится 20,7 м² жилой площади (для сравнения: во Франции данный показатель составляет 43 м², в Германии – 50, в Великобритании – 62, в США – 70). Минимальный размер жилой площади на человека в соответствии с социальными стандартами ООН – 30 м². Следует отметить, что для достижения международных стандартов обеспеченности населения жильем годовой объем строительства должен составлять не менее 1 м² жилья на человека. В 2012 г. объем жилищного строительства составил около 66 млн м². Соответственно в России должно строиться как минимум 145 млн м² жилья в год, то есть в 2,25 раза больше, чем в настоящее время.

Основным программным документом реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», направленного на стимулирование развития жилищного строительства в стране, стала Федеральная целевая программа «Жилище». В рамках данной программы в 2010 г. для каждого субъекта Российской Федерации федеральным Правительством были установлены контрольные значения жилищного строительства на 2011–2015 гг. Для Республики Башкортостан

Мухаметлатыпов Роман Филорович, аспирант кафедры «Социология труда и экономика предпринимательства» Башкирского государственного университета. E-mail: filorovich@gmail.com

предусмотрено увеличение объемов жилищного строительства с 2 100 тыс. м² до 3 700 тыс. м². Уровень обеспеченности граждан жильем должен возрасти с 22,0 м² на одного проживающего до 24,7 м². Что касается доступности приобретения жилья, то средняя стоимость стандартной квартиры общей площадью 54 м² будет равна среднему годовому совокупному денежному доходу семьи из трех человек за 3 года (в 2009 г. – 4,3 года).

В Башкирии в 2011 г. в соответствии с указанной программой было введено 2109,3 тыс. м² жилья, в 2012 г. – 2317,8 тыс. м², что составляет 3,6 % от общего объема жилья в России. Республика уступает Московской области, где введено 10,6 % жилья, Краснодарскому краю (6,6 %), Санкт-Петербургу (4,0 %), Тюменской области (3,9 %), Республике Татарстан (3,7 %). Федеральной программой предусмотрено увеличение доли жилья экономического класса, стоимость которого не превышает 30 тыс. рублей за 1 м². Все субъекты Федерации берут курс на развитие строительства малоэтажного загородного жилья, поскольку оно имеет сравнительно низкую себестоимость. Загородное жилье может стать одним из вариантов удовлетворения спроса экономического класса, но для этого требуется решение ряда социально-экономических проблем. Рассмотрим основные проблемы и их возможные решения на примере г.Уфы и Уфимского района Республики Башкортостан.

Проблема неравновесного рынка. Девелоперы не скрывают, что сегмент загородной недвижимости премиум- и бизнес-класса продолжает находиться в состоянии посткризисного застоя. Представители компании Intermark Savills отмечают, что с 2008 по 2012 г. по всем регионам России произошло сокращение «дорогих» проектов более чем на 20 %. Сокращение доли жилья премиум- и бизнес-класса в общей структуре рынка загородной недвижимости образует ниши, которые с экспонентным ростом занимает жилье эконом-класса. Министерство строительства и архитектуры РБ в 2012 г. к данному сегменту отнесло более 45 % рынка с перспективой увеличения в соответствии с Федеральной программой к 2015 г. до 60 % [4].

Почему же происходят данные структурные сдвиги на рынке загородной недвижимости? С 2003 по 2008 г., в период высоких прибылей и заработков, застройщики практически переполнили сегмент премиум- и бизнес-класса. При этом масштабное строительство поселков, ориентированных на широкие слои населения, не осуществлялось в должном объеме. Начиная с 2003 г. в Уфе и Уфимском районе спрос на жилье эконом-класса хронически не удовлетворяется. Только с 2011 г. застройщики серьезно взялись за реализацию доступных проектов (рис. 1).

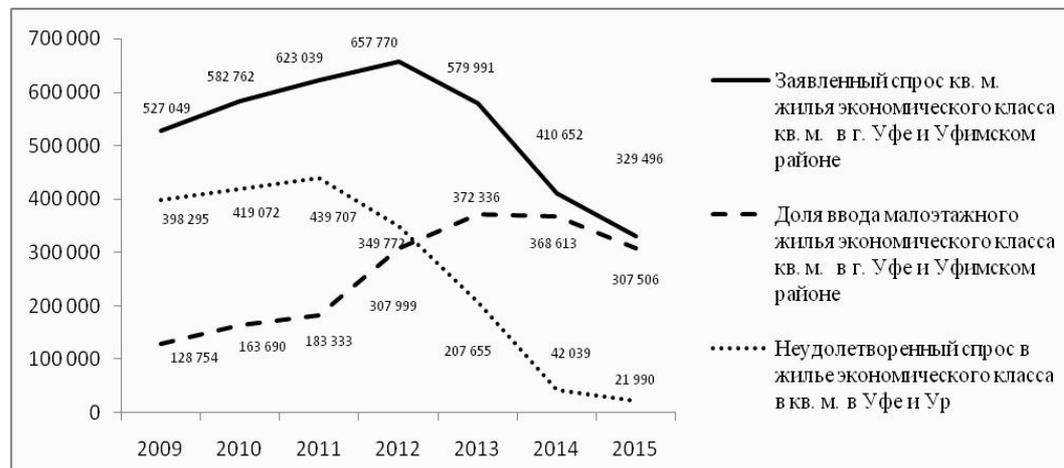

Рис. 1. Состояние рынка жилья эконом-класса в Уфе и Уфимском районе (расчет автора на основании приложений № 1, 12 к Республиканской целевой программе «Стимулирование развития жилищного строительства в Республике Башкортостан в 2011–2015 годах»)

В сложившихся рыночных условиях у застройщиков появляется возможность реализовывать жилье по достаточно высоким ценам. Цены на загородное жилье колеблются в пределах от 27 до 35 тыс. руб. за 1 м². При ценах свыше 30 тыс. руб. за 1 м² жилье становится недоступным для широких слоев населения. Строительные компании зачастую растягивают сроки реализации проектов. В этой связи появляется необходимость в участии государства не только в сфере регулирования продаж, но и в сфере правового регулирования сроков ввода жилья в эксплуатацию.

Проблемы занятости, заявленного и платежеспособного спроса.

Основными потребителями загородной недвижимости эконом-класса в г.Уфе и Уфимском районе являются лица, стоящие на учете по улучшению жилищных условий. Особый сегмент представляют граждане в возрасте от 23 до 30 лет: молодые семьи, иногородние выпускники уфимских вузов и мигранты, зарегистрированные в столице (в табл. 1 обозначены как «другие») [4]. Численность лиц, стоящих на учете по улучшению жилищных условий, растет в среднем на 15 % в год, при этом основным фактором роста данного показателя является миграция населения из небольших населенных пунктов в столицу.

Таблица 1

Категории граждан, стоящих на учете по улучшению жилищных условий

Категория граждан	%
Ветераны и участники ВОВ	2
Инвалиды	5
Молодые семьи	21
Многодетные семьи	3
Дети-сироты	0,5
Военнослужащие	2
Работники бюджетной сферы	0,5
Участники военных действий	1
Проживающие в аварийном жилье	5
Другие	60

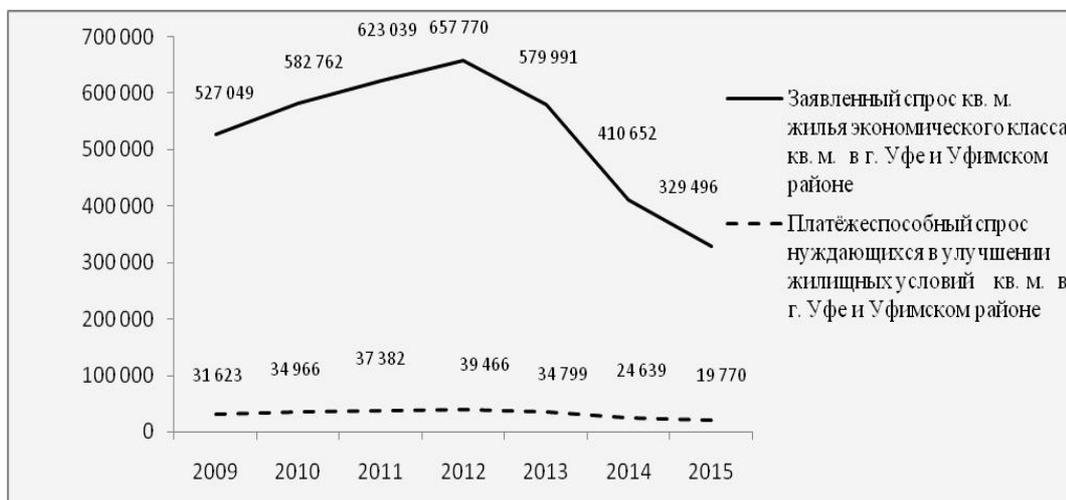

Рис. 2. Соотношение заявленного и платежеспособного спроса на жилье эконом-класса в г.Уфе и Уфимском районе (расчет автора на основании данных фонда РЖС и приложения № 12 к Республиканской целевой программе «Стимулирование развития жилищного строительства в Республике Башкортостан в 2011–2015 годах»)

Представители молодежи – это наиболее платежеспособные потребители в общей структуре спроса на недорогое жилье. На рисунке 2 продемонстрированы, с одной стороны, объемы заявленного спроса, оценка которого основана на числе лиц, стоящих на учете по улучшению жилищных условий, с другой – удовлетворение объемов спроса в соответствии с вышеуказанной программой по строительству жилья на территории Республики Башкортостан. Модель является в значительной степени теоретической: если жилье построено, это еще не значит, что оно продано. На практике платежеспособный спрос ежегодно составляет 5–7 % от заявленного спроса.

Согласно результатам опроса, проведенного Национальным агентством финансовых исследований, 81 % населения России не может позволить себе взять ипотечный кредит. Большинство респондентов (67 %) в качестве причины этого назвали недостаточный уровень доходов. Для 39 % опрошенных основным препятствием для оформления ипотеки является высокая ставка по ипотечным кредитам, для 29 % – неуверенность в получении стабильного дохода. Согласно указанному исследованию, 29 % граждан намерены что-либо предпринять для улучшения жилищных условий в ближайшие три года. Приемлемыми ставками по ипотеке большинство населения считает 5–6 % годовых, что в 2 раза меньше, чем существующие ставки. Но процентные ставки, цены и заработная плата – это вторичные причины, являющиеся следствием низкой занятости населения. В связи с этим необходимо определить структуру платежеспособного спроса, то есть выявить, в каких секторах экономики есть потенциал роста занятости, а также усовершенствовать систему мотивации инвесторов в наиболее трудоемких секторах.

Проблема высокой себестоимости объектов недвижимости. Одним из факторов высоких цен на загородную недвижимость является ее высокая себестоимость. Застройщики зачастую применяют традиционные технологии строительства с использованием дорогостоящих материалов, крупногабаритной техники, малоэффективного ручного труда, нерациональных габаритов строительства, что существенно отражается на цене жилья. Из всех современных способов строительства технология каркасного панельного строительства является наиболее подходящим решением проблемы удовлетворения спроса на жилье эконом-класса. Данная технология имеет значительные конкурентные преимущества в части трудоемкости, скорости строительства и стоимости материалов.

Проблемы низкой рентабельности и административных барьеров. На получение разрешений и согласований, оформление прав на земельный участок (ЗУ) и другие накладные расходы тратится сумма, равная примерно 50 % от стоимости строительно-монтажных работ (СМР). Официально норма прибыли, рекомендованная Госстроем в жилищном строительстве, составляет 65 % от фонда оплаты труда, или примерно 12 % от стоимости СМР. Реальная строительная прибыль подрядчиков составляет 25–30 % от СМР, примерно 50 % строительной прибыли забирает инвестор, остальная часть расходуется на мотивацию персонала и лоббирование интересов генподрядчика в госорганах, к строительной прибыли прибавляется операционная прибыль (за организацию и продажу) в размере 3–5 % от стоимости строительства, которая делится между генподрядчиком и риэлтором. «Искусственно» увеличенная стоимость строительства формируется за счет двух факторов: во-первых, сроки по оформлению документов увеличивают накладные расходы, поскольку в процессе принятия решений строительство фактически не осуществляется, но необходимость в содержании административно-хозяйственного блока остается; во-вторых, имеют место неформальные платежи за предоставление госуслуг. Процесс образования «искусственной» стоимости осуществляется фактически на всех этапах строительства (табл. 2) [2].

Таблица 2

Стадии строительства объектов недвижимости

Стадия	Проблемы
Заключение договора аренды земельного участка	Процедура затягивается вместо нескольких месяцев до двух лет
Предварительная подготовка проекта строительства	Участники рынка отмечают, что на длительность и увеличение стоимости процедуры влияет дефицит квалифицированных проектировщиков
Утверждение проекта строительства	Получение разрешения на строительство является чрезвычайно сложной процедурой, что провоцирует взяточничество
Подготовка к строительству	Застройщики вынуждены платить ежемесячную зарплату инспектору, закрепленному за стройкой
Строительство	(фактически – вознаграждение за его лояльность)
Сдача объекта в эксплуатацию	Согласно результатам опросов застройщиков, эти стадии являются наименее проблемными
Государственная регистрация	

Подведем некоторые итоги. В условиях неравновесного рынка у застройщиков появляется возможность откладывать реализацию жилья на будущие периоды с целью максимизации цен. Жилье экономического класса является социально значимым товаром и не должно быть предметом спекуляции. В связи с этим появляется необходимость создания специального органа государственной власти, регулирующего не только сроки ввода жилья в эксплуатацию, но и его продажу, осуществляющего аудит ценообразования и мониторинг маркетинговой среды строительного рынка. Например, если агент строительного рынка не может реализовать жилье конечному потребителю в определенные сроки, то государственный орган должен выявить причину неконкурентоспособной цены, рекомендовать пересмотреть ценовую политику. Государственное регулирование должно быть направлено на стимулирование застройщиков, снизивших себестоимость за счет внедрения инноваций, в том числе за счет использования современных строительных технологий, материалов и т.п. Необходимо сократить сроки и упростить процедуру получения разрешительной документации, это позволит снизить накладные расходы и устранить предпосылки для взяточничества. На рынке жилья эконом-класса сложился дисбаланс между заявленным и платежеспособным спросом. Основным решением этой проблемы должно стать создание дополнительных рабочих мест, что обеспечит рост платежеспособного спроса.

Литература

1. Доходы, расходы и потребление населения РБ: стат. сб. – Уфа, 2012.
2. Крылова Д.В. Оценка издержек получения государственных и муниципальных услуг, необходимых для строительства многоквартирного жилого дома. – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 68 с.
3. Показатели жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан: стат. сб. – Уфа, 2011.
4. Республиканская целевая программа «Стимулирование развития жилищного строительства в Республике Башкортостан в 2011–2015 годах» (приложения 1, 12).
5. Социальное положение и уровень жизни населения РБ: стат. сб. – Уфа, 2011.
6. Ясин Е.Г. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 86 с.

Эквифинальное планирование развития предпринимательства как социально-экономической подсистемы региона

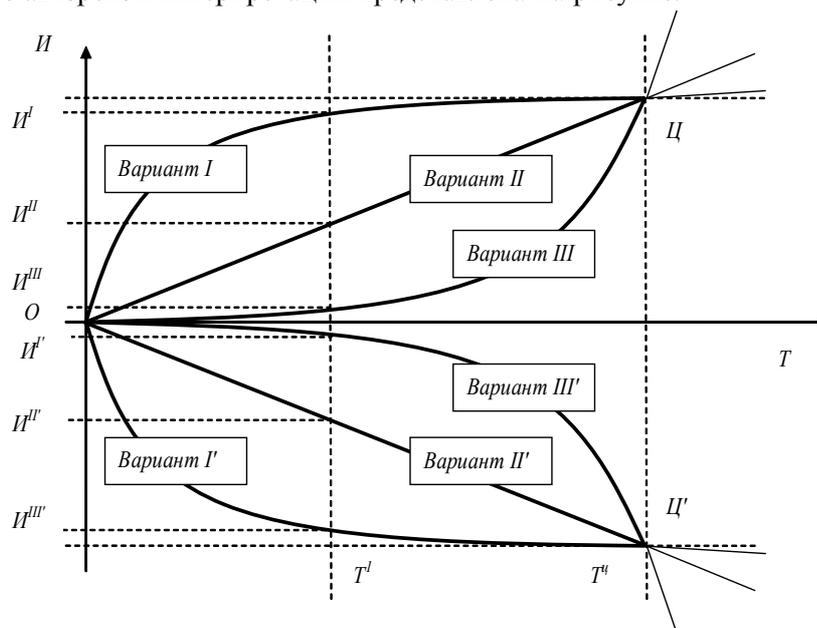
Р.ЮНУСОВА

Важнейшей особенностью предпринимательства как системы выступает эквифинальность. Эквифинальный характер управления планированием развития предпринимательства обуславливается дифференциацией последнего по ряду оснований: субъект и объект управления, цели и задачи, методы и механизмы, а также способы координации (регулирования).

Эквифинальное содержание планирования определяется как управление динамическим свойством системы, которая различными путями осуществляет движение (переход) из различных начальных состояний в одно и то же финальное состояние [16]; как выбор путей для достижения успеха даже в рамках одной и той же отрасли [2].

Различие начальных состояний – это в статическом плане существующая дифференциация развития предпринимательства (например, региональная дифференциация); в динамическом – дальнейшее углубление процессов поляризации социально-экономического развития. Различие путей – варианты достижения финального состояния. Исследование содержания этих различий и специфики их влияния на развитие предпринимательства представляет особый интерес.

Общая схема эквифинального планирования развития социально-экономических систем в ее авторской интерпретации представлена на рисунке.

Эквифинальные модели планирования развития социально-экономических систем (варианты I, II, III, I', II', III' – варианты регионального развития (логарифмический, линейный, показательный и др.); Т – ресурс развития социально-экономической системы; И – индикатор развития социально-экономической системы; Ц, Ц' – целевое (конечное) состояние социально-экономической системы; T^I – промежуточный объем ресурсов развития социально-экономической системы; И^I, И^{II}, И^{III}, И^{I'}, И^{II'}, И^{III'} – индикаторы вариативного развития социально-экономической системы при T^I)

Юнусова Разиля Фанузовна, соискатель Уфимского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: yrazilya@mail.ru

Несмотря на планируемое достижение конечной цели системы (C, C') разными путями (варианты $I, II, III, I', II', III'$) при использовании T -ресурсов, само развитие системы будет характеризоваться показателями $I', II', III', I'', II'', III''$.

Таким образом, развитие социально-экономических систем заключается не только в правильном определении цели C, C' (в условиях федерального государства и единого законодательства в сфере поддержки предпринимательства они могут быть в значительной степени близки для различных регионов) и использовании T -ресурсов, но и в выборе варианта развития и планирования соответствующих мероприятий, ограниченных во времени.

Рассмотрим основные принципы эквифинальности планирования развития предпринимательства.

1. *Обеспечение соответствия целей внутреннему потенциалу системы.* Как отмечают исследователи [15, 70–77], имеющиеся схемы территориального планирования и разрабатываемые схемы перспективного развития региона не всегда основаны на учете действительных точек роста: например, выделенные перспективные точки развития не имеют никаких важных преимуществ, и, наоборот, неоправданно упускаются из виду перспективные точки роста (например, муниципалитеты), уже демонстрирующие значительный потенциал развития. Неверный выбор ключевых точек развития приводит к искажению набора механизмов национального инновационного развития. В результате конкуренция за наиболее комфортные условия для развития предпринимательства и соответствующего роста налоговых доходов подменяется конкуренцией регионов за финансирование инфраструктурных проектов из федерального центра.

При этом выбор проектов осуществляется исходя лишь из их предполагаемой эффективности, формальной проработки или, возможно, лоббистских успехов региональных правительств, при этом в стороне остается подлинная необходимость оптимизации инновационного каркаса и формирования целостной предпринимательской среды.

2. *Соотношение дискретности и цикличности планирования и управления.* В условиях ограниченности сроков полномочий органов власти предпочтение отдается не решениям, наиболее эффективным в долгосрочной перспективе, а решениям, обладающим наибольшей эффективностью в краткосрочном периоде.

Сторонниками дискретного планирования чаще всего выступают экономисты-практики, для которых основополагающим является утверждение о первоочередной необходимости решения задач, ограниченных сроками полномочий территориальных органов власти [10, 44; 13, 18]. Тем не менее обеспечение конкурентоспособности региона, которое в настоящее время связывается с формированием благоприятного инвестиционного климата и облекается в форму маркетинга региона («приведение возможностей муниципального образования в наилучшее соответствие с возможностями рынка» [7, 262–263]), достигается в концепции циклического планирования.

Ошибочность данного подхода можно продемонстрировать на основе схемы эквифинальных моделей планирования (см. рис.). В данной схеме динамика развития представлена в координатах ресурсов T и индикаторов I и задается следующей функцией:

$$I=f(T). \quad (1)$$

Накопленный эффект регионального развития S_n на n -м этапе может выражаться как интеграл от функции $f(T)$ на отрезке $[t_1; t_2]$:

$$S_n = \int_{t_1}^{t_2} f(T) \partial T. \quad (2)$$

Таким образом, эффект регионального развития на этапе до T^1 при варианте I выражается следующим образом:

$$S_I = \int_a^b f_1(T) \partial T, \quad (3)$$

где S_I – эффект регионального развития на этапе до T^1 при варианте I; T – ресурсы; $f_1(T)$ – индикаторы развития варианта I; a – начальное значение $T(a=0)$; b – конечное значение $T(b=T^1)$.

Аналогичным образом определяются эффекты регионального развития S_{II} и S_{III} в соответствии с вариантами II и III.

При $T^1 < T^2$, и даже в окрестностях T^2 , ясно, что

$$S_I \geq S_{II} \geq S_{III}, \quad (4)$$

однако при $T^2 \gg T^1$ соотношение изменяется на прямо противоположное:

$$S_I \leq S_{II} \leq S_{III}. \quad (5)$$

Таким образом, при введении ограничения $T^1 < T^2$ целесообразно принятие решения в соответствии с вариантом I, при отсутствии ограничения – в соответствии с вариантом III.

3. *Разграничение инновационного управления развитием и управления инновационным развитием.* К примеру, стратегией социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 г. предусматривается реализация двух сценариев: умеренно-консервативного варианта развития экономики; инновационно-активного, предполагающего усиление инновационной компоненты экономического роста на основе реализации инновационной модели развития, системы национальных проектов [1].

При этом комплекс мер, предусматриваемых стратегией, един для всех вариантов. Более того, при 21 инвестиционном «мегапроекте», которые предусмотрены стратегией и выступают в качестве двигателя инновационного сценария, максимум 8 реализованы или находятся в процессе реализации.

Различия по вариантам определяются, как отмечено в стратегии, прежде всего *изменением динамики конкурентоспособности бизнеса, а также масштабами и интенсивностью реализации инвестиционных проектов, направленных на ускорение экономического роста.*

Стратегия социально-экономического развития РБ до 2020 г. построена на рассмотрении тенденций и перспектив основных видов экономической деятельности и социальной сферы. Однако ничего не сказано о совершенствовании системы управления, словно динамика конкурентоспособности, равно как масштабы и интенсивность инвестиций, изменяются в перспективе под воздействием существующей модели управления (тогда де-факто признается ее эффективность и возникает вопрос: почему они не изменяются сегодня?) или самостоятельно, независимо от управляющих воздействий.

Инновационно-активный вариант, таким образом, представляет собой самостоятельное развитие инновационных производств, а не применение инновационных форм регионального планирования и управления, и практически не отличается от первого варианта.

Однако, с точки зрения А.Б.Курлова, М.С.Кунафина, В.К.Петрова, «под инновацией понимаются такие формы реорганизации в структуре объекта, которые повышают потенциал его саморазвития и самоорганизации и приводят к значительным изменениям в его параметрическом и функциональном компонентах» [9, 12]. Г.Ф.Кунгурцева также акцентирует внимание на смешении понятий «инновационное

управление развитием» и «управление инновационным развитием»: «проблема инноваций применительно к управлению в отечественной науке ограничивается определениями инновационной деятельности руководителя, либо отождествлением понятий «инновационное управление» и «управление инновациями в организациях» [8, 34].

4. *Соотношение региональной поляризации и необходимости выравнивания развития предпринимательства.* Согласно теории центральных мест В.Кристаллера и теории экономического ландшафта А.Леша [11; 12], одни товары и услуги (товары и услуги первой необходимости) должны предоставляться в каждом населенном пункте, другие – в средних поселениях (обычная одежда, основные бытовые услуги), третьи – только в крупных городах (театры, музеи, предметы роскоши). В иерархически организованном экономическом пространстве наиболее предпочтительными будут центральные места высшего порядка, в которых будут производиться товары и услуги для всех уровней иерархии.

На наш взгляд, в контексте национальной экономики необходимо обеспечить конкуренцию таких регионов – центральных мест. Нарастание инвестиционно-технологической мощи некоторых «избранных» регионов приводит лишь к «оттягиванию» ресурсов, усилению дифференциации регионов. Решение указанной проблемы обеспечивается надрегиональным планированием одновременного развития полюсов роста и выравнивания дифференциации (поляризации) регионального развития.

5. *Выделение компетенций вместо разграничения функций.* Взаимодействие, базирующееся на выделении компетенций, как отмечает А.И.Гаврилов [3, гл. 6.4], в корне отличающееся от традиционного принципа разграничения функций, не получило должного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Дальнейший отказ от использования данного принципа в российской практике региональных реформ является мощным фактором их сдерживания.

В условиях планово-директивной системы управления хозяйством регионов проблема разграничения функций всегда стояла очень остро. А.И.Гаврилов с сожалением отмечает, что от «старой болезни» не могут пока избавиться и высшие органы государственной власти новой России, пытаясь искусственно разграничить функции управления между исполнительными и законодательными (представительными) органами, между регионами и центром, между субъектами Федерации и муниципальными структурами.

Между тем страны с рыночной экономикой давно отказались от использования принципа разграничения функций, взяв на вооружение его противоположность – принцип выделенной компетенции. Суть данного принципа состоит в наделении каждого субъекта управления точно очерченными функциями, которые законодательно закрепляются за ним. При этом для реализации каждой функции законом устанавливаются соответствующие объемы ресурсов и их источники.

Кардинальное отличие принципа выделенной компетенции заключается в том, что если в российской практике разграничение функций осуществляется между различными сферами деятельности и между различными отраслями хозяйства, то в зарубежной каждый субъект хозяйствования наделяется определенными компетенциями в сфере деятельности или в каждой отрасли хозяйства.

Такой подход обеспечивает полноту ответственности, соответствие ресурсов и учет эквивалинтных принципов планирования на каждом уровне управления.

6. *Планирование роста конкурентоспособности вместо отраслевого роста.* Современные кризисные явления в экономике обнаруживают повышенную уязвимость базовых отраслей регионов. Все это на фоне невысокой эффективности инструментов в рамках традиционной отраслевой политики требует поиска новых механизмов обеспечения устойчивого экономического роста на базе радикального повышения конкурентоспособности. Существует ряд теоретических и практических разработок в данной сфере.

Особый интерес представляет концепция, предложенная французским экономистом Ф.Перру, который отводил ведущую роль отраслевой структуре экономики. Сферы экономического пространства, где размещаются предприятия лидирующих отраслей, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечивают их наиболее эффективное использование. Это приводит к концентрации предпринимательства, формированию полюсов экономического роста [14, 5–7]. При этом следует отметить, что Ф.Перру все же отводил точкам отраслевого роста роль «локомотива» общего роста конкурентоспособности территории.

Ж.-Р.Будвиль, Х.Р.Ласуэн, П.Потье в качестве полюсов роста рассматривали не только совокупность предприятий лидирующих отраслей, но и конкретные территории (населенные пункты), выполняющие в экономике страны или региона функцию источника инноваций и прогресса [6, 152]. С точки зрения исследователей, региональный полюс роста представляет собой набор развивающихся и расширяющихся отраслей, размещенных в урбанизированной зоне и способных вызывать дальнейшее развитие экономической деятельности во всей зоне своего влияния [4].

Таким образом, полюс роста определяется как географическая агломерация экономической активности или как совокупность городов, располагающих комплексом быстро развивающихся производств.

Подводя итоги анализу соблюдения принципов эквивиальности планирования в современной практике регулирования развития предпринимательства, можно отметить, что она далека от наработок современных теоретиков регионалистики и территориального размещения производительных сил. По существу, общим следствием реализуемой сегодня модели управления региональным планированием выступает недостаточный учет эквивиального характера развития социально-экономических систем в управленческой практике.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года (одобр. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 30 сентября 2009 г. № 370).
2. Большой экономический словарь: 25000 терминов / под ред. А.Н.Азрилияна. 7-е изд., доп. – М., 2004. – 1376 с.
3. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 239 с.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.
5. Дышкант О.В. Кластерная модель организации крупного бизнеса как инструмент модернизации региональной экономики (на примере авиатранспортного комплекса Ростовской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 28 с.
6. Захарова А.В. Теоретические основы прогнозирования регионального экономического роста // Балтийский экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 149–162.
7. Зотов В.Б., Макашева З.М. Муниципальное управление: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 279 с.
8. Кунгурцева Г.Ф. Инновационное управление как основание социального развития // Вестник ВЭГУ. – 2011. – № 2. – С. 30–35.
9. Курлов А.Б., Кунафин М.С., Петров В.К. Философия инновационной деятельности: монография. – М.: ИД «АГИСО», 2010. – 293 с.
10. Лапушинская Г.К., Петров А.Н. Планирование в условиях рынка: учеб. пособие. – М., 2003. – 252 с.

11. Леш А. Географическое размещение хозяйств: пер. с нем. – М., 1959. – 455 с.
12. Леш А. Пространственная организация хозяйства. – М.: Наука, 2007. – 664 с.
13. Методика формирования и анализа комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований / под общ. ред. В.И.Псарева, Н.В.Сушенцевой. – Новосибирск, 2010. – 511 с.
14. Челноков И.В., Герасимов Б.И., Быковский В.В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2002. – 112 с.
15. Юнусов М.А. Регулирование предпринимательских сетей на муниципальном уровне: дис. ... канд. экон. наук. – Уфа: УГАЭС, 2011. – 147 с.
16. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999. – 524 с.

Охранные услуги: нестратегические барьеры входа на рынок

Е.ЛЫСОВА

Важнейшей чертой рыночной экономики является конкуренция, которая в значительной степени определяет формы хозяйственной деятельности во всех сферах экономики. Рынок охранных услуг в настоящее время развивается быстрыми темпами, является перспективным, поэтому для него характерно наличие конкуренции. В ближайшем будущем на рынке ожидаются изменения, связанные со вступлением России в ВТО. С этой точки зрения анализ и исследование барьеров входа новых предприятий на рынок услуг безопасности представляет особую актуальность.

Рынок охранных услуг – это сфера формирования спроса на услуги безопасности и их предложения. Охранные услуги обеспечивают защиту индивида или организации от неожиданных проблем, связанных с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц [3].

На российском рынке охранных услуг функционируют государственные и частные охранные предприятия. К государственным охранным предприятиям относятся вневедомственная охрана МВД РФ, ведомственная охрана федеральных министерств и ведомств (государственные унитарные предприятия). К негосударственным субъектам охраны относятся частные охранные предприятия (ЧОП).

Конкуренция – «соперничество на каком-либо поприще между юридическими или физическими лицами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели» [2]. В общем виде конкуренцию на рынке охранных услуг можно определить как процесс взаимодействия и соперничества между предприятиями, оказывающими охранные услуги, в ходе которого предприятие стремится обеспечить себе прочное положение на рынке, максимально удовлетворить разнообразные потребности клиентов и получить наибольшую прибыль в данных условиях. В связи с этим барьеры входа на рынок являются действенным инструментом, ограничивающим конкуренцию.

Стимулом для вхождения на рынок хозяйствующих субъектов зачастую является возможность получения высокой прибыли. Под барьерами входа на рынок понимают факторы, препятствующие или затрудняющие и ограничивающие для хозяйствующих субъектов начало деятельности на рынке. Благодаря подобным барьерам фирмы, уже действующие на рынке, могут не опасаться конкуренции [7].

Лысова Елена Анатольевна, аспирант кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: lena.lysowa@yandex.ru

Различают два типа входных барьеров: *стратегические*, формируемые как следствие поведения фирм; *нестратегические* (структурные), выступающие для любых хозяйствующих объектов как внешняя данность. Основными разновидностями нестратегических барьеров являются экономические, организационные, административные ограничения, барьеры, связанные с эффектом масштаба и основанные на абсолютном превосходстве в уровне затрат, ограничения по спросу и объемам первоначальных инвестиций.

При исследовании рынка услуг безопасности выявлены следующие определенные нестратегические барьеры входа новых предприятий на рынок охранных услуг. Для входа на рынок важны следующие экономические факторы: государственная политика в области инвестиций, кредитов, налогов, цен; среднеотраслевая норма прибыли; сроки окупаемости капитальных вложений; неплатежи. На рынке охранных услуг сформирован ряд экономических ограничений, существенно ухудшающих условия деятельности частных охранных предприятий:

- уставный фонд охранных предприятий, занимающихся вооруженной охраной, должен составлять 250 тыс. руб.; для охранных предприятий, не входящих в эту категорию, эта сумма составляет 100 тыс. руб. Кроме того, действует запрет на привлечение иностранных инвестиций и ограничение на участие корпоративного капитала в организации частных охранных предприятий;

- низкая рентабельность деятельности, что во многом связано с ограниченной платежеспособностью населения. Так, оказание услуг населению по охране квартир, индивидуальных жилых домов для вневедомственной охраны является низкорентабельным направлением деятельности. Цена услуги устанавливается в соответствии с утвержденной Министерством внутренних дел России методикой формирования тарифов на услуги по охране имущества;

- высокие финансовые затраты, сопровождающие процесс входа на рынок услуг безопасности: расходы на приобретение и эксплуатацию транспорта необходимого качества, на оснащение и содержание оружейных комнат, затраты на современные средства связи и выделение платных каналов связи, на аренду или приобретение офисных помещений, на покупку оружия и специальных средств, на оценку имущества, сдаваемого под охрану, на возмещение нанесенного ущерба, поддержание на соответствующем уровне оплаты труда сотрудников, повышение их квалификации и т. д.

Административные ограничения связаны с наличием или отсутствием ограничений деятельности продавцов на конкретном рынке, выдвигаемых органами власти и управления всех уровней. На рынке охранных услуг имеют место серьезные ограничения административного характера, которые сужают границы рынка. К ним следует отнести:

- отсутствие единого закона «Об охранный деятельности в Российской Федерации», который регулировал бы деятельность как частных охранных предприятий, так и органов внутренних дел, оказывающих платные услуги. Действующий Закон об охранный деятельности регулирует только сферу деятельности частных охранных предприятий;

- лицензирование охранный деятельности. При получении лицензии с правом оказания охранных услуг по охране объектов и/или имущества на объектах, согласно коду ОКВЭД 74.60 «Проведение расследований и обеспечение безопасности», предъявляются жесткие лицензионные требования;

- отсутствие права обслуживания технических средств безопасности на объектах, охраняемых подразделениями полиции вневедомственной охраны при ОВД Российской Федерации, так как заключается трехстороннее соглашение об оказании охранных услуг между филиалом ФГУП «Охраны», отделом вневедомственной охраны УМВД РФ и клиентом. Соответственно потребитель, участвующий в этой сделке, не имеет права выбора между госструктурами и частными компаниями;

– утверждение на уровне Правительства РФ перечня объектов, представляющих особую важность для обеспечения жизнедеятельности и безопасности государства и населения, которые могут охраняться только одним из видов государственной ведомственной охраны; частным охранным предприятиям выход на данный рынок запрещен;

– создание государством на уровне законодательных актов конкурентных преимуществ для подразделений ГУВО МВД. Вневедомственная охрана, с одной стороны, является структурным элементом МВД, а с другой – функционирует на коммерческих началах. Есть ряд видов деятельности, которыми в силу отдельных подзаконных актов и инструкций занимается исключительно вневедомственная охрана.

Важным препятствием для входа на рынок охранных услуг является неразвитость рыночной инфраструктуры. Для предприятий, оказывающих охранные услуги, большое значение имеют следующие факторы:

– наличие необходимых средств коммуникации, особенно важна пропускная способность дорог и их состояние, поскольку это позволяет группе быстрого реагирования в короткий срок прибыть на охраняемый объект;

– наличие связи. При оказании услуг пультовой охраны необходимо иметь личный либо контролируемый канал передачи данных. Важно, какой канал использует фирма. Можно использовать более дешевый GSM-канал или воспользоваться услугами проводного оператора связи; как правило, крупные, стабильно работающие предприятия приобретают в аренду собственный радиочастотный канал связи;

– наличие учебных центров, где можно пройти необходимое обучение. Согласно требованиям законодательства охранники, работающие в частных охранных предприятиях, должны иметь соответствующие лицензии и удостоверение;

– система отношений с проверяющими организациями. Охранные предприятия курируются разрешительной системой МВД РФ, отношения сотрудничества выстраиваются с УВД и МЧС регионов.

Один из барьеров входа на рынок – вертикальные объединения действующих на рынке предприятий. Вертикально интегрированная фирма имеет дополнительные конкурентные преимущества, поскольку она может более значительно снижать цену услуг или получать большую прибыль при данной цене благодаря более низким издержкам, связанным либо с закупкой факторов производства, либо с продажей конечного продукта. В сфере охранного бизнеса вертикальное объединение представляет собой объединение нескольких компаний, примером является совместная работа ФГУП «Охраны» и вневедомственной охраны.

К нестратегическим барьерам входа относятся и следующие организационные барьеры:

– невысокая оперативность групп быстрого реагирования при прибытии на охраняемый объект. Время прибытия для групп ЧОП может составлять 40 минут и более, в то время как группы сотрудников ОВО МВД прибывают на объект в течение 3–5 минут;

– текучесть кадров в частных охранных предприятиях;

– низкий уровень профессиональной подготовки инженерно-технических работников ЧОП, производящих проектирование, монтаж и обслуживание технических средств охранной сигнализации.

Кроме того, на рынке охранных услуг имеют место барьеры, основанные на абсолютном превосходстве в уровне затрат. Положительная отдача от масштаба создает объективные барьеры для входа потенциальных конкурентов благодаря преимуществу крупных производителей в издержках. Эти барьеры возникают, когда затраты на единицу продукции уже действующих предприятий оказываются ниже, чем у охранных предприятий, только входящих на рынок. Причинами различий в уровне затрат могут быть неравенство стартовых условий деятельности на рынке, прежде всего имущественное и ценовое; техническое превосходство уже действующих на рынке безопасности предприятий; более низкая процентная ставка на заемный капитал.

Данный барьер включает в себя несколько моментов. Во-первых, у действующего охранного предприятия с большой долей рынка издержки будут значительно ниже, чем у новичков. Во-вторых, это объем инвестиций, которые должна направить новая компания для того, чтобы закрепиться на рынке. Чем больше объем необходимых инвестиций, тем ниже вероятность появления компании на рынке.

Проблемной представляется организация сразу крупного охранного предприятия, поскольку для оказания качественных охранных услуг необходимо иметь соответствующую материальную базу (автомобили, вооружение, связь, офис и т. д.). По мнению экспертов, для открытия охранного предприятия в настоящее время необходимо минимум 500 тыс. руб., кроме того, все сотрудники должны иметь удостоверение частного охранника с указанием определенной квалификации (разряда). Если служба осуществляется с оружием, то охранники должны иметь 6-й разряд, а организация – свою оружейную комнату. Если раньше охранные агентства могли охранять от 3 до 20 клиентов, то требования современного рынка связаны с массовостью оказания охранных услуг, по данной причине возросла ответственность ЧОП. При этом небольшая организация, не имеющая достаточных средств для надлежащего осуществления деятельности, будет обладать низкой конкурентоспособностью.

Каждый год на рынке охранных услуг появляются новые охранные предприятия, пытающиеся закрепиться на рынке за счет снижения цен на услуги. Но демпинговые цены приводят предприятия к краху. Улучшение качества услуг охраны требует увеличения затрат, а повысить свои доходы фирмы с низкими ценами не имеют возможности, поскольку они приобрели репутацию производителей «дешевого ширпотреба».

На размер издержек оказывает влияние диверсификация, которая отражает распределение услуг фирмы между разными целевыми рынками. Диверсифицированная фирма обычно обладает большими размерами, чем недиверсифицированная. Как правило, данная фирма имеет преимущества в издержках, что также упрочивает ее рыночную власть. Диверсификация деятельности позволяет фирме снизить риск хозяйствования, связанный с конкретным рынком. Диверсифицированная фирма является более устойчивой, что связано со способностью компенсировать за счет прибыли от деятельности на одном рынке убытки, которые компания может понести на другом рынке. Например, охранные услуги, оказываемые юридическим лицам, являются более рентабельными, чем охрана жилых помещений. Кроме того, сам факт наличия диверсифицированной компании в отрасли отпугивает потенциальных конкурентов, поскольку они знают о ее возможностях вести конкурентную борьбу дольше и более жесткими методами.

Дифференциация услуг безопасности означает разнообразие услуг, удовлетворяющих одну и ту же потребность и обладающих одними и теми же базовыми характеристиками. Виды охранных услуг определены в ст. 3 «Виды охранных и сыскных услуг» Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 7 февраля 2011 г.) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

В целях охраны разрешается предоставление следующих видов услуг: защита жизни и здоровья граждан; охрана объектов и/или имущества; охрана объектов и/или имущества на объектах с осуществлением работ по проектированию, монтажу и эксплуатационному обслуживанию технических средств охраны; консультирование и подготовка рекомендаций клиентам по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств; обеспечение порядка в местах проведения массовых мероприятий; обеспечение внутриобъектового и пропускного режима на объектах; охрана объектов и/или имущества, а также обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, которые имеют особо важное значение для обеспечения жизнедеятельности и безопасности государства и населения [1].

Дифференциация услуг безопасности создает дополнительные барьеры для вхождения в отрасль, поскольку способствует повышению привлекательности конкретной марки (предприятия) для определенных категорий потребителей,

в результате чего новым фирмам приходится преодолевать стереотипы поведения потребителей. Стабильно функционирующие охранные предприятия, как правило, оказывают весь комплекс охранных услуг.

Характеристики спроса также отражают состояние рынка и могут создавать барьеры для входа в отрасль, поскольку они находятся в основном не под контролем фирм, но оказывают влияние на их поведение, в первую очередь ограничивая их степень свободы в назначении цены. Высокий уровень удовлетворения спроса, отражающий насыщенность рынка услугами безопасности, так же как низкая платежеспособность заказчиков, является серьезным препятствием для потенциальных конкурентов в отношении освоения рынка. Анализ емкости рынка (спроса потребителей), эластичности спроса в зависимости от изменения цен позволяет сделать вывод о том, что за последние годы рынок услуг безопасности характеризуется появлением новых предприятий, оказывающих охранные услуги, несмотря на невысокую норму прибыли на данном рынке. Новые предприятия, как правило, являются небольшими и создаются зачастую самими фирмами, которые нуждаются в получении охранных услуг.

Наличие брендов на рынке – это один из структурных барьеров. Наличие бренда у компании или тот случай, когда сама компания является брендом, становится серьезным конкурентным преимуществом. На российском рынке охранных услуг вневедомственная охрана является брендом. Вневедомственная охрана и ФГУП «Охрана» МВД России как государственные структуры имеют более высокий статус, обеспечивающий соответствующий уровень доверия со стороны населения по сравнению с частными охранными предприятиями и организациями.

Кроме рассмотренных барьеров, следует отметить качество услуг, соответствие их существующим стандартам, четкое разграничение на современном рынке охранных и сторожевых услуг. Качество охранных услуг на современном рынке повышается, растет уровень подготовки персонала, оснащения охранных подразделений, менеджмента. Предприниматели, желающие создать бизнес по оказанию охранных услуг, четко осознают важность поддержания высокого качества услуг охраны, что является серьезным барьером входа на данный рынок.

Анализ нестратегических барьеров входа на рынок охранных услуг дает представление о трудностях, с которыми сталкивается данная сфера предпринимательства на пути своего развития, позволяет сделать вывод о состоянии данной сферы в целом и задачах, требующих решения. Перечисленные барьеры труднопреодолимы, однако исследования в данной сфере помогают сформулировать ряд предложений по их преодолению. Для этого необходимы разработка эффективной правовой базы, регламентирующей охранную деятельность, снижение ставки налогообложения, упрощение системы получения и продления лицензий, наличие льготного кредитования частных охранных предприятий и ряд других мер со стороны государства.

Литература

1. Федеральный закон от 11 марта 1992 г. (ред. от 7 февраля 2011 г.) № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».
2. Азоев Г.Л. Конкуренция: анализ, стратегия и практика. – М.: Центр экономики и маркетинга, 1996. – 270 с.
3. Диков А.Г. Инструментарий маркетинга для некоммерческих организаций, оказывающих охранные услуги (на примере вневедомственной охраны): дис. ... канд. экон. наук. – Уфа, 2005. – 160 с.
4. Курс экономической теории: учебник / под ред. М.Н.Чепурина, Е.А.Киселевой. 7-е изд., исп., доп. и перераб. – Киров: «АСА», 2012. – 880 с.
5. Лукьянов С., Кисляк Н. Отраслевые барьеры входа как важнейший инструмент политики ограничения конкуренции // Вопросы экономики. – 2007. – № 2 – С. 101–110.
6. http://www.marketing.spb.ru/lib-mm/mibif/6/ls4_1.htm
7. <http://bash.fas.gov.ru/analytic/8788>

Профессиональное обучение на Среднем и Южном Урале на примере горнозаводских школ и училищ в XIII–XIX вв.

А.НИЗАМОВА, И.АСФАНДИЯРОВА

Система профессионального обучения на Южном и Среднем Урале зародилась в XVIII–XIX вв. Именно в это время сюда перемещается центр горнодобывающей и металлургической промышленности из Центральной части России. Быстро развивающееся южно- и среднеуральское горно-металлургическое производство вызвало настоятельную необходимость привлечения и подготовки различных групп специалистов горного дела и металлургии.

Если в XVII в. нужды единичных мануфактур вполне могли удовлетворять специалисты, изучившие основы грамоты на дому, то с начала XVIII в. эта форма обучения оказалась несостоятельной. Резкое усложнение производства, углубление специализации, рост обслуживающего аппарата потребовали большого числа грамотных людей.

Первоначально с целью использования передового зарубежного опыта к работам на уральских заводах привлекали иностранных специалистов и мастеров. Однако это не могло полностью решить проблему. Гораздо более эффективным представлялось формирование кадрового потенциала путем направления молодых перспективных людей для обучения за границу, и Петр I специальным Указом предписал посылать в чужие края способных к обучению молодых людей.

В 1724 г. для изучения маркшейдерии, горного землемерия и черчения, машинного, токарного, рудообжигательного и плавильного дела в Швецию была направлена большая группа молодежи. По возвращении на родину участники этой группы работали на уральских и сибирских заводах, занимая руководящие инженерно-административные должности [16]. Однако масштабы горнозаводской деятельности все возрастали, что обусловило переход к новому этапу развития системы профессионального обучения – формированию сравнительно разветвленной сети горных учебных заведений в самой России.

Так, в 1701–1712 гг. в Москве были основаны Артиллерийская, Математико-навигационная и Инженерная школы для подготовки военных инженеров и специалистов гражданского строительства. В 1715–1721 гг. приступили к работе Морская академия, Артиллерийская и Инженерная школы в Петербурге. И хотя ни одна из перечисленных школ не готовила горняков и металлургов, все же часть выпускников направлялась на горно-металлургические предприятия Южного и Среднего Урала. Освоение практики рудничного и заводского производства во многом облегчалось для них, поскольку они были знакомы с основами математики, механики, черчения и геодезии. Кроме того, воспитанники артиллерийских школ обладали навыками литейного дела, приобретенными при прохождении производственного обучения на московском и петербургском пушечно-литейных дворах.

Инициатором создания специализированных горных школ стал выдающийся российский государственный деятель Василий Никитич Татищев, возглавлявший уральскую промышленность в 1720–1722 и 1734–1737 гг. Именно в указанных школах по инициативе В.Н. Татищева впервые в России была предпринята попытка соединить общее образование с производственным обучением. Строительство заводов стало сопровождаться организацией школ как основных центров обучения грамоте молодежи, занимавшей после их окончания рабочие места на заводах.

Если при других заводах – олонецких, красноярских, нерчинских, алтайских – открывались одно-два учебных заведения, то в Уральском крае была сформирована относительно широкая их сеть. В 1721 г. были открыты четыре школы, в 1725–1734 гг. действовали словесная и арифметическая школы при Екатеринбургском заводе, в середине 1730-х гг. школы были открыты почти при всех казенных заводах, а в 1740-х гг. их насчитывалось уже более двадцати [17].

Низамова Алсу Илюсовна, канд. техн. наук, профессор кафедры менеджмента БАГСУ. E-mail: kafmen-bagsu@yandex.ru

Асфандиярова Ирина Гансеевна, канд. юрид. наук, главный юрист-консульт Управления по делам архивов Республики Башкортостан

В Башкортостане первые горные школы появились на заводах выдающегося предпринимателя Ивана Борисовича Твердышева в 1740-х гг. Многие башкирские горнопромышленники открыли при своих заводах горные школы либо профессиональные учебные классы для обучения ремеслам. Надо заметить, что в XIX в. некоторые горнопромышленники сами стремились получить горно-инженерное образование в лучших университетах России и Европы [15].

К концу XVIII в. на Урале сформировалась сравнительно разветвленная сеть школ как закономерное следствие превращения края в центр горнодобывающей и металлургической промышленности страны. И самое активное участие в становлении профессионального обучения приняли башкирские предприниматели.

В Центральном историческом архиве Республики Башкортостан сохранились уникальные документы по исследуемой теме. Так, например, в 1895 г. издается «Положение о низших ремесленных школах», согласно которому начинают открываться низшие ремесленные школы для подготовки слесарей, токарей, столяров и кузнецов. В эти школы принимались мальчики всех сословий, без различия звания и вероисповедания, в возрасте от 13 до 16 лет, представившие свидетельство об окончании курса в начальном или церковно-приходском училище. Курс обучения был четырехлетним, из них три года отводилось на изучение теоретических дисциплин параллельно с практическими занятиями, четвертый год обучения был всецело посвящен практической работе в мастерских. Преподавались русский язык, арифметика, Закон Божий, технология металла, технология дерева, черчение, рисование, счетоводство. В 1918 г. ремесленные школы были ликвидированы.

В 1879 г. было открыто Уфимское землемерное училище – среднее специальное учебное заведение для подготовки землемеров-таксаторов. Курс обучения длился три года, в училище принимались мальчики 15–19 лет всех сословий и вероисповеданий, окончившие четыре класса реального училища или пять классов гимназии. Преподавались в этом училище общеобразовательные предметы, а также межевые законы, почвоведение и растениеводство, сельскохозяйственная и лесная таксация, Закон Божий и др. В советский период училище было преобразовано в землеустроительный техникум.

Исследуя архивные документы в Государственном архиве Свердловской области, мы обнаружили, что на Урале были открыты следующие учебные заведения: Уральское горное училище (было открыто в 1847 г. для подготовки горнозаводских техников, мастеров, лаборантов, надзирателей, закрыто по предписанию Комиссара производства областного Совета рабочих и солдатских депутатов); по постановлению екатеринбургских земств в 1873 г. были открыты реальные училища: Екатеринбургское, Алексеевское и Нижнетагильское (упразднены после Октябрьской социалистической революции).

В конце XIX – начале XX века действовала целая сеть училищ и школ: Верх-Исетское приходское училище, Ирбитское уездное ремесленное училище, Камышловское городское училище, Нижнетагильское горнозаводское училище, Екатеринбургское уездное училище, Вяткинская начальная церковно-приходская школа, Екатеринбургская торговая школа, Тихоновская церковно-приходская школа, Шадринская начальная церковно-приходская школа и т. д.

На протяжении всех лет существования горнозаводские школы Урала имели тесную связь с предприятиями: они действовали под контролем заводской администрации, их контингент на 80–90 % формировался из детей заводских работников, подавляющее большинство учащихся направлялось на заводы по окончании обучения и даже до его завершения.

Историки Н.В.Нечаев, В.И.Будрин и др. в своих научных трудах, посвященных горнозаводскому образовательному процессу на Среднем Урале, показали тесную связь школ с заводами по всем основным моментам их деятельности: формирование контингента школьников из различных слоев горнозаводского населения; обязательность обучения для детей заводских работников; распространение на школы общих правил, регулирующих деятельность заводов; обеспечение школ помещениями, учебными пособиями, книгами через заводское ведомство; назначение в качестве учителей молодых техников с заводов, специалистов, не способных далее выполнять заводские работы ввиду возраста или состояния здоровья, и т.д. Особое внимание вышеупомянутыми историками уделено

Положению Татищева об организации учебного процесса, которое датировано октябрём 1723 г. В Положении подчеркивается необходимость сочетания теоретической учебы с практической деятельностью на предприятии. За учениками, согласно наказу заводского комиссара, должны были закрепляться освободившиеся должности подмастерьев и заводских работников.

Заводская молодежь в процессе обучения проходила две ступени. Первая ступень – так называемые школьные ученики, то есть те, кто учился в одной из заводских школ; вторая ступень – цеховые ученики, окончившие, а иногда и не окончившие школу, но показавшие успехи. Цеховые ученики переводились в заводские цеха или прикреплялись к механику, межешвику, лекарям и прочим специалистам и проходили при них практическое изучение производственного процесса.

Интерес представляют архивные данные, приводимые в трудах вышеупомянутых ученых. Это сводные ведомости, составленные в 1746 г., о выбытии учеников из словесной и арифметической школ Екатеринбургa за 1726–1734 гг., свидетельствующие о том, что за эти годы всего выбыло 174 ученика, из них 61 человек был направлен «к приказным делам», в целовальники и переплетчики, 63 – на заводские места, к обучению различным ремеслам, 23 человека были отпущены по разным причинам домой, столько же бежало, 4 ученика умерли. Это единственные сведения о количестве выпущенных из школ учеников, относятся они лишь к двум екатеринбургским школам и охватывают ограниченный период (9 лет).

Особого внимания заслуживают данные об организации практических занятий (производственной практики) уральских школьников в 1730-х гг. Эти занятия введены по инициативе Татищева, на основе новой школьной инструкции, составленной им в 1736 г. Так, в архивных данных представлен текст расписания занятий екатеринбургских школьников, в котором указаны часы школьных и практических занятий для групп подростков, достигших определенной ступени обучения. Идея практических занятий была претворена в жизнь, доказательством чего может служить отчетная ведомость, составленная надзирателем школ Юдиным в 1738 г.

Горные школы Среднего Урала подготовили немало перспективных, талантливых руководителей заводского производства, мастеров, рационализаторов, из их стен вышли замечательные изобретатели И.И.Ползунов и К.Д.Фролов.

Основой правового и методического обеспечения организации профессионального обучения стали вышеупомянутая школьная инструкция и «Наказ шихтмейстеру», составленные В.Н.Татищевым, в которых он изложил свои передовые взгляды по регламентации профессионального обучения, наметил его задачи, формы и методы. К сожалению, большинство заводоладельцев сопротивлялись открытию школ.

Следует отметить наиважнейшую роль Екатеринбургской горной школы в зарождении и развитии технического образования в России. Она была первым техническим училищем, в котором получили серьезную подготовку многие заводские мастеровые и техники, выросли способные организаторы горнозаводской промышленности. Ее выпускники направлялись на различные заводы, в результате чего происходило распространение технических навыков и знаний в рабочей среде.

Некоторые особенности в систему профессионального обучения привнесли представители выдающейся династии горнопромышленников Демидовых, создавших многочисленные горные заводы на территории Южного и Среднего Урала. Первоначально Демидовы активно сопротивлялись открытию горных школ на своих предприятиях. Но в дальнейшем на самом главном предприятии этих заводоладельцев, Нижнетагильском заводе, с целью подготовки технических кадров более высокого уровня была открыта школа, в которой детей служащих обучали чтению, письму, арифметике, геометрии, рисованию. Важной особенностью этой школы, как и других, открытых при казенных заводах Урала, было сочетание общего образования и производственной практики, которая проводилась в цехах и конторах, где подростки получали профессиональные навыки под руководством специалистов [17]. Распределением выпускников в масштабах Урала, центральной части России и Сибири занимались заводские конторы и канцелярия уральских заводов. Школьники направлялись не только на заводы Урала, но и в центральные районы России, на заводы Сибири.

Таким образом, можно утверждать, что создание разветвленной сети горных заводов на Южном и Среднем Урале стало основой становления системы профессионального обучения в горной и металлургической промышленности нашей страны.

В 1773 г. по распоряжению Екатерины II в Санкт-Петербурге было основано Горное училище, ставшее первым в России высшим учебным заведением, готовящим кадры для горнодобывающей, металлургической и химической промышленности [18]. Считается, что инициатором создания училища был президент Берг-коллегии, тайный советник и сенатор Михаил Федорович Соймонов (1730–1804). Но необходимо отметить, что идея строительства данного учебного заведения принадлежит башкирскому рудознанию, уральскому рудопромышленнику Исмаилу Тасимову. Именно им в столицу было подано прошение об открытии для башкир горной школы. На содержание школы башкиры соглашались выделять из доходов от продажи добываемой ими руды по 2250 рублей ежегодно. Решающим фактором при этом явилось то, что им предлагалось отчислять «из получаемой ими цены с каждого пуда руды по полушке на содержание этого учебного заведения» [14]. Горная школа в Башкирии не была открыта, но инициатива башкир послужила толчком для основания в 1773 г. в Петербурге Горного училища, преобразованного затем в Горный институт. В апреле 2007 г. в Санкт-Петербургском государственном горном институте имени Г.В.Плеханова в память об одном из основателей Горного училища Исмаиле Тасимове установлена мемориальная доска.

Литература

1. ГКУ РБ ЦИА РБ. Фонд Уфимское землемерное училище. Ф. И-205, 4 ед. хр., 1909–1917 гг., 1 оп.
2. ГКУ РБ ЦИА. Фонд Красноуфимское промышленное училище. Ф. И-408, 1 ед. хр., 1915 г., 1 оп.
3. ГКУ РБ ЦИА РБ. Фонды Ремесленных низших школ. 4 фонда, 23 ед. хр., 1904–1909 гг. (Аскинская: Ф. И-235, 8 ед. хр., 1906–1909 гг., 1 оп.; Дуванская: Ф. И-202, 5 ед. хр., 1902–1909 гг., 1 оп.; Красно-Холмская: Ф. И-233, 6 ед. хр., 1904–1909 гг., 1 оп.; Симская: Ф. И-201, 4 ед. хр., 1902–1914 гг., 1 оп.).
4. ГАСО. Фонд Уральского горного училища. Ф. 93, 1845–1917 гг., 366 дел.
5. ГАСО. Фонд Екатеринбургского Алексеевского реального училища. Ф. 90, 1873–1918 гг., 249 дел.
6. ГАСО. Фонд Нижнетагильского реального училища. Ф. 461, 1915 г., 1 дело.
7. ГАСО. Фонд Третьего передвижного Западно-Сибирского учебного округа. Ф. 736, 1916–1918 гг., 3 дела.
8. ГАСО. Фонд Екатеринбургского уездного училища. Ф. 772, 1857–1871 гг., 31 дело.
9. ГАСО. Фонд Вяткинской начальной церковно-приходской школы. Ф. 735, 1899–1915 гг., 1 дело.
10. ГАСО. Фонд Екатеринбургской торговой школы. Ф. 82, 1903–1918 гг., 46 дел.
11. ГАСО. Фонд Екатеринбургской частной школы фельдшерниц Р.Н.Кленовой. Ф. 445, 1910–1919 гг., 122 дела.
12. ГАСО. Фонд Тихоновской церковно-приходской школы. Ф. 720, 1913–1918 гг., 7 дел.
13. ГАСО. Фонд Шадринской начальной церковно-приходской школы. Ф. 747, 1918–1919 гг., 2 дела.
14. Низамова А.И. История менеджмента в Республике Башкортостан: монография. – Уфа: БАГСУ, 2010. – 114 с.
15. Низамова А.И. Корпоративная социальная ответственность как важнейшее требование управления человеческими ресурсами: история и современность // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2011. – № 1. – С. 98–103.
16. Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – М.: Наука, 1978. – С. 98–233.
17. Сафронова А.М. Советская историография о роли горнозаводских школ Урала в формировании кадров промышленных предприятий в XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение: сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 144 с.
18. Самарин А.Ю. Типография Горного училища (1775–1783) // Университетская книга. – 2007. – № 4. – С. 54–56.

Экономическому факультету Башкирского государственного университета – 25 лет

В октябре 2013 года 25-летие отмечает один из молодых факультетов классического вуза республики – экономический факультет Башкирского государственного университета, который с сентября этого года преобразован в Институт экономики, финансов и бизнеса.

До 1980-х гг. подготовка экономистов в республике осуществлялась ограниченно. Растущие потребности народного хозяйства призваны были удовлетворить Уфимский факультет Всесоюзного заочного финансово-экономического института, а также факультеты экономического профиля Нефтяного, Сельскохозяйственного и Авиационного институтов, открытые в целях подготовки специалистов-экономистов для соответствующих отраслей экономики в рамках плановой экономики советского государства.

Постепенно становилось ясно, что народному хозяйству наряду с экономистами-«отраслевиками» нужны экономисты широкого профиля, знающие общие закономерности развития экономики, способные оценить влияние различных социально-экономических факторов развития общества, ориентирующиеся в международных экономических отношениях. Более того, в конце 1980-х гг. стало достаточно очевидно, что страна находится на пороге серьезных перемен в экономике – рыночных реформ, и в скором времени будут востребованы профессионалы, способные ориентироваться в новых условиях рыночной экономики.

Специалистов подобного рода мог подготовить только классический университет, и пробный вариант реализации глобальных образовательных задач было решено осуществить в Башкирском государственном университете. В 1988 г. географический факультет БашГУ (впоследствии географо-экономический факультет) начинает подготовку экономистов, а через 5 лет осуществлен первый успешный выпуск. Экономический факультет выделяется в самостоятельное подразделение университета.

В возникновение и обоснование необходимости открытия экономического факультета в Башкирском государственном университете весомый вклад внесла старейшая общеуниверситетская кафедра – кафедра общей экономической теории, правопреемница кафедры политической экономии, которую в те годы возглавлял доктор экономических наук, профессор А.Х.Махмутов. В тот период на кафедре трудились опытные преподаватели и их молодые коллеги, выпускники центральных московских и ленинградских вузов, экономических факультетов уфимских вузов, а также выпускники БашГУ, окончившие столичную аспирантуру: кандидаты экономических наук, доценты Р.Х.Аллагулов, Л.А.Ахметжанов, М.Е.Бугера, Ф.М.Галеева, А.В.Гуляев, С.Ф.Гоц, К.С.Кидрасова, М.Е.Миркин, А.В.Нафиков, М.Б.Россинский, Е.А.Фомина, П.Н.Чернов, А.В.Чувашаев, Г.И.Якупов и др. Многие из них преподавали на экономическом факультете.

Родоначальницей экономического факультета стала кафедра планирования народного хозяйства (ныне – кафедра национальной экономики). В период становления экономического факультета в разные годы кафедрой заведовали доктор экономических наук, член-корреспондент РАН Х.Н.Гизатуллин, кандидат технических наук, доцент Г.Л.Фадеева, кандидат экономических наук, доцент Р.Х.Марданов, доктор экономических наук, профессор, действительный член РАЕН К.Н.Юсупов.

В процессе подготовки к открытию экономического факультета было решено активно использовать профессорско-преподавательский состав математического и исторического факультетов, общеуниверситетских кафедр иностранных языков, философии. Было учтено и то, что на географическом факультете работали специалисты, необходимые для подготовки экономистов: А.В.Шихман, имеющая серьезный стаж вузовской работы, специалист с практическим опытом работы в Госплане республики; кандидат экономических наук, доцент Т.Х.Кузбеков; выпускница

МГУ, кандидат экономических наук, доцент В.А.Лобанова; кандидат технических наук, доцент Г.Л.Фадеева. К процессу преподавания на экономическом факультете были привлечены ученые Отдела экономических исследований Башкирского филиала АН СССР: кандидаты экономических наук Н.И.Климова, И.Р.Кошегулова, Р.И.Маликов, Г.М.Россинская, А.Р.Саяпова, Ф.И.Табачник и др.

С учетом имеющихся возможностей ректорат БашГУ по согласованию с руководством Республики Башкортостан обратился в Министерство высшего и среднего специального образования Российской Федерации с предложением о необходимости и возможности подготовки экономистов с высшим образованием. Предложение было принято, и министерство разрешило начать подготовку в Башкирском государственном университете экономистов по специальностям «Экономическое и социальное планирование» и «Экономика и социология труда» с ежегодным приемом по 25 человек на каждую специальность.

Становление и развитие экономического факультета как самостоятельного подразделения высшего учебного заведения происходило в период перехода на рыночные условия хозяйствования и развития рыночной системы в Российской Федерации и Республике Башкортостан. В разные годы на факультете работали или продолжают работать доктора и кандидаты наук: Х.А.Барлыбаев, Р.Х.Бахитова, Ф.С.Исхакова, М.Н.Исянбаев, Р.Х.Марданов, А.Х.Махмутов, Ф.У.Мухаметлатыпов, В.М.Резбаев, С.Р.Сибгатуллина, Б.А.Халитов, В.Г.Хайруллина, С.М.Шакирова, К.Н.Юсупов, В.А.Якушина и др. За 25-летнюю историю факультетом руководили три декана: М.Н.Сулейманов, Ф.С.Исхакова и нынешний декан, а с сентября 2013 г. директор Института экономики, финансов и бизнеса – Р.Р.Ахунов.

Выпускники факультета на сегодняшний день работают во всех сферах экономики, бизнеса и государственного управления республики и страны. В их числе десятки докторов и сотни кандидатов наук, крупные банкиры, бизнесмены, известные политики и депутаты, ведущие центральных и местных теле- и радиоканалов.

Сегодня Институт экономики, финансов и бизнеса БашГУ – ведущее учебное заведение по подготовке специалистов, бакалавров и магистров, отличающееся высоким уровнем востребованности своих выпускников во всех сферах экономики. Несмотря на достаточно молодой возраст, Институт не только доказал свою дееспособность, но и стал одним из центров экономической науки и образования в республике.

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан множеством нитей связана с экономическими кафедрами Башкирского государственного университета, в первую очередь – с кафедрой политэкономии (впоследствии – общей экономической теории). Основателем БАГСУ является доктор экономических наук, академик АН РБ А.Х.Махмутов, четверть века руководивший кафедрой политэкономии БашГУ. Кроме того, в разные годы в БАГСУ возглавляли и возглавляют кафедры и факультеты, преподавали и продолжают преподавать, в иных формах сотрудничали и сотрудничают с БАГСУ выходцы с экономических кафедр БашГУ. Отметим, что имеет место и обратный процесс: теперь уже специалисты, ставшие докторами наук в период работы в БАГСУ, пополняют педагогический корпус экономического факультета, способствуя тем самым выполнению нашей общей задачи по подготовке высококвалифицированных кадров для экономики республики.

Надеемся, что в будущем экономический факультет – Институт экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета приумножит свои достижения и выйдет на качественно новый уровень развития.

От души поздравляем коллег с замечательным юбилеем и желаем всем здоровья, успехов и процветания!

Коллектив БАГСУ,
редакция журнала
«Экономика и управление»

Роль средств массовой информации в развитии агропромышленного комплекса стран-участниц ШОС

В августе 2013 года в Уфе прошел Международный форум молодых журналистов, блогеров и фотокорреспондентов с участием представителей стран ШОС. Организаторами форума выступили Правительство Республики Башкортостан, Российский союз молодежи, Офис-группа ШОС БРИКС «Уфа – 2015», Администрация г.Уфы при участии Россотрудничества, Министерство по молодежной политике и спорту РБ, Агентство по печати и средствам массовой информации РБ, ОАО АНК «Башнефть». Данный форум – одно из первых знаковых мероприятий в ходе подготовки к саммитам ШОС и БРИКС, которые должны состояться в Уфе в 2015 году.

В Международном форуме приняли участие представители СМИ из Казахстана, Киргизии, КНР, Таджикистана, Узбекистана, журналисты и блогеры российских городов-миллионников. Целью форума стало знакомство его участников с научным, социальным и экономическим потенциалом Республики Башкортостан. Важно, что форум стал действенным инструментом заполнения информационного вакуума в области отношений между Россией и странами ШОС.

В ходе форума был организован автопробег по самым примечательным местам республики. Знакомство с памятниками природы, крупнейшими промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, социальными объектами было совмещено с дискуссионными площадками, культурными программами и мастер-классами.

Одним из важных мероприятий форума стал «круглый стол» **«Формирование с помощью СМИ положительного имиджа работников АПК – стран-участниц ШОС»**. В работе «круглого стола» приняли участие гости из Казахстана, Киргизии, КНР, Таджикистана, Узбекистана, российские журналисты, а также представители органов государственной власти Республики Башкортостан, средств массовой информации республики, молодые фермеры региона и эксперты по АПК.

В процессе работы «круглого стола» иностранные гости из стран ШОС ознакомились с потенциалом и «точками роста» агропромышленного комплекса Республики Башкортостан, а также поделились своим опытом в области освещения проблем АПК в средствах массовой информации. В ходе продуктивной дискуссии обсуждались перспективы сотрудничества в сфере АПК между странами ШОС.

Модератор «круглого стола» Д.Р.Пескова, профессор кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, в приветственном слове к участникам «круглого стола» презентовала аграрный сектор Республики Башкортостан. Было отмечено, что Республика Башкортостан – один из развитых аграрных регионов Российской Федерации, который входит в пятерку лидеров среди регионов России по стоимостному объему валовой сельскохозяйственной продукции. Потенциал республики позволяет вносить существенный вклад в обеспечение продовольственной безопасности России. При этом очевидно, что грамотное и адекватное освещение в СМИ проблем и перспектив агропромышленного комплекса имеет огромное значение для развития отрасли и региона в целом.

Заместитель министра сельского хозяйства Республики Башкортостан Ф.Р.Шайхетдинов в докладе «Состояние и перспективы развития агропромышленного комплекса Республики Башкортостан» большое внимание уделил вопросам государственной поддержки аграрного сектора республики, осветил приоритетные стратегические направления развития АПК региона: модернизация сахарных заводов, развитие производства и глубокой переработки зерна и масличных культур, развитие биоэнергетики, рыбоводство, создание совместных производств сельскохозяйственной техники.

Особый интерес у участников дискуссии вызвала информация об экспортном потенциале агропромышленного комплекса Республики Башкортостан, особенно продукции пчеловодства и животноводства (молока, масла животного и сыров), также внимание привлек опыт реализации программы «500 ферм», которая направлена на развитие молочных животноводческих ферм и увеличение производства молока в республике.

Главный редактор информационного агентства «Башинформ» Ш.Р.Валеев в своем выступлении «Проблема восприятия аграрной тематики городскими читателями» обратил особое внимание на то, что у значительной части горожан отсутствует интерес к проблемам села, аграрного сектора. С точки зрения Ш.Валеева, в первую очередь это результат недостаточного внимания СМИ к аграрной проблематике, применения устаревших форм подачи агроинформации. Сегодня необходимо показывать агропредприятия в стиле «hi-tech», использовать визуализацию агропроцесса, актуализировать вопросы агробезопасности с потребительской и государственной точек зрения, показывать истории успеха сельских жителей. Инструментами подачи агроинформации должны стать инфотейнмент (способ подачи информации с элементами развлекательности); видеоуроки (например, как управлять трактором, как отличить ячмень от пшеницы); размещение на упаковке локальных агропродуктов информации об истории села, фотографий села; тренинги (как выбирать на рынке мясо, как отличить хороший мед от плохого).

Начальник отдела социально-экономических программ редакции общественно-политических программ ГУП ТРК «Башкортостан» В.Н.Галин в докладе «Проекты аграрной тематики на телевидении и радио республики» еще раз подчеркнул необходимость увеличения внимания СМИ к сельской тематике. Он рассказал участникам «круглого стола» о еженедельной целевой передаче о сельском хозяйстве «Живое село», первый выпуск которой состоялся на канале БСТ 18 мая 2013 г. «Живое село» – это совместный проект башкирского телевидения и Министерства сельского хозяйства РБ. Его основная цель – повышение престижа села и агропромышленного комплекса Башкортостана. В программе будет демонстрироваться опыт ведущих сельскохозяйственных предприятий, планируется рассказывать обо всем, чем живет и гордится село, о том, какие проблемы беспокоят сельских жителей. Вопросы животноводства, растениеводства, птицеводства, новые инвестиционные проекты, уникальные личности, насущные проблемы и пути их решения, опыт достижения успеха, какие существуют возможности получения помощи от государства – все это будет обсуждаться в телепроекте. Каждую неделю компетентные специалисты будут приходить в студию и отвечать на вопросы ведущего.

Начальник отдела взаимодействия с научно-образовательными учреждениями, внешних связей и связей со СМИ Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан А.Е.Белов акцентировал внимание на необходимости увеличения внимания СМИ к аграрной проблематике, целесообразности повышения квалификации журналистов, корреспондентов и блогеров, освещающих проблемы АПК.

Председатель комиссии по аграрным вопросам, экологии и природопользованию Молодежной Общественной палаты при Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан А.Ю.Коннов и руководитель штаба трудовых отрядов «Колос» А.В.Шарафутдинов ознакомили участников «круглого стола» с работой ССО «Колос» Башкирского государственного аграрного университета. Было отмечено, что на современном этапе студенческие специализированные отряды как одна из форм практической подготовки студентов – это эффективный способ решения большого числа задач, стоящих перед страной. Сегодня студенческий отряд «Колос» насчитывает более 1700 членов. За период 2008–2012 гг. бойцами стройотрядов университета скошено зерновых на 217923 га, намолочено свыше 336486 т зерновых, собрано 8454 двигателей, отремонтировано 324 и собрано 163 единиц сельскохозяйственной техники, протравлено более 500 т семян пшеницы и ячменя, отремонтировано более 1200 кв. м животноводческих помещений, посажено 7200 саженцев, осуществлен уход за лесными

культурами на площади 490 га, проложено кабельных линий протяженностью свыше 20500 м, выработано и упаковано 5806 т молочной и 4751 т мясной продукции. Выступающие обратили внимание на то, что сегодня необходима пропаганда положительного опыта студенческих строительных отрядов, прежде всего – через средства массовой информации.

Арт-директор проекта «Живое село» А.Э.Нигаматзянов рассказал о том, что в ходе трехлетнего исследования в рамках проекта «Живое село» было выявлено множество причин, сдерживающих развитие сельских территорий. Одна из причин – это отсутствие у молодой сельской семьи веры в завтрашний день. Именно это порождает ряд негативных последствий: желание уехать на Север в поисках работы, переезд сельчан в райцентры вследствие закрытия школ и детских садов в селах и т. д.

Экономический анализ состояния сельских территорий указывает на наличие колоссальных природных, капитальных и даже трудовых ресурсов на селе, однако их развитие возможно только при условии стимулирования предпринимательской активности сельских граждан. И проблема не в недостатке финансовых возможностей, как многие думают. «Деньги мы найдем», – говорят сельчане. У сельского населения нет уверенности, что сельский труд, грамотно организованный, с применением современных технологий, принесет планируемую доходность. Между тем успешных примеров в республике достаточно. Вот почему особенно важно через СМИ рассказывать об успешном опыте сельских предпринимателей: о начальном периоде их деятельности, о маленьких секретах и планах на будущее.

Молодой фермер, аспирант Башкирского государственного аграрного университета И.Р.Бикметов поделился с присутствующими опытом организации собственного крестьянско-фермерского хозяйства на селе. Особое внимание он уделил мерам государственной поддержки, которая оказывается молодым фермерам и молодым специалистам аграрного сектора республики.

Доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан С.А.Ларцева в своем выступлении затронула два важных аспекта: во-первых, была обоснована значимость аграрного сектора для экономического и социального развития стран ШОС и Республики Башкортостан, во-вторых, показана целесообразность развития сотрудничества республики со странами ШОС в аграрной сфере, сотрудничества многостороннего, не только в области торговых отношений, но прежде всего – в науке, в сфере фундаментальных и прикладных исследований. На современном этапе необходима консолидация научной мысли в сфере разработки новых технологий, позволяющих производить качественное, экологически чистое, полезное для здоровья человека продовольствие. Ученые Башкортостана, и среди них немало молодых исследователей, уделяют большое внимание исследованиям в аграрной сфере: это и селекционные разработки, и разработки в области производства и управления. Именно в этой плоскости просматриваются широкие перспективы для сотрудничества между странами ШОС и Республикой Башкортостан, а СМИ необходимо всесторонне освещать аграрную проблематику, в том числе – в области достижений аграрной науки.

Все участники «круглого стола» сошлись во мнении относительно важности сотрудничества стран ШОС в области аграрных отношений, поддержали идею о необходимости совместной работы по разработке и реализации стратегии развития сельских территорий и эффективного информационного обеспечения деятельности работников АПК.

С.ЛАРЦЕВА,

канд. экон. наук, декан факультета
государственного и муниципального
управления БАГСУ

Д.ПЕСКОВА, д-р экон. наук, декан
факультета экономики и управления БАГСУ

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ABSTRACTS AND KEY WORDS

А.МАХМУТОВ. Региональные сообщества: ШОС как инструмент сотрудничества в условиях глобализации

В статье рассматриваются перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества. Анализируются внутренние и внешние противоречия, с которыми сталкивается ШОС, а также направления совершенствования деятельности данной организации.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), интегрированная международная организация, саммит лидеров стран ШОС, органы управления ШОС, противоречия, устойчивость.

A.MAKHMUTOV. Regional Communities: SCO as Instrument for Cooperation in Terms of Globalization

In the article there have been considered development perspectives of the Shanghai Cooperation Organization. There have been analyzed internal and external contradictions which the SCO faces as well as directions of improving the organization's performance.

Key words: the Shanghai Cooperation Organization (SCO), integrated international organization, summit of the SCO countries leaders, the SCO management authorities, contradictions, stability.

Б.МИРКИН, Л.НАУМОВА, Р.ХАЗИАХМЕТОВ. Возможен ли «зеленый цикл» Николая Кондратьева?

Рассматривается возможность использования «фактора 5» (пятикратная экономия энергии и ресурсов) для перехода к «зеленой экономике» и формирования «зеленого цикла» Н.Кондратьева. Факторами, препятствующими реализации этой программы, являются господство стихии рыночной экономики и безудержный рост потребления.

Ключевые слова: «зеленая экономика», потребительство, рынок, сельское хозяйство, строительство, транспорт, «фактор 5».

V.MIRKIN, L.NAUMOVA, R.KHAZIAKHMETOV. Is a «Green Cycle» by Nikolay Kondratjev possible?

There has been considered a possibility of implementing a «5 factor» (fivefold energy and resource saving) to transfer to a «green economy» and creation of a «green cycle» by N.Kondratjev. There are factors that prevent the above mentioned program realization. They are prevalence of market economy power and impetuous consumption growth.

Key words: «green economy», consumption, market, agriculture, construction building, transport, «5 factor»

С.ЛАВРЕНТЬЕВ. Неклассические модели модернизации в программах политических партий России

Анализируется роль политических партий как агентов модернизационных процессов; рассматриваются модели модернизации института государства, выдвигаемые наиболее крупными политическими партиями современной России. На основе анализа партийных документов делается вывод о преобладании в партийном дискурсе неклассических моделей модернизации: социально-либеральной, коммунистической и консервативной.

Ключевые слова: модернизация, политическая партия, партийная система, модель, развитие.

S.LAVRENTYEV. Non-classical Modernization Models in Russia's Political Parties Programs

The role of political parties as agents of modernized processes has been analyzed; the models of the state institution modernization which are outlined by the largest political parties of up-to-date Russia have been considered. On the basis of party documents analysis it was concluded that in a political discourse there was domination of non-classical modernization models: social-liberal, communistic and conservative.

Key words: modernization, political party, party system, model, development.

А.БАРЛЫБАЕВ, И.ЗУЛЬКАРНАЙ. Глубокая переработка лесных ресурсов: нужны ли арендные отношения в этой области?

Статья посвящена исследованию взаимоотношений государства, являющегося в России собственником лесов, и частного бизнеса в лесной промышленности. Показано, что практикуемые в России в целом и в Башкортостане в частности арендные отношения между государством и бизнесом в области лесных ресурсов не стимулируют предпринимателей заниматься лесовосстановлением, лесоохраной и глубокой переработкой леса. Разработаны предложения по изменению институциональных и экономических отношений между государством и бизнесом в сфере лесного хозяйства, направленные на стимулирование устойчивого лесовосстановления и развития отрасли глубокой переработки леса.

Ключевые слова: арендные отношения, глубокая переработка леса, лесовосстановление, лесоохрана, лесозаготовка, малый и средний бизнес, крупный бизнес.

A. BARLYBAEV, I. ZULKARNAY. Added-value Wood Processing: Are Lease Relations Necessary?

The article regards studying relationship between the state which is the owner of forest resources in Russia and entrepreneurship in the forestry. It is shown that lease agreements between the state and the business practiced in Russia as a whole and in Bashkortostan particularly in the sphere of forest resources do not inspire entrepreneurs to reforest, to protect forest and process the wood deeply. There have been developed measures of changing institutional and economic relations between the state and the business in the forestry which are directed to stimulate stable reforest and development of the added-value wood processing branch.

Key words: lease relations, added-value wood processing, reforest, protection of forest, logging, small and medium business, large business.

И. ДИМИТРОВ. Роль планирования и прогнозирования в реализации социально-экономической политики государства

Показано, что прогнозирование представляет собой комплексную систему, включающую прогнозы развития отдельных секторов экономики, субъектов страны, демографические и научно-технические прогнозы, и должно осуществляться на всех уровнях и на различные периоды. С точки зрения автора статьи, система прогнозирования России не соответствует современным требованиям, в связи с чем существует необходимость ее совершенствования на базе изучения мирового опыта.

Ключевые слова: прогнозирование и планирование, экономическая политика, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

I. DIMITROV. Role of Planning and Predicting in State Social-economic Policy

The article reveals the fact that prediction is a complex system which includes forecasts of development of separate economic sectors, subjects of the country, demographic and science-technological forecast. And it should be implemented at all levels and for different periods. From the author's point of view the Russian system of predicting does not satisfy to the modern requirements. Therefore there is a necessity to improve it on the basis of studying the global experience.

Key words: predicting and planning, economic policy, Concept of long-range social-economic development of the Russian Federation.

Н. СОЛОДИЛОВА, Р. МАЛИКОВ, К. ГРИШИН, Ф. ИСАЕВ. Разработка системы мониторинга влияния административного регулирования на эффективность предпринимательской деятельности в муниципальном образовании

В статье рассматриваются вопросы влияния административного регулирования предпринимательской деятельности на уровень развития малого и среднего бизнеса. Обосновывается необходимость оценки качества деловой среды муниципальных образований по индикаторам социальных эффектов предпринимательской деятельности. Предлагается методологический инструментарий мониторинга влияния административного регулирования на эффективность развития малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании.

Ключевые слова: административное регулирование, муниципальная деловая среда, малое и среднее предпринимательство, социальные эффекты предпринимательства.

N. SOLODILOVA, R. MALIKOV, K. GRISHIN, F. ISAEV. Monitoring System Development of Administrative Regulation Impact on Entrepreneurship Performance Efficiency in Municipal Institution

In the article there have been considered issues of entrepreneurship administrative regulation impact on the level of small and medium business development. There has been proved the necessity of evaluating quality of municipal institutions business environment due to indices of social effects of entrepreneurship activity. The methodological instrument of monitoring administrative regulation impact on the efficiency of small and medium business in a municipal institution has been offered.

Key words: administrative regulation, municipal business environment, small and medium business, social effects of entrepreneurship.

Е. ФОМИНА, Ю. КОВАЛЬСКАЯ. Модель прогнозирования доходов и кредитоспособности муниципальных образований

В статье предложена и обоснована модель прогнозирования доходов муниципальных образований, в которую по результатам корреляционного анализа включены факторы, оказывающие влияние на собственные доходы муниципального образования. Проведена кластеризация муниципальных образований Республики Башкортостан. Представлена практическая апробация экономико-математической модели с использованием искусственных нейронных сетей для оценки кредитоспособности муниципальных образований.

Ключевые слова: прогнозирование доходов, муниципальное образование, оценка кредитоспособности, нейросетевая модель.

E.FOMINA, Ju.KOVALSKAYA. Model of Revenue and Creditability Forecasting of Municipal Institutions

In the article there has been suggested the model of revenue forecasting of municipal institutions which involves factors that influence private profit of a municipal institution due to the correlation analysis. The clusterization of the Bashkortostan's municipal institutions has been performed. There has been offered practical approbation of an economic-mathematical model with the use of artificial neural network in order to evaluate creditability of municipal institutions.

Key words: revenue forecasting, municipal institution, creditability evaluation, neural network model.

Р.АГЗАМОВ. Методологические проблемы оценки результативности маркетинговой деятельности

Результативный вклад маркетинга в общую корпоративную эффективность в значительной степени зависит от того, что именно выступает в качестве ориентира в действиях предприятия. Решение этой проблемы связано с необходимостью уточнения методологии оценки результативности маркетинговой деятельности.

Ключевые слова: результативность маркетинга, создание потребителя, маркетинговая ориентация, рыночная ориентация, методологические подходы, маркетинговый парадокс.

R.AGZAMOV. Methodological Problems of Evaluating Efficiency of Marketing Activity

Effective input of marketing into general corporative efficiency to a significant extent depends on the fact of what a checkpoint is in an enterprise performance. The solution of this problem is connected with a necessity of specifying the methodology of evaluating the efficiency of marketing activity.

Key words: marketing efficiency, consumer creation, marketing orientation, market orientation, methodological approaches, marketing paradox.

С.НАФИКОВА. Экономический анализ локальных рынков жилья: эволюция подходов

В статье рассматривается эволюция теоретических подходов к анализу локальных рынков жилья в западной экономической науке, раскрываются достоинства и недостатки каждого из них. Показано текущее состояние и направления дальнейшего развития экономического анализа локальных рынков жилья. Исследуются возможности применения различных моделей в анализе рынков жилья российских городов.

Ключевые слова: локальный рынок жилья, «новая экономика города», пространственная модель рынка жилья, модель моноцентрического города.

S.NAFIKOVA. Economic Analysis of Local Housing Market: Approaches Evolution

In the article there has been regarded evolution of theoretical approaches to local housing market analysis in the western economic science; advantages and disadvantages of each one have been revealed. There have been shown the current state and directions of further economic analysis development of local housing market. Possibilities of applying various models in the Russian cities housing market analysis have been researched.

Key words: local housing market, «new economy of a city», spacial model of housing market, model of a monocentric city.

И.БЕЛОЛИПЦЕВ. Решение проблемы финансирования экономического роста северо-востока Башкортостана

Одной из причин недостаточного притока инвестиций в экономику слаборазвитых регионов России в целом и в экономику слаборазвитых районов конкретных регионов в частности является сложившаяся система финансирования. В современных условиях решить эту проблему традиционно, за счет бюджетных средств не удастся. В статье предлагается принципиально новая схема финансирования инвестиций в экономику страны (региона), в том числе в экономику слаборазвитых северо-восточных районов Республики Башкортостан.

Ключевые слова: гарантийный бюджетный фонд, портфель государственных гарантий, максимальная величина (лимит) государственной гарантии, риск инвестиционного портфеля, мультипликатор инвестиций.

I.BELOLIPTSEV. Solving Problem of Financing Economic Development of North-East of Bashkortostan

One of the reasons of insufficient flow of investment into the economy of poorly developed regions of Russia as a whole and of individual regions particularly is the current system of financing. In modern conditions to solve this problem traditionally at the expense of budgeting is not possible. In the article there has been suggested a principally new scheme of investment financing into the country's (region's) economy as well as the economy of the poorly developed north-eastern regions of Bashkortostan.

Key words: guaranteed budgeting fund, a portfolio of public guarantee, public guarantee ceiling, risk of investment portfolio, investment multiplier.

А.ЗОЛОТУХИНА. Типология регионов по уровню научно-технического потенциала: европейский опыт в контексте проблемы устойчивого развития

В статье охарактеризована государственная научно-техническая политика как инструмент управления научно-техническим потенциалом региона в целях обеспечения его устойчивого развития. С учетом опыта типологизации регионов Евросоюза предложена авторская типология субъектов Российской Федерации по двум основаниям: уровню научно-технического потенциала и степени устойчивости регионального развития. Сформулированы рекомендации по осуществлению государственной научно-технической политики на субфедеральном уровне в России.

Ключевые слова: регион, научно-технический потенциал, устойчивое развитие, типология, государственная научно-техническая политика.

A.ZOLOTUKHINA. Regions Typology on Level of Scientific-and-Technological Potential: European Experience in Context of Stable Development Problem

In the article there has been characterized the state scientific-and-technological policy as an instrument of managing scientific-and-technological potential of a region in terms of providing its stable development. Taking into account the experience of typologization of the EU regions there has been suggested the author's typology of the Russian Federations entities on two grounds: level of scientific-technological potential and regional development stability degree. Recommendations on implementing scientific-and-technological policy on a sub-federal level of Russia have been formulated.

Key words: region, scientific-and-technological potential, stable development, typology, state scientific-technological policy.

С.ПЬЯНКОВА. Совершенствование институционального потенциала монопрофильной территории (на примере Свердловской области)

В статье раскрыты проблемы социально-экономического развития монопрофильных территорий Свердловской области. Показаны тенденции инвестиционного развития моногородов. Предложен комплекс мер, направленных на поддержку и развитие монотерриторий.

Ключевые слова: монопрофильные территории, инвестиционный план, институты развития.

S.PJYANKOVA. Improving Institutional Potential of Non-diversified Territory (on the Example of the Sverdlovsk region)

In the article there have been revealed social-economic development problems of the Sverdlovsk region's non-diversified territories. Tendencies of company towns investment development have been presented. There has been offered a complex of measures directed to support and develop non-diversified territories.

Key words: non-diversified territories, investment plan, development institutions.

Л.ВАЛИНУРОВА. Эффективное управление инвестиционными процессами инновационной экономики: тенденции, предпосылки, концепция

В статье исследуются подходы к управлению инвестиционными процессами инновационной экономики. Выявлены тенденции и проанализированы особенности управления инвестиционными процессами в современной экономике. Предложена концепция эффективного управления инвестиционными процессами в социально-экономических системах.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, управление, инновационное развитие, социально-экономическая система, концепция, инновационная экономика.

L.VALINUROVA. Effective Investment Processes Management of Innovation Economy: Tendencies, Assumptions, Conception

In the article there have been researched approaches to investment processes management of innovation economy. Tendencies and peculiarities of investment processes management in up-to-date economy have been revealed and analyzed. There has been offered an effective management conception of investment processes in social-economic systems.

Key words: investment process, management, innovation development, social-economic system, conception, innovation economy.

А.ШАТОВ, Е.САФАРГАЛЕЕВА. О роли инноваций в создании новых рабочих мест

В статье рассмотрены некоторые проблемы, связанные с созданием новых рабочих мест в современной российской экономике. Особое внимание авторы уделяют роли инноваций в решении данной проблемы.

Ключевые слова: инновации, наука, рабочие места, производство, экономика, кадры.

A. SHATOV, E. SAFARGALEEVA. Innovation Role in Creating New Working Places

In the article there have been considered problems which are connected with creation of new working places in up-to-date Russian economy. The authors have paid special attention to innovation role in the problem solution.

Key words: innovations, science, working places, production, economy, human resources.

М. ТРОЯНСКАЯ. Оценка форм налогового стимулирования инновационной деятельности в регионах Приволжского федерального округа

В статье проведен анализ налогового законодательства регионов ПФО в части предоставления налоговых льгот; предложены рекомендации по внесению поправок в Налоговый кодекс РФ с целью стимулирования инновационной деятельности в России.

Ключевые слова: налоговое стимулирование, налоговое регулирование, инновационная деятельность, налоговые льготы.

M. TROYANSKAYA. Forms Evaluation of Innovation Activity Tax Promotion in Privolzhsky Federal District Regions

In the article there has been performed analysis of tax legislation of the Privolzhsky Federal District regions in terms of providing benefits. There have been offered recommendations on making amendments to the RF Tax Code in order to promote innovation activity in Russia.

Key words: tax promotion, tax regulation, innovation activity, tax benefits.

Т. ЛЕЙБЕРТ, Э. ХАЛИКОВА. Современные аспекты управленческого учета затрат в нефтедобывающих компаниях

В статье рассмотрены основные методические подходы к управленческому учету затрат на добычу нефти и газа в соответствии с требованиями отраслевых нормативных документов и современными требованиями к формированию информации о себестоимости продукции на нефтедобывающих предприятиях. Приведены основные технологические особенности, влияющие на организацию аналитического учета затрат, и методика аналитического учета себестоимости продукции, основанная на попроцессном методе сбора и распределения затрат на добычу нефти и попутного нефтяного газа.

Ключевые слова: управленческий учет, себестоимость нефти и газа, процессный метод, технологические особенности, место возникновения затрат, объекты учета.

T. LEIBERT, E. KHALIKOVA. Modern Aspects of Cost Accounting in Oil Producing Companies

In the article there have been regarded main methodical approaches to cost accounting of oil and gas extraction according to the requirements of branch normative documents and modern standards to information creation of product cost price in oil producing companies. There have been presented fundamental technological features which influence analytical cost accounting organization, based on a process method of collecting and distributing costs on oil and gas extraction.

Key words: cost accounting, oil and gas cost price, process method, technological features, cost center, accounting objects.

И. САХИБГАРЕЕВ. Современный взгляд на воспроизводство основного капитала

В ходе анализа инновационной деятельности ведущих предприятий промышленности рассмотрены предпосылки реализации процесса воспроизводства основного капитала; показана необходимость осуществления воспроизводства основного капитала на базе инновационных проектов.

Ключевые слова: воспроизводство, основной капитал, инновационное развитие, инновационный проект, техническое перевооружение.

I. SAKHIBGAREEV. Up-to-date Look at Fixed Capital Reproduction

While analyzing innovation activity of leading industrial enterprises there have been considered assumptions of implementing fixed capital reproduction process. Necessity of implementing fixed capital reproduction on the basis of innovation projects is shown.

Key words: reproduction, fixed capital, innovation development, innovation project, technical re-equipment.

Р. МУХАМЕТЛАТЫПОВ. Экономика строительства доступного жилья

В статье рассматриваются основные проблемы реализации Федеральной целевой программы «Жилище» на 2011-2015 гг. на территории Республики Башкортостан: неравновесность строительного рынка, дисбаланс между заявленным и платежеспособным спросом, высокая

себестоимость строительства, административные барьеры. Сформулирован ряд предложений по усовершенствованию государственного регулирования в сфере жилищного строительства.
Ключевые слова: жилье экономического класса, заявленный спрос, платежеспособный спрос, занятость и доходы населения, стоимость строительства, государственное регулирование.

R.MUKHAMETLATYPOV. **Affordable Housing Construction Economy**

In the article there have been considered such key problems of implementing the Federal special program «Housing» for the period 2011-2015 in the Republic of Bashkortostan as construction market nonequilibrium, misbalance between stated and payable demand, high cost price and administrative barriers. There has been formulated a number of suggestions on improving state regulation in the sphere of housing construction.

Key words: economic class housing, stated demand, payable demand, population employment and income, construction value, state regulation.

Р.ЮНУСОВА. **Эквифинальное планирование развития предпринимательства как социально-экономической подсистемы региона**

На основе анализа содержания планирования социально-экономических систем предложена схема эквифинального планирования развития предпринимательства; выявлены и описаны некоторые существенные противоречия, раскрываемые в контексте эквифинальности планирования предпринимательства как региональной социально-экономической подсистемы.

Ключевые слова: предпринимательство, социально-экономическая система, эквифинальное планирование.

R.YUNUSOVA. **Equifinal Planning of Entrepreneurship Development as Social-Economic Regional Subsystem**

On the basis of content analysis of social-economic system planning there has been suggested a framework of equifinal planning of entrepreneurship development. Several significant discrepancies which are revealed in the context of equifinal entrepreneurship planning as a regional social-economic subsystem have been specified and described.

Key words: entrepreneurship, social-economic system, equifinal planning.

Е.ЛЫСОВА. **Охранные услуги: нестратегические барьеры входа на рынок**

В статье рассмотрены и проанализированы охранные услуги, их виды, нестратегические барьеры входа на рынок услуг безопасности (экономические, административные, организационные); определены задачи, требующие решения.

Ключевые слова: охранные услуги, конкуренция, рынок, частные и государственные охранные предприятия, нестратегические барьеры входа на рынок.

E.LYSOVA. **Security Services: Non-strategic Barriers of Entering a Market**

In the article there have been regarded and analyzed security services, their types, non-strategic barriers of entering a security service market (economic, administrative and organizational). Tasks which require tackling have been set.

Key words: security services, competition, market, private and public security companies, non-strategic barriers of entering a market.

А.НИЗАМОВА, И.АСФАНДИЯРОВА. **Профессиональное обучение на Среднем и Южном Урале на примере горнозаводских школ и училищ в XVIII–XIX вв.**

Рассмотрены предпосылки создания системы профессионального обучения в горнодобывающей и металлургической промышленности на Южном и Среднем Урале. Описана законодательная база управления профессиональным обучением на горных заводах. Проанализированы особенности организации учебного процесса в горных школах и училищах.

Ключевые слова: профессиональное обучение, горные школы и училища, горные заводы, горнодобывающая и металлургическая промышленность.

A.NIZAMOVA, I.ASFANDIYAROVA. **Professional Education in Central and Southern Urals on the Example of Mining Schools and Colleges in XVIII–XIX centuries**

There have been considered assumptions of creating a system of professional education in mining and metallurgic industry in the Central and Southern Urals. Legislative base of professional education management in mining plants has been described. There have been analyzed features of educational process organization in mining schools and colleges.

Key words: professional education, mining schools and colleges, mining plants, mining and metallurgic industry.